

L. russ.

0

56

2

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. С. Петербургъ. 30 Ноября 1852 года.

Ценсоръ Ал. Крыловъ.

СОЧИНЕНІЯ
АНТОНІЯ
ПОГОРЕЛЬСКАГО.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1853.

Цѣна за два тома два рубля серебромъ.

ДВОЙНИКЪ

или

МОИ ВЕЧЕРА ВЪ МАЛОРОССІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДВОИНИ

ИЛИ

МОИ БРАТА И БРАТОВЫЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

Въ сѣверной Малороссіи — въ той части, которую по произволу назвать можно и лѣсною, и песчаною, потому, что названія эти равно ей приличны — находится село П***. Среди онаго, на постепенно возвышающемся холмѣ, расположенъ большой садъ въ Англійскомъ вкусѣ, къ которому съ сѣверной стороны примыкаетъ пространный дворъ, обнесенный каменною оградой; — на дворѣ помѣщичій домъ съ принадлежащими къ нему строеніями. — Изъ однихъ окошекъ дома видѣнъ садъ, изъ другихъ видна улица, а по ту сторону улицы зеленѣются конопляники, составляющіе главный доходъ жителей тамошняго края. — Холмъ окруженъ крестьянскими избами, выстроен-

ными въ порядкѣ и украшенными (на рѣдкость въ той странѣ) каменными трубами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ села, густой сосновый лѣсъ со всѣхъ сторонъ закрываетъ виды вдаль.

Въ этомъ селѣ и въ этомъ помѣщичьемъ домѣ, жилъ я безвыѣздно нѣсколько лѣтъ. Рассказывать, по какимъ причинамъ я жилъ тамъ безвыѣздно, было бы вовсе излишне; довольно того, если скажу тебѣ, мой благосклонный читатель, что я — покорный слуга твой, — не другой кто, какъ самъ помѣщикъ того села. — Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ моего тамъ пребыванія, время проходило не совсѣмъ для меня весело, но не совсѣмъ и скучно, и я на то никакъ не жалуясь; ибо гдѣ въ поднебесной провести можно время совершенно счастливо, совершенно весело? Какой человекъ на свѣтѣ (я говорю о людяхъ нѣсколько испытанныхъ и не совсѣмъ молодыхъ) можетъ похвалиться, что онъ гдѣ нибудь, или когда нибудь совершенно былъ счастливъ? Если ты, любезный мой читатель, еще очень молодъ, — если пріятности жизни представляются тебѣ еще въ дали блестящей; то ты мнѣ не повѣришь; ты скажешь самъ себѣ:

«теперь я, конечно, не могу назваться счастливымъ, теперь не достаетъ у меня того, другаго, на прим. чиновъ, почестей, имѣнія;—но какъ скоро достигну до всего, чего желаю, что тогда помѣшаетъ мнѣ быть счастливымъ? Когда человѣкъ здоровъ, молодъ, богатъ, знатенъ, то онъ долженъ быть и счастливъ.» — Ошибаешься, другъ мой, молодой читатель! Со временемъ, ты собственнымъ опытомъ узнаешь, что совершенное благополучіе не есть удѣлъ этой жизни, и что какъ бы ни повезло тебѣ счастье, (чего отъ души желаю), все таки оно не довезетъ тебя туда, куда стремиться будешь. Чѣмъ дальше въ море, тѣмъ больше гора, — говорилъ одинъ старикъ, пріятель мой. И я ему сначала не очень вѣрилъ; а теперь вѣрю!....

Но спросишь ты у меня, что же тебѣ дѣлать, чтобъ быть по крайней мѣрѣ сколько возможно, счастливымъ? Скажу въ отвѣтъ: старайся быть довольнымъ судьбою своею и не завидуй судьбѣ другихъ. Помни золотое правило, почерпнутое мною въ молодости изъ одной учебной книги, и которое нашелъ я чрезвычайно полезнымъ въ теченіи жизни своей:

Что Господомъ дано, ты тѣмъ и наслаждайся;

Чего же не дано, о томъ не сокрушайся.

Не забывай никогда, что сокрушаться о томъ, что не дано тебѣ, ни къ чему не служить. Сокрушеніемъ своимъ ты не достигнешь того, чего желаешь, а только потеряешь вкусъ къ тому, что имѣешь. Человѣка, пренебрегающаго этимъ правиломъ, сравнить можно съ солдатомъ, который во время похода вздумалъ бы крушиться о томъ, что у него, вмѣсто щей да каши, нѣтъ сладкихъ пироговъ. Какъ часто въ горестныя минуты, правило это меня утѣшало! — И такъ, любезный читатель, вотъ мой дружескій совѣтъ! Кушай на здоровье пироги, когда они у тебя есть; но не грусти о нихъ и не посматривай другимъ въ зубы, когда у тебя нѣтъ ничего, кромѣ щей да каши.

Пора однако обратиться къ дѣлу: я почти признался выше, что иногда и мнѣ, не смотря на упомянутое золотое правило, бывало скучно. Чаше всего случалось это по вечерамъ, когда крестьяне, окончивъ сельскія работы, предавались покою и около дома моего стано-

вилось пусто. Я тогда обыкновенно садился къ открытому окну и въ задумчивости слушалъ унылое пѣніе молодыхъ крестьянокъ, до поздней ночи веселящихся на вечеринкахъ. Кому случалось слышать это пѣніе въ сѣверной Малороссіи, тому не покажется непонятнымъ, что я не сердился на лай собакъ, крикъ филиновъ и визгъ летучихъ мышей, отъ времени до времени заглушавшихъ пѣсни красавицъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, я, по обыкновенію, сидя у окна, мечталъ о будущемъ, и не безъ грусти вспоминалъ о прошедшемъ. Непримѣтно переходя отъ воспоминанія къ воспоминанію, отъ мысли къ мысли, я въ воображеніи принялся за любимое занятіе, когда бываю одинъ и безъ дѣла, ... я началъ строить воздушные замки. — Живѣйшее воображеніе въ такихъ случаяхъ бываетъ лучшимъ Архитекторомъ. Я не могу пожаловаться на лѣность своего воображенія, и потому воздушныя зданія съ неописанною скоростію возвышались одно другаго красивѣе, одно другаго пышнѣе. Наконецъ взгромоздивъ замокъ, который огромностію и красотою своею пре-

восходилъ всѣ прочіе , я вдругъ опомнился и со вздохомъ обратился къ настоящему! Если бы, подумалъ я , вмѣсто всего несбыточнаго , которое бродитъ у тебя въ головѣ , имѣлъ ты хотя одного добраго товарища , который бы дѣлилъ съ тобою длинные вечера! Но нѣтъ — и этого даже быть не можетъ! Ты осужденъ оставаться одинокимъ ; друзья твои далеко ; и кто изъ нихъ пожертвуетъ собою , чтобъ посѣтить тебя въ такой глуши? — Не смотря однакожъ на то , будь доволенъ своею судьбою и помни:

Что Господомъ дано

Не успѣлъ еще я договорить мысленно этого утѣшительнаго изрѣченія , какъ послышалось мнѣ , что кто-то тихо постучался въ дверь. Сначала я принялъ это за игру воображенія ; но вторичный стукъ удостовѣрилъ меня , что я не ошибаюсь , и я въ нетерпѣливомъ любопытствѣ громко закричалъ : милости просимъ !

Дверь отворилась безъ скрипа , и вошелъ въ комнату мужчина среднихъ лѣтъ и росту повыше средняго. Волосы его были кудрявые ,

глаза голубые, губы довольно толстыя и носъ вздернутый не много къверху. Онъ поклонился весьма ласково, и когда подходилъ ко мнѣ ближе, то я замѣтилъ, что онъ не много прихрамываетъ на правую ногу. — Нельзя представить себѣ, до какой степени поразило меня его появленіе! Кромѣ того, что я понять не могъ, какимъ образомъ подошелъ онъ къ дому такъ непримѣтно, что я не видалъ его, сидя у открытаго окна, — кромѣ того, говорю я, внезапное появленіе его произвело во мнѣ какое-то странное и неизъяснимое впечатлѣніе! — При первомъ взглядѣ на него, сердце мое забилося, — какъ это всегда случается при встрѣчѣ съ другомъ послѣ долгой разлуки. Хотя я не сомнѣвался, что вижу его въ первый разъ въ жизни, но поступь его, малѣйшія его движенія и вся вообще наружность напоминали мнѣ что-то знакомое и, такъ сказать, родное. — Я учтиво отвѣчалъ на сдѣланный мнѣ поклонъ, и не могъ выговорить ни слова. Незнакомецъ, казалось, примѣтилъ мое замѣшательство и сказалъ съ пріятною улыбкою: — Посѣщеніе мое удивляетъ васъ, милостивый Государь! но зная, что вы одни, и что иногда

уединеніе вамъ тягостно, я вообразилъ, что сообщество мое въ длинные осенніе вечера, не совсѣмъ будетъ для васъ непріятно. —

«Милостивый Государь!» отвѣчалъ я, «вы какъ будто отгадали самыя сокровенныя мысли мои. Въ теперешнемъ расположеніи духа моего, ничто не можетъ быть для меня благодѣтельныѣ, какъ сообщество пріятнаго товарища. — Не знаю, имѣлъ ли я когда нибудь удовольствіе васъ видѣть; но вы кажется мнѣ такъ знакомы, что я, признаюсь, горю нетерпѣніемъ узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?»

— Имя мое, сказалъ незнакомецъ, ни мало незначительно и мнѣ даже трудно было бы объявить вамъ оное, потому, что сколько мнѣ извѣстно, оно не существуетъ на Русскомъ языкѣ. —

«Какимъ это образомъ?» — вскричалъ я съ удивленіемъ. — «Вы вѣрно знаете еще съ юныхъ лѣтъ, что собственное имя человека, или лучше сказать, прозваніе его на всѣхъ языкахъ остается неизмѣннымъ; и потому позвольте сказать вамъ откровенно, если есть у

васъ имя на какомъ нибудь языкѣ, то должны вы имѣть оное и на Русскомъ.»

— Точно такъ , милостивый Государь ; но въ томъ то и дѣло, что у меня нѣтъ собственнаго имени ; а если бѣ непременно нужно было принять какое нибудь , то ближе всего мнѣ слѣдовало бы называться такъ какъ вы. —

«Какъ я ? почтенный незнакомецъ !... Конечно это весьма бы для меня было лестно , но....»

— Не будемъ спорить о такой бездѣлицѣ ; выслушайте меня, и вы согласитесь, что я говорю правду. Неудивительно, что черты лица моего вамъ кажутся знакомыми; — мы другъ на друга должны быть похожи , какъ двѣ капли воды... и потому если вы, какъ я не сомнѣваюсь, хотя изрѣдка смотрите въ зеркало , то должны во мнѣ узнать самого себя. —

Тутъ я взглянулъ на незнакомца пристальнѣе и внезапно холодный потъ облилъ меня съ ногъ до головы... Я удостовѣрился, что онъ въ самомъ дѣлѣ совершенно похожъ былъ на меня. Не знаю , по чему это мнѣ показалось страшнымъ и (признаюсь теперь чистосердечно) я нѣсколько дрожащимъ голосомъ сказалъ:

«Подлинно, милостивый Государь! теперь я вижу, чего не замѣтилъ сначала.... Я близорукъ; но скажите, пожалуйста скажите, кто вы таковы? —»

— Никто другой, отвѣчалъ незнакомецъ, какъ вы сами. Да! продолжалъ онъ, увидя мое смущеніе, я говорю точную правду. Вы вѣрно слышали, что иногда человѣку является собственный его образъ? Я, милостивый Государь, я никто иной, какъ образъ вашъ, явившійся вамъ. —

«Батюшки!» вскричалъ я внѣ себя, «о Государь мой! сколько ни было для меня пріятно васъ видѣть, но теперь!... Говорятъ, что такія явленія случаются передъ смертію... Неужто и вы, мой милостивецъ?...»

— Стыдитесь, сказалъ незнакомецъ, стыдитесь такихъ вздорныхъ предразсудковъ — и успокойтесь. Клянусь честію, что приходъ мой не предвѣщаетъ вамъ никакого несчастія; я пришелъ усладить, по мѣрѣ возможности, единеніе ваше, и если старанія мои не совсѣмъ будутъ безуспѣшны, то сочту себя счастливымъ.

Слова незнакомца, увѣрительнымъ голосомъ

произнесенныя, совершенно меня успокоили; я ему повѣрилъ и въ самомъ дѣлѣ, онъ не обманулъ меня. Теперь минуло ужъ десять лѣтъ послѣ перваго свиданія нашего, и я не только живъ и здоровъ, но, говорятъ, даже примѣтно потолстѣлъ съ того времени.

Пришедъ въ себя отъ объявшаго меня страха, я вспомнилъ, что не исполнилъ перваго долга гостепріимства въ отношеніи къ почтенному гостю моему, и потому, взявъ его за руку, просилъ сѣсть.

— Прошу со мною не церемониться, сказалъ мой гость; если вамъ непротивно мое присутствіе, то докажите это, обходясь со мною, какъ съ давнишнимъ и искреннимъ другомъ вашимъ. —

«Охотно!» отвѣчалъ я, «будемъ друзьями. Вы изъ обращенія моего увидите, сколь лестно для меня знакомство ваше. Но позвольте спросить, какъ мнѣ называть васъ? Вы сами знаете, что безъ имени знакомство не знакомство; по крайней мѣрѣ для меня, какъ то неловко имѣть короткое обращеніе съ человѣкомъ, котораго имя мнѣ неизвѣстно.»

— Я уже говорилъ вамъ, что особеннаго

имени у меня нѣтъ. Существа моего рода едва ли имѣютъ даже названіе на Русскомъ языкѣ, и потому я дѣйствительно затрудняюсь отвѣчать на вопросъ вашъ. Въ Германіи, гдѣ подобныя явленія чаще случаются, нашу братью называютъ *Doppelgänger*. Можно бы было, конечно, это слово принять въ нашъ языкъ и оно не менѣе другихъ было бы къ стати; но такъ какъ у насъ иностранныхъ словъ, говорящихъ, уже слишкомъ много, то я осмѣлюсь предложить называть меня *Двойникомъ*. Что вы на это скажете, почтенный другъ мой? —

«Согласенъ, Г. Двойникъ! для меня все равно; впредь, если позволите, иначе васъ называть не буду.»

Послѣ того мы, сѣвъ другъ подлѣ друга, наслаждались пріятною бесѣдою. На вопросъ: отъ чего происходитъ несправедливое мнѣніе, будто явленіе двойника предвѣщаетъ смерть того, кому онъ явится; мой пріятель отвѣчалъ: Не могу съ достовѣрностію объяснить происхожденіе предразсудка, котораго неосновательность вы впрочемъ на опытѣ узнаете; но признаюсь откровенно, что не очень вѣрю происшествіямъ, которыя рассказываютъ о двойни-

кахъ. Человѣкъ имѣетъ особенную склонность ко всему чудесному, ко всему, выходящему изъ обыкновеннаго порядка, и если кто нибудь для шутки, или по какому другому побужденію выдумаетъ и расскажетъ происшествіе — какъ бы оно впрочемъ ни было нелѣпо и невѣроятно; то, безъ малѣйшаго сомнѣнія, найдутся люди, которые не только повѣрятъ ему, но и передадутъ другимъ съ прибавленіями и перемѣнами. Впрочемъ явленіе двойниковъ не всегда предвѣщаетъ смерть. — Вы, вѣрно, помните, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ много было говорено объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который вошелъ въ комнату, гдѣ обыкновенно занимался письменными дѣлами, увидѣлъ самага себя, сидящаго за письменнымъ столомъ. Вы знаете, что онъ отъ того не умеръ. —

«Такъ! но я и тогда не вѣрилъ его рассказъ; мнѣ казалось, что молодой человѣкъ этотъ имѣлъ только въ виду отличиться отъ другихъ и привлечь на себя вниманіе чѣмъ нибудь необыкновеннымъ!»

— И я того же мнѣнія. Впрочемъ я зналъ

одного Доктора въ Германіи, человѣка почтеннаго, который увѣряетъ, что ему весьма часто является двойникъ, и что онъ, наконецъ, такъ привыкъ къ этимъ явленіямъ, что на нихъ никакого не обращаетъ вниманія. Двойникъ — рассказываетъ онъ — входитъ иногда ко мнѣ въ комнату, когда я занятъ своими сочиненіями. Не желая прервать занятій своихъ, я подвигаю ему стулъ и подаю трубку, а самъ продолжаю писать. Двойникъ спокойно садится и выкуривъ трубку, уходитъ, нимало мнѣ не мѣшая. —

«Но, можетъ быть, почтенный Докторъ вашъ не много помѣшанъ?»

— И я такъ думаю. Ученые люди, привыкшіе къ сидячей жизни и непрерывному напряженію ума, часто подвержены бываютъ подобнымъ видѣніямъ, происходящимъ отъ чрезмернаго сгущенія крови. Иногда на яву съ человекомъ бываетъ то, что мы часто испытываемъ во снѣ и что у простолюдиновъ называется: давленіе домоваго (*Mpdrücken, cauchemar*). Вамъ вѣрно извѣстно, что случилось съ славнымъ Поэтомъ Попе? —

«Нѣтъ» отвѣчалъ я.

— Попе рассказываетъ самъ, что онъ однажды поздно ввечеру занимался сочиненіемъ Поэмы. Слугѣ своему онъ заранѣе приказалъ идти спать и выславъ его изъ комнаты, по обыкновенію, заперъ дверь ключемъ. Углубленный въ мечты, относившіяся къ Поэмѣ, онъ ни мало не думалъ о привидѣніяхъ; — вдругъ... дверь, замкнутая накрѣпко, отворилась... и вошелъ въ комнату старикъ небольшого роста, въ длинномъ кудрявомъ парикѣ, какіе носили при Лудовикѣ XIV. Платье на немъ было не богатое, но весьма опрятное (сколько припомнить могу, свѣтло-коришневаго цвѣта) съ прекрасными кружевными манжетами; на башмакахъ большія серебряныя пряжки. Попе такъ пораженъ былъ симъ явленіемъ, что не промолвилъ ни слова, и глядѣлъ на пришельца съ удивленіемъ! Старикъ, не обращая на него вниманія, медленными шагами подошелъ къ шкафу, въ которомъ были книги Поэта. Онъ взглянулъ на нѣкоторыя заглавія сквозь стеклянныя дверцы; потомъ отворилъ шкафъ, покачалъ головою и началъ всѣ книги переворачивать вверхъ ногами. Попе хотѣлъ спросить, за чѣмъ онъ приводитъ въ безпорядокъ его би-

бліотеку; но слова замерли на его устахъ, когда онъ увидѣлъ, что старикъ, доставая книги съ верхнихъ полокъ, вмѣсто того, чтобъ стать на стулъ, просто вытянулся до такой вышины, которая ему казалась нужною. Когда же напротивъ, очередь дошла до книгъ, стоявшихъ на самыхъ нижнихъ полкахъ, старикъ вмѣсто того, чтобъ нагнуться, сжался и сдѣлался самаго маленькаго роста. Чтобъ достать книги, находившіяся по обѣимъ сторонамъ шкафа, онъ не сходилъ съ мѣста, но протягивалъ правую или лѣвую руку, которая по мѣрѣ надобности становилась длиннѣе или короче. Такимъ образомъ онъ вытягивался и сжимался до тѣхъ поръ, пока всѣ книги перевернуты были вверхъ ногами. — Окончивъ работу свою, старикъ заперъ шкафъ, и такими же медленными шагами вышелъ изъ комнаты, не взглянувъ ни разу на Поэта. Дверь сама собою за нимъ затворилась.... Поэте нѣсколько минутъ оставался недвижимымъ; наконецъ собравшись съ духомъ, подошелъ къ дверямъ и увидѣлъ, что онѣ заперты ключемъ. Удовѣрившись, что въ шкафѣ всѣ книги безъ исключенія стояли вверхъ ногами, онъ

рѣшился отложить до другаго утра приведеніе въ порядокъ своей библіотеки. Между тѣмъ охота писать стихи въ немъ вовсе исчезла; онъ раздѣлся, легъ въ постель, потушилъ огонь, и вскорѣ потомъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. — Когда проснулся утромъ, первое его движеніе было подойти къ шкафу, и къ крайнему удивленію онъ нашелъ, что всѣ книги стояли въ надлежащемъ порядкѣ и ни одной изъ нихъ не было вверхъ ногами!

«Но» прервалъ я Двойника «не сонъ ли это былъ?» —

— Весьма вѣроятно — отвѣчалъ онъ. По крайней мѣрѣ трудно было бы догадаться, какую цѣль имѣлъ старикъ, перевертывая книги Поэта. Столь же непонятнымъ кажется и то, что книги потомъ сами собою пришли въ прежній порядокъ. Но такія происшествія не рѣдко случаются съ учеными, какъ уже я замѣтилъ прежде. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, былъ я въ Прагѣ, гдѣ въ одной изъ публичныхъ библіотекъ находится весьма много старинныхъ книгъ. Одинъ изъ чиновниковъ, служащихъ при библіотекѣ — человѣкъ не молодыхъ лѣтъ, почтенный и ученый — рассказы-

валъ мнѣ, что между старинными книгами есть рукопись XIII вѣка, содержащая въ себѣ заклинанія, посредствомъ которыхъ можно призывать злыхъ духовъ и повелѣвать ими. Для меня книга эта показалась весьма любопытною, и я попросилъ позволенія взглянуть на нее, что мнѣ и было позволено. Но когда я, развернувъ листы, захотѣлъ читать, то Библіотекарь поблѣднѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. «Сдѣлайте милость, не читайте!» вскричалъ онъ прерывающимся голосомъ. — За чѣмъ же? спросилъ я его. — Старикъ схватилъ меня за руку и повелъ поспѣшно въ другую комнату. Тамъ онъ тихо, и безпрестанно оглядываясь, началъ рассказывать слѣдующее:

«Я служу при здѣшней библіотекѣ болѣе тридцати лѣтъ. При вступленіи моемъ въ настоящую должность, былъ я еще очень молодъ, не вѣрилъ ничему, и смѣялся, когда рассказывали о привидѣніяхъ и злыхъ духахъ. Однажды случайно попалась мнѣ рукопись, которую вы теперь видѣли. Будучи непривыченъ къ странному образу письма, я съ трудомъ разобрать могъ заглавіе; но какъ скоро удалось мнѣ прочитатъ его, то любопытство

мое сильно возбудилось. Я съ большимъ стараніемъ началъ разбирать рукопись и наконецъ достигъ до того, что могъ читать оную безъ затрудненія. Въ одно утро сидѣлъ я у стола; книга раскрытая лежала предо мною; я дошелъ до того мѣста, гдѣ страшными заклинаніями (отъ воспоминанія которыхъ и теперь еще волосы у меня становятся дыбомъ!) злые духи вызываются изъ глубины ада, и принуждены предстать читателю..... Я уже сказалъ вамъ, что ни мало не вѣрилъ привидѣніямъ, и потому принялся читать заклинанія. Не успѣлъ я прочесть одну строчку, какъ слышался мнѣ тихій шопотъ, какъ будто кто-то говорилъ за моими плечами. Я оглянулся... все утихло... Не видя ничего, я продолжалъ чтеніе. Вдругъ... опять слышался мнѣ шопотъ и громче прежняго... Тутъ мнѣ показалось, что онъ происходилъ отъ предмета, находившагося предо мною. — Я поднялъ голову, и что же представилось моимъ глазамъ!.... На чернилицѣ, стоявшей на столѣ, сидѣло привидѣніе, ростомъ не болѣе двухъ или трехъ вершковъ, съ яркими глазами, съ длинною бородою, съ ногами, похожими на козлиныя! Вы

легко представить себѣ можете, до какой степени я испугался!.. Но не смотря на то — не помня, что дѣлаю — продолжалъ я читать далѣе. Чудовище, по мѣрѣ чтенія моего, становилось выше, глаза болѣе и болѣе сверкали, ноги дѣлались кривѣе... Мнѣ представилось, что маленькіе рога начинали выходить изъ лба его, покрытаго морщинами... при томъ ротъ его протянулся до ушей, а въ глубинѣ рта я замѣтилъ языкъ, похожій на змѣиный, и клыки, подобные кабаньимъ!..... Отъ ужаса я захлопнулъ книгу и вскочилъ со стула.— Въ одно мгновеніе призракъ исчезъ, и съ того времени я никогда уже не рѣшался продолжать чтеніе рукописи.»

— На лицѣ старика — продолжалъ Двойникъ — во время разказа, написанъ былъ страхъ, произведенный воспоминаніемъ. Ни просьбами, ни обѣщаніями не могъ я побудить его раскрыть опять книгу. Я твердо увѣренъ, что старикъ меня не обманывалъ, и что онъ самъ вѣрилъ тому, что рассказывалъ. —

«И такъ» спросилъ я Двойника, «вы не сомнѣваетесь въ справедливости этого происшествія?»

— Напротивъ того, отвѣчалъ онъ, я вижу

въ немъ только доказательство, что воображеніе челоѣка, воспаленное напряженіемъ, ему не свойственнымъ, можетъ представлять ему вещи, которыя въ самомъ дѣлѣ не существуютъ. —

Между такими разговорами протекло довольно времени, и стѣнные часы пробили двѣнадцать. При первомъ ударѣ Двойникъ вскочилъ со стула. — Пора теперь спать, почтенный другъ — сказалъ онъ мнѣ; — желаю покойной ночи. Завтра, если позволите, мы опять увидимся. —

«Повремените еще не много!» вскричалъ я. — «Но можетъ быть полуночный часъ и для двойниковъ время роковое?... Въ такомъ случаѣ я не смѣю васъ задерживать.»

— Помилуйте! возразилъ онъ; это опять одинъ изъ самыхъ странныхъ челоѣческихъ предразсудковъ! Для насъ часы всѣ равны. Обыкновеніе раздѣлять день на извѣстное число частицъ, вовсе не нужно для духовъ. Увѣряю васъ, что у насъ не знаютъ ни Брекетовъ, ни Эликотовъ. Я оставляю васъ теперь потому единственно, что пора намъ спать. Прощайте, до свиданья! —

«Еще одинъ вопросъ, Г. Двойникъ ! Правда ли, что вы вообще боитесь пѣтушинаго крика ?»

— Вы меня смѣшите — отвѣчалъ съ громкимъ хохотомъ Двойникъ : можетъ ли хриплый голосъ пѣтуха утратить кого нибудь, не только духа ? Но прощайте, спите покойно ! —

Новый пріятель мой, не договоривъ рѣчи, исчезъ.... и послѣднія слова его отозвались въ ушахъ моихъ , какъ будто издалека. Я послѣдовалъ его совѣту и легъ спать.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

На другой день, въ обыкновенное время, то есть, часу въ десятомъ вечера, Двойникъ, по данному обѣщанію, посѣтилъ меня опять. Бесѣда новаго товарища моего необыкновенно мнѣ нравилась; онъ часъ отъ часу становился мнѣ любезнѣе, и я откровенно въ томъ ему признался.

— Если вы дѣйствительно меня любите — отвѣчалъ онъ — то конечно не откажете въ просьбѣ, исполненіе которой ни сколько не можетъ затруднить васъ. —

«Что вамъ угодно, любезный другъ?» вскричалъ я. «Чѣмъ могу служить вамъ? говорите.»

— Моя просьба, дорогой Антоній, состоитъ въ томъ, чтобъ вы иногда, въ длинные вечера, сообщали мнѣ сочиненія свои... мнѣ извѣстно, что вы сочиняете. —

«Ахъ, почтенный Двойникъ! признаюсь, что и я не безъ грѣха... Но произведенія пера моего недостойны вашего вниманія. Я писалъ сказки, — маленькія повѣсти....»

— Нужды нѣтъ! прервалъ меня Двойникъ. Чтобъ придать вамъ бодрости, и я иногда расскажу вамъ, что знаю. Мои повѣсти будутъ не лучше вашихъ. —

«Прекрасно! съ этимъ условіемъ охотно сообщу вамъ мой запасъ.»

— И такъ начинайте, любезный другъ! —

Я выпрямился, не много покашлялъ и началъ читать слѣдующее:

ИЗИДОРЪ И АНЮТА.

Уже непріятель приближался къ Москвѣ. — Длинные ряды телѣгъ, нагруженныхъ тяжело-ранеными воинами, медленно тянулись въ городъ съ большой Смоленской дороги. Онѣ съ трудомъ пробирались сквозь толпы жите-

лей, съ сокрушеннымъ сердцемъ оставляющихъ любезный первопрестольный градъ! Разнаго рода повозки, наполненныя рыдающими женщинами и дѣтьми, тихо подвигались къ заставѣ; къ верху и къ бокамъ, подъ козлами и на запяткахъ привязаны были большіе узлы. Лошади едва тащили тяжелыя повозки; — женская заботливость, казалось, предусмотрѣла все, что нужно въ долгую дорогу; но инныя второпяхъ забыли ларчикъ съ брилліантами, другіе оставили въ опустѣломъ домѣ карманную книжку съ деньгами. — На всѣхъ лицахъ написана была сердечная горестъ, — на многихъ жестокое отчаяніе. Никто не предвидѣлъ грозы, незапно нагрянувшей на Москву; никто заблаговременно не принялъ мѣръ къ спасенію.... Здѣсь мать, прижавъ груднаго младенца къ трепещущему сердцу, и ведя за руку малютку, едва начинающаго ходить, влечется за другими, сама не зная, куда.... Тамъ, дряхлый старикъ, опираясь на посохъ, съ трудомъ передвигаетъ ослабѣвшія ноги. Подходя къ заставѣ, онъ останавливается... еще разъ взглядываетъ на родной городъ, гдѣ думалъ спокойно умереть... Стѣсненная грудь его едва

подымается, и горькія слезы, можетъ быть послѣднія, дрожатъ въ полупотухшихъ очахъ!... Купцы тѣсняются около лавокъ — не для спасенія своего имущества, — нѣтъ: рука ихъ не дрогнувъ уничтожаетъ плоды многолѣтнихъ трудовъ, чтобъ не достались они врагу ненавистному. Ужаснѣе всего положеніе тѣхъ, которые находятся въ невозможности спастись! Въ безмолвномъ отчаяніи взираютъ они на бѣгущихъ. Всѣ вооружены; старинныя копья и бердыши, разнообразныя сабли и кинжалы исторгнуты изъ оружейныхъ, гдѣ обречены были на вѣчное бездѣйствіе. Всѣ готовы умереть за отечество; но чувствуютъ, что не въ силахъ ему помочь! — Единственнымъ утѣшеніемъ служитъ имъ слабая надежда, что непріятель отраженъ будетъ отъ Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что древняя Русская столица съ величественными храмами, съ святыми иконами достанется непріятелю — эта ужасная мысль не можетъ утвердиться въ народѣ. Русское сердце не постигаетъ, какимъ образомъ нечестивый супостатъ осмѣлится вступить въ священныя Царскіе чертоги!

Былъ первый часъ по полудни, когда въѣз-

жалъ въ Дорогомиловскую заставу молодой Кирасирскій Офицеръ. По всему видно было, что онъ скакалъ нѣсколько верстъ во всю прыть; вороной подъ нимъ конь покрытъ былъ пѣною. — Солнце въ то время ярко свѣтило съ синей высоты, но лучи его не отражались отъ золотого шишака и отъ серебряныхъ латъ, покрытыхъ густою пылью. Молодой Офицеръ ѣхалъ по улицамъ, кипящимъ отъ народа, и взоры его, казалось, кого-то искали между спасающимися женщинами. Иногда рука его останавливала коня, — онъ пристальнѣе всматривался въ ѣдущихъ; но замѣтивъ ошибку свою, вновь понуждалъ коня и продолжалъ путь большою рысью. При переѣздѣ чрезъ Ехаловъ мостъ, лошадь его споткнулась. «Бѣдный Фениксъ!» сказалъ Офицеръ въ полголоса: «любезный мой товарищъ, этого за тобою не бывало! Какъ худо плачу тебѣ за вѣрную твою службу!» Онъ погладилъ Феникса по шеѣ, — и опять вонзилъ окровавленные шпоры въ разодранные бока усталаго коня.

Въ Красномъ селѣ, въ приходѣ Тихвинской Божіей Матери, стоялъ небольшой деревянной домъ, который можно бѣ было назвать хижи-

ною, если бы онъ не находился внутри города, Молодой Офицеръ поспѣшно соскочилъ съ лошади и бросился въ отворенную калитку, не давъ себѣ даже времени привязать коня. — На дворѣ, вѣрный стражъ дома, большая дворная собака, встрѣтила его съ униженными ласками; но онъ взбѣжалъ на крыльцо, не замѣтивъ даже добраго Бостона. Въ домѣ все было безмолвно; только звукъ шпоръ и стукъ палаша, ударяющаго по ступенямъ, раздавались въ тишинѣ. Молодой Кирасиръ вошелъ въ первую комнату, — хотѣлъ идти далѣе... вдругъ отворилась дверь и прекрасная дѣвушка кинулась въ его объятія. — Это ты, Изидоръ? — сказала она въ радостномъ восторгѣ: слава Богу! —

«Анюта, милая, дорогая Анюта!» вскричалъ Изидоръ, прижимая ее къ кирасу: «зачѣмъ вы еще въ Москвѣ? гдѣ матушка?»

— Тише, Изидоръ, тише!... матушка нездорова.... она — очень больна. —

Изидоръ вздрогнулъ. «Больна!» произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: больна! и въ такое время!... Ты знаешь, Анюта...»

— Знаю, мой Изидоръ — отвѣчала Аню-

та со слезами, — знаю, что непріятель будетъ въ Москвѣ, и отчаяніе овладѣло было мною... Но ты съ нами, и я теперь спокойна! —

Они услышали голосъ матери, зовущій Анюту. Изидоръ хотѣлъ идти съ нею, но она его остановила. — Ради Бога! сказала она, подожди меня здѣсь, Изидоръ! Матушка очень слаба; надобно ее приготовить къ свиданію съ тобою. — Она ушла и оставила его одного.

Изидоръ, сложивъ руки, стоялъ среди комнаты, погруженный въ тяжкую думу. Мысли, одна другой печальнѣе, одна другой ужаснѣе, тѣснились въ его головѣ: непріятель вступитъ въ городъ, а его мать больна и не можетъ спастись! Анюта должна остаться съ нею!... Онъ любилъ мать со всею горячностію добраго сына; но Анюта, сирота, воспитанная въ ихъ домѣ, была его невѣста! Онъ содрогался отъ ужаса, когда помышлялъ, что больная его мать будетъ въ рукахъ непріятеля; но кровь застывала въ его жилахъ, самое мучительное чувство раздирало его сердце, когда представлялась ему Анюта, прелестная Анюта, во власти неистоваго врага!

Анюта позвала его къ матери. Старушка

лежала въ постелѣ; блѣдность покрывала лице ея. Съ трудомъ протянула она къ нему руку. «Сынъ мой» сказала она умирающимъ голосомъ: «благодарю Создателя, что мнѣ довелось тебя еще разъ увидѣть!... Я не ожидала такого счастья. По крайней мѣрѣ теперь умру спокойно... Анята останется не безъ защитника. Да благословитъ васъ Богъ, мои дѣти!...» Старушка не въ силахъ была говорить болѣе. Изидоръ орошалъ слезами ея руку; Анята рыдала.

Изидоръ находился въ мучительномъ положеніи. И мать и невѣста были успокоены его пріѣздомъ, между тѣмъ, какъ самое жестокое недоумѣніе терзало его душу. Нельзя было и думать о спасеніи престарѣлой матери. Онъ готовъ былъ вынести ее на себѣ изъ города, но малѣйшее движеніе причиняло ей нестерпимую боль и могло погасить едва тлѣющую искру жизни. Съ другой стороны, какъ рѣшиться оставить ее въ рукахъ непріятеля? и что тогда будетъ съ Анятою?... Время было дорого; онъ не могъ не открыть своей невѣстѣ чувствованій, его тревожившихъ. Старушка послѣ привѣтствія, сдѣланнаго сыну, казалось, впала въ забвеніе. Изидоръ

съ Анютою стояли въ той же комнатѣ у окна и разговаривали между собою въ полголоса, полагая, что мать не слышитъ ихъ.

«Анюта!» говорилъ Изидоръ : «думала ли ты объ опасностяхъ, которымъ подвергается молодая дѣвушка, оставаясь въ Москвѣ? Знаешь ли ты, что при одной мысли о томъ, холодный потъ проступаетъ по мнѣ? — Какъ? моя Анюта въ рукахъ непріятелей!.. Я бы лучше согласился....»

— Любезный Изидоръ! отвѣчала Анюта съ невинною улыбкою: я теперь совершенно спокойна, потому, что ты со мною. —

Изидоръ страшился объявить ей, что служба, долгъ, честь не дозволяютъ ему оставаться съ ними; онъ сказалъ только, тяжело вздохнувъ: «Могу ли я защитить тебя противъ цѣлой арміи? Охотно пожертвую жизнию; но когда меня не станетъ, что будетъ тогда?...»

Старушка услышала ихъ разговоръ, и велѣла подойти ближе къ себѣ. Любезныя дѣти! сказала она слабымъ голосомъ: о чемъ вы беспокоитесь? Я стара, больна и чувствую, что смерть приближается ко мнѣ скорыми шагами. Оставьте меня здѣсь и спасайтесь... Я не могу и не

должна быть причиною вашего несчастія. Поспѣшайте, любезныя дѣти! благословеніе матери вашей и послѣдняя молитва ея будутъ вамъ сопутствовать!....

Изидоръ и Анята упали на колѣни. — Нѣтъ! вскричали они оба въ одинъ голосъ: нѣтъ, матушка, мы васъ не оставимъ! — Тщетно старушка ихъ уговаривала; они были непреклонны. — Если должно намъ умереть — сказала Анята, обнявъ Изидора — то умремъ вмѣстѣ. Не страшна смерть, когда она не разлучаетъ насъ съ милыми! —

Изидоръ оставилъ мать и невѣсту и вышелъ въ другую комнату. Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ большими шагами. Со всѣхъ сторонъ угрожали ему неминуемыя бѣдствія, нигдѣ не находилъ онъ спасенія! Покинуть умирающую мать, отдать на поруганіе милую невѣсту.... какой сынъ, какой любовникъ рѣшился бы на то? Но бросить свои знамена и остаться въ Москвѣ, когда присяга, честь и Русская кровь зовутъ его на поле брани... какая ужасная крайность для Русскаго воина! — Въ изступленіи отчаянія Изидоръ ломалъ руки, скрежеталъ зуба-

ми и рвалъ на себѣ волосы... Наконецъ любовь и ревность одержали верхъ надъ долгомъ и честію: Изидоръ рѣшился остаться...

Строгій читатель! прежде нежели холодное сердце твое станетъ обвинять Изидора, вообрази себя на его мѣстѣ — и ты о немъ пожалѣешь!

Изидоръ возвратился къ матери. «Анюта!» сказалъ онъ: «я отлучусь въ свою комнату на короткое время... Оставь меня одного; я скоро возвращусь.»

Рѣшившись оставаться въ Москвѣ, Изидоръ долженъ былъ спрятать свой мундиръ, чтобъ отдалить малѣйшее подозрѣніе непріятеля. Въ глубокой печали вошелъ онъ въ комнату. — Здѣсь все напоминало ему о дняхъ счастливой, беззаботной молодости. Онъ вздохнулъ, вспомнивъ, съ какими блистательными надеждами въ послѣдній разъ оставилъ онъ родительскій домъ; какъ разгоралась въ немъ кровь при мысли о славныхъ браняхъ, его ожидавшихъ! А теперь... куда дѣвались очаровательныя картины, освѣщенные восхитительною зарею молодости?... Пусть и успѣетъ онъ спасти умирающую мать отъ грозящей опасности;

пусть удастся скрыть Анюту отъ алчныхъ взоровъ необузданнаго врага; — но что ожидаетъ его въ будущемъ? Безчестіе и раскаяніе!....

Изидоръ подошелъ къ шкафу, гдѣ лежала прежняя его одежда, которую незадолго предъ тѣмъ промѣнялъ онъ на блестящій кирасирскій мундиръ. Медленно и дрожащими руками снималъ онъ съ себя воинскіе доспѣхи. Увы! думалъ онъ: когда всѣ вооружаются для спасенія Царя и отечества; когда всѣ пылаютъ нетерпѣніемъ смѣшать кровь свою съ кровію ненавистнаго врага... я, какъ презрительный трусъ, долженъ бѣжать отъ сраженія!... Вѣчное посрамленіе покроетъ мое имя... постигнетъ меня смерть постыдная, и никто не пожалѣетъ о мнимомъ измѣнникѣ!....

Изидоръ держалъ въ рукахъ палашъ; медленно вынулъ онъ острое желѣзо изъ стальныхъ ноженъ; въ послѣдній разъ хотѣлъ онъ взглянуть на вѣрнаго товарища..... Вдругъ ужасная мысль, какъ молнія, опалила его душу!... Онъ приставилъ острый конецъ меча къ біющемуся сердцу.... одно мгновеніе — и Изидоръ избѣгнетъ безчестія, котораго страшится

болѣе смерти!... Но онъ вспомнилъ о матери, вспомнилъ объ Анютѣ — и рука его онѣмѣла. Онъ опять вложилъ палашъ въ ножны, и откинулъ его далеко отъ себя!

Уложивъ мундиръ свой, шишакъ и кирасъ въ сундукъ, Изидоръ понесъ его въ садъ. Тамъ, подъ высокимъ кленомъ, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ былъ свидѣлемъ его дѣтскихъ забавъ, онъ глубоко зарылъ сундукъ.

Когда засыпалъ онъ яму и прикрылъ ее дерномъ, то ему показалось, что онъ похоронилъ въ ней честь свою.... Почти безъ памяти упалъ онъ на холодную землю... Долго лежалъ онъ неподвижно; наконецъ токи слезъ вырвались изъ его очей и облегчили стѣсненную грудь. Онъ всталъ и возвратился въ домъ.

Анюта обрадовалась, увидѣвъ его во фракѣ. — Теперь я не буду ежеминутно дрожать за тебя, любезный Изидоръ — сказала она, обнявъ его нѣжно, Богъ милостивъ; чего намъ страшиться? Вѣдь и Французы такіе же люди, какъ мы! Пойдемъ къ матушкѣ; пріѣздъ твой возвратилъ ей силы, и она рада будетъ,

когда удостовѣрится, что ты остаешься съ нами. —

Она взяла Изидора за руку и подвела къ матери. Старушка въ самомъ дѣлѣ казалась гораздо бодрѣе прежняго. Увидя дѣтей своихъ, она не много приподнялась. «Изидоръ! сказала она: гдѣ ты такъ долго былъ?»

— Матушка! — отвѣчала Анюта: взгляните на него... не правда ли, что ему пристало это платье? Теперь-то я совершенно покойна. Пускай непріятель входитъ въ Москву; храбрые воины наши не долго дадутъ ему здѣсь пожить! Все опять будетъ по старому, и мы будемъ счастливы! —

«Храбрые наши воины!» повторилъ Изидоръ вздыхая: «а меня не будетъ съ ними!»

Старушка пристально на него посмотрѣла, и какъ будто опомнилась отъ тяжелаго сна. Изидоръ! вскричала она: что я вижу? За чѣмъ ты не въ мундирѣ? —

«Матушка!» отвѣчалъ Изидоръ дрожащимъ голосомъ: «я долженъ или оставить службу, или покинуть васъ! Жребій мой рѣшенъ: я остаюсь съ вами!»

— Изидоръ! благодарю тебя за твою лю-

бовь.... Но отечество въ опасности; оно тебя призываетъ — и голосъ его долженъ быть убѣдительнѣе слезъ матери. —

«Матушка! могу ли оставить васъ обѣихъ во власти непріятеля?»

— Сынъ мой! я желала, чтобъ ты закрылъ мои угасающіе глаза.... Но судьбы Господа неисповѣдимы! Если Ему угодно, то я готова умереть и одна. —

«Матушка! не раздирайте моего сердца... я рѣшился!»

— Рѣшился? на что? на безчестное дѣло?... Ты рѣшился забыть долгъ, честь, присягу, данную тобою предъ лицомъ Спасителя твоего! Знаешь ли ты, какая участь ожидаетъ воина, оставившаго свои знамена? —

«Знаю, что меня ожидаетъ смерть... Но я рѣшился умереть съ вами или за васъ!»

— Я не принимаю отъ тебя этой жертвы. Смерть не страшна, страшно безчестіе! Изидоръ, надъ нами Богъ! Онъ насъ защититъ! А если суждено тебѣ умереть, то умри за отечество. —

«Матушка, любезная матушка! пожалѣйте обо мнѣ! Что будетъ съ Анютой?»

— И надъ нею рука Божія! Изидоръ, я чувствую, что близокъ мой конецъ... не отравай послѣднихъ часовъ моей жизни! Пусть закрою я глаза въ отрадномъ увѣреніи, что единственный сынъ мой не обезчестилъ имени отца своего!—

Въ продолженіе сего разговора Анята стояла какъ приговоренная къ смерти. Румянецъ щекъ ея потухъ, и наполненные слезами глаза попеременно обращались то на Изидора, то на старушку. Изидоръ упалъ на колѣни. «Пусть будетъ по вашему, матушка!» сказалъ онъ тихимъ голосомъ. Иду готовиться къ отъѣзду!»

Анята громко закричала и безъ памяти кинулась къ нему на шею.

Сіе зрѣлище привело Изидора въ изступленіе. «Нѣтъ, матушка» сказалъ онъ рѣшительно: «нѣтъ! не оставлю Аняты своей на поруганіе непріятелю... Вы не понимаете ужаснаго чувства, которое раздираетъ мое сердце при одномъ о ней помышленіи!..»

— Сынъ мой! ободрись, уповай на молитву матери и на благодѣль Господню! Онъ насъ

не оставитъ. Но ты долженъ возвратиться въ армію! —

«Нѣтъ, матушка! это свѣше силъ человѣческихъ...»

— Изидоръ! сказала мать съ глубокимъ чувствомъ: вѣришь ли ты тому, что я тебя люблю со всею горячностію матери, имѣющей единственнаго сына — радость моей жизни и утѣшеніе моей старости? —

«Знаю, матушка.»

— Такъ исполни послѣднюю просьбу мою, послѣднее мое приказаніе: оставь насъ подъ кровомъ Божіимъ и возьми съ собою благословеніе матери. Но если ты презришь законы чести, — если непріятель найдетъ тебя здѣсь въ постыдномъ бездѣйствіи; то сердце мое тебя отвергнетъ... Измѣнникъ своему отечеству да устрашится проклятія умирающей матери! —

Старушка приклонила голову къ подушкѣ и, казалось, отъ сильнаго напряженія лишилась чувствъ. — Изидоръ подошелъ къ Анютѣ. «Другъ мой!» сказалъ онъ едва внятнымъ голосомъ: «ты видишь, что мнѣ должно ѣхать! Завтра, прежде нежели заря освѣтитъ печаль-

ную Москву, я удалюсь отъ васъ... Анюта! не забывай, что ты моя!...» Потомъ онъ приблизился къ матери. «Матушка!» произнесъ онъ, приложивъ дрожащія уста къ ея рукѣ: «матушка, не кляните вашего сына! Я ѣду!...» Старушка не въ силахъ была ему отвѣчать, но слабая рука ея благословила любезнаго сына, и потомъ, какъ мертвая, опустилась на одѣяло.

Бѣдная Анюта не говорила ни слова. Она не понимала опасности, ее ожидающей; но сердце ея цѣпенѣло отъ страха при мысли о томъ, что Изидоръ ее оставитъ — и въ какое время!... Она горько заплакала, когда онъ возвратился къ нимъ — въ кирасирскомъ мундирѣ. Насталъ вечеръ и Изидоръ простился съ матерью, которая отъ слабости едва могла открыть глаза, когда онъ поцѣловалъ ея руку. Потомъ обратился онъ къ Анютѣ и прижалъ ее къ сердцу. — «Прости, мой другъ! прости моя Анюта! Да сохранить васъ Богъ!»

Анюта крѣпко обняла милаго друга и долго не пускала его изъ своихъ объятій. — Мы еще увидимся, Изидоръ! сказала она наконецъ: мы еще разъ простимся! —

Изидоръ удалился въ свою комнату. Ему не приходило даже на мысль отдыхать; самыя ужасныя картины мучили его воображеніе и терзали его сердце.—Ему представлялось, какъ непріатели входили въ городъ и разсыпались по всѣмъ улицамъ, по всѣмъ домамъ. Пьяные солдаты врывались и въ его хижину; мать его тогда уже скончалась: безчеловѣчные ругались надъ мертвымъ тѣломъ. Одинъ изъ нихъ сильнымъ ударомъ сабли отдѣлилъ ея голову отъ охладѣвшаго трупа... Голова покатила въ столъ, и сѣдые волосы ея разостлались по окровавленному полу... Громкій смѣхъ раздавался въ его ушахъ!.. Изъ другой комнаты притащили плачущую Анюту... Алчные взоры хищниковъ бродили по юнымъ прелестямъ Русской красавицы. Одинъ изъ нихъ обнялъ ее дымящеюся отъ крови рукою.... Изидоръ ударилъ себя въ грудь и подошелъ къ открытому окну, чтобъ разсѣять мрачныя мысли.

Ночь была прекрасная. Милліоны звѣздъ яркимъ свѣтомъ отдѣлялись отъ темной лазури неба. Все было тихо; ничего въ природѣ не предвѣщало бѣдствій, угрожавшихъ древ-

ней столицѣ Русскаго Царства. Изидоръ пошелъ въ садъ; медленными шагами приблизился онъ къ вѣтвистому клену. — Увы! подумалъ онъ: когда опять прійду я подъ тѣнь твою, какія чувства тогда наполнять будутъ мою душу? И гдѣ тогда будетъ Анюта?..

Онъ услышалъ за собою тихій шорохъ, оглянулся — и Анюта бросилась въ его объятія. «Матушка почиваетъ» сказала она ему. «Любезный Изидоръ, я останусь съ тобою; ты вѣрно не будешь спать, и мои глаза также не смыкаются!» Они сѣли подъ кленъ на дерновую скамью. Анюта близко прижалась къ Изидору; прелестная голова ея покоилась на его плечѣ. Взоры ихъ искали другъ друга. Сердце Изидора сильно трепетало; пламень протекалъ въ его жилахъ; уста ихъ соединились въ жаркій и продолжительный поцѣлуй... Они забыли предстоящую имъ разлуку, — забыли Москву въ рукахъ непріятеля, — забыли все... кромѣ своей любви.

На другой день, когда утренняя заря начала разгонять мракъ ночи, Изидоръ и Анюта встали съ дерновой скамьи. Первые лучи восходящаго солнца освѣтили живой румянецъ сты-

дливости на щекахъ Анюты. Слезы заблестали на прекрасныхъ ея голубыхъ глазахъ. — Изидоръ! и ты меня оставишь... теперь? —

«Анюта! мой милый другъ, моя жизнь! часъ разлуки приближается; ты знаешь, что я долженъ ѣхать!»

— Ахъ, Изидоръ! что со мною будетъ?... Но нѣтъ, я не стану тебя удерживать. Поѣзжай съ Богомъ; я готова на все! И будь спокоенъ, мой Изидоръ! я лучше умру — — —

Изидоръ осѣдлалъ Феникса. Бодрый конь забылъ уже вчерашнюю усталость; онъ грызъ удила и билъ копытомъ въ землю. Изидоръ привязалъ его къ забору и пошелъ къ матери. Старушка казалась погруженною въ сладкій сонъ; ея дыханіе едва было примѣтно. Онъ тихонько приложился къ ея рукѣ. «Если она проснется» — сказалъ онъ Анютѣ — «попроси ее, чтобъ она благословила своего сына!»

Они вмѣстѣ сошли съ крыльца. «Теперь прости, моя Анюта, можетъ быть на вѣки!.. Прости — моя... на жизнь и на смерть моя!»

— Будь спокоенъ, мой Изидоръ! отвѣчала она. Я буду помнить свой долгъ; ты увидишь

меня достойною себя, или — совсѣмъ меня не увидишь! —

Они еще разъ обнялись; слезы ихъ смѣшались... Наконецъ Изидоръ насильно вырвался изъ ея объятій и сѣлъ на нетерпѣливаго коня. — Будь покоенъ, мой Изидоръ! — еще разъ повторила Аня. Онъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ: въ правой ея рукѣ блисталъ обнаженный кинжалъ; солнечные лучи играли на гладкомъ желѣзѣ. — Вотъ мой защитникъ! — сказала Аня. Изидоръ печально отвернулъ голову, ударилъ шпорами Феникса и вскорѣ скрылся изъ глазъ своей Ани. Долго стояла она на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ. Наконецъ она опомнилась и возвратилась къ матери.

Въ первый разъ послѣ шести недѣль, показавшихся вѣрному Русскому народу шестью вѣками, зазвучали опять колокола на высокихъ башняхъ величественнаго Кремля. Вздогнули сердца немногихъ жителей, оставшихся въ Москвѣ во время нашествія Французовъ; — но

не зная, чему приписать давно не слышанный звукъ, они не смѣли еще выйти изъ домовъ своихъ. — Наконецъ громъ пушекъ и ружейные выстрѣлы достигли ихъ слуха. Волнуемые страхомъ и надеждою, отважились они показаться за ворота — и восхищенный взоръ ихъ встрѣтилъ храбрыхъ Донцовъ, скачущихъ по улицамъ разоренной столицы!... Какое радостное чувство объяло ихъ, при видѣ своихъ избавителей! Но мужественные Русскіе воины не могли въ полной мѣрѣ раздѣлять съ ними этого чувства... Сердце ихъ обливалось кровію, крупныя слезы катились по смуглымъ ихъ ланитамъ, при видѣ престольнаго града. — Это ли Москва бѣлокаменная! думали они, — и взоры ихъ тщетно искали знакомыхъ мѣстъ посреди дымящихся развалинъ! Груды кирпича возвышались на мѣстѣ огромныхъ каменныхъ палатъ; веселые деревянные домики превратились въ кучи пепла и углей, и большія пространства внутри города являлись ужасными пустынями.

Вдоль по новой Басманной скакалъ молодой кирасирской Офицеръ, сопровождаемый нѣсколькими Козаками. Вороной конь его несся

во всю прыть прямо къ Ехалову мосту. На груди Офицера блисталъ Георгіевскій крестъ; рука его, еще не исцѣленная отъ тяжелой раны, была перевязана. Онъ не обращалъ никакого вниманія на развалины Москвы, на разбросанные по улицамъ трупы... взоры его стремились прямо впередъ. На блѣдномъ лицѣ его написаны были глубокая печаль и сильное нетерпѣніе достигнуть желаемого мѣста. Такимъ образомъ промчался онъ чрезъ Ехаловъ мостъ и направилъ путь къ Красному Селу. Подъѣхавъ къ церкви Тихвинской Божіей Матери, онъ остановился, и изумленный взоръ его блуждалъ по всѣмъ сторонамъ. Онъ соскочилъ съ лошади и пристальнѣе сталъ всматриваться въ мѣсто, на которомъ находился. Здѣсь, думалъ онъ, приходская наша церковь; тутъ — онѣ жили!...

Тщетно, бѣдный Изидоръ! тщетно будешь ты искать родительскаго дома! — Свирѣпое пламя давно пожрало мирную хижину, гдѣ проводилъ ты счастливые дни юности, и осенніе вѣтры успѣли уже развѣять и пепелъ ея!... Изидоръ долго стоялъ, какъ вкопанный, на одномъ мѣстѣ. Вдругъ громко вскрикнулъ

онъ и бросился къ высокому дереву, простиравшему къ нему длинныя обгорѣлыя вѣтви. Онъ узналъ кленъ, осѣнявшій послѣднее свиданіе его съ Анютою, и безъ чувствъ упалъ на землю. — Бывшіе съ нимъ Козаки подняли его и отнесли въ домъ, уцѣлѣвшій отъ общаго пожара.

Тамъ пролежалъ онъ цѣлый день въ безпамятствѣ. Когда наступила ночь, онъ всталъ и не сказавъ никому ни слова, вышелъ изъ дому и поспѣшными шагами пошелъ къ своему саду. Одинъ изъ товарищей его послѣдовалъ за нимъ. Изидоръ подошелъ къ клену. Въ это время выглянула изъ за тучи луна, и при блѣдномъ свѣтѣ ея видно было, что онъ съ изумленіемъ отскочилъ назадъ, какъ будто встрѣтилъ что-то не ожиданное! — Потомъ онъ опять приблизился къ дереву. «Это ты, Анюта?» сказалъ онъ томнымъ и вмѣстѣ радостнымъ голосомъ. «Отъ чего платье твое обито кровью?.... Гдѣ кинжалъ?».... Вѣтеръ ударилъ въ сухія вѣтви высокаго клена — и въ шорохѣ вѣтвей и въ свистѣ вѣтра товарищу Изидора слышался голосъ, отвѣчающій: въ моемъ сердцѣ!... Изидоръ глубоко вздохнулъ. «Сядь

подлѣ меня, Анюта!» сказалъ онъ, опуска-
ясь на дерновую скамью. «Я радъ, что тебя
вижу....»

Луна скрылась за облаками, ночная темно-
та опять разостлалась по воздуху и съ нею
водворилась глубокая тишина.—Молодой Офи-
церъ закутался въ плащъ и рѣшился пробить
всю ночь при Изидорѣ, чтобы въ случаѣ нуж-
ды подать ему руку помощи; но Изидоръ былъ
спокоенъ до самаго разсвѣта. Тутъ всталъ онъ
съ скамьи и пошелъ съ товарищемъ въ домъ,
не отвѣчая ни слова на всѣ его вопросы.

Такимъ образомъ провелъ онъ нѣсколько
дней. Пока солнце свѣтило на горизонтѣ, онъ
спокойно оставался дома,—не говорилъ ни съ
кѣмъ; но иногда улыбался, когда товарищи
его ласкали и изъявляли участіе въ судьбѣ
его.... Но какъ скоро наставала ночь, то не-
возможно было удержать его; онъ спѣшилъ къ
любезному своему клену.—Товарищи, любив-
шіе храбраго и добраго Изидора, попеременно
стерегли его, и всякой разъ слышали, что онъ
съ кѣмъ-то разговариваетъ. Иногда рылся онъ
между сгорѣвшими бревнами — остававшимися
на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ домъ —

Sp. A. p. 181

и какъ будто чего-то искалъ. Однажды (это было въ четвертый день послѣ вступленія Россіянъ въ Москву), товарищъ его по обыкновенію подошелъ къ нему на разсвѣтѣ, чтобъ проводить его домой. Изидоръ неподвижно сидѣлъ подъ кленомъ.... Глаза его еще были открыты, но душа уже оставила бренное свое жилище. — Окостенѣвшая рука его держала заржавленный кинжалъ.... Передъ нимъ лежалъ полуистлѣвшій человѣческій черепъ.

— Признаюсь откровенно — сказалъ Двойникъ, когда я пересталъ читать — что мнѣ не очень нравится конецъ вашей повѣсти. Для меня невѣроятнымъ кажется свиданье Изидора съ тѣнью Аняты, о которомъ вы намѣкаете. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что это возможно? —

«Я думаю» отвѣчалъ я: «что невозможнаго въ такомъ явленіи ничего нѣтъ. Этого рода предметы такъ для насъ отвлеченны, такъ далеко превышаютъ человѣческое понятіе, что безразсудно было бы отвергать ихъ возможность. Правда, что доказать возможность эту не менѣе трудно; но я столько читалъ и слы-

шалъ разсказовъ о людяхъ, являвшихся послѣ смерти, что въ мнѣніи моемъ, нѣкоторые изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, заслуживаютъ вѣроятіе. Одинъ Лейпцигской врачъ, на примѣръ, который и теперь еще живъ, написалъ цѣлую книгу подъ заглавіемъ: *Явленіе жены моей послѣ смерти*. Сколько припомнить могу, явленія эти начались тѣмъ, что спустя нѣсколько дней по смерти Докторши, страстно любимой мужемъ, гитара ея, висѣвшая на стѣнѣ, сама собою начала издавать звуки, а потомъ и цѣлые акорды. Когда Докторъ пріучился къ этому необыкновенному явленію, то въ одинъ вечеръ ему слышался голосъ покойницы.... Сначала она произносила только по нѣсколько словъ; спустя немного времени, стала съ нимъ разговаривать, а кончилось тѣмъ, что и сама показалась. Не смотря однакожъ на любовь его къ покойницѣ, первое ея появленіе до чрезвычайности его испугало. Наконецъ онъ къ тому привыкъ: съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея прихода, разговаривалъ съ нею часто и долго и совѣтовался во всѣхъ дѣлахъ — однимъ словомъ, она по прежнему осталась вѣрнымъ ему другомъ и сохранила послѣ смерти всѣ тѣ

пріятныя качества, которыя украшали ее при жизни, съ тою только разницею, что не такъ уже была капризна. Докторъ сообщилъ о счастіи своемъ нѣсколькимъ друзьямъ, которые рассказали о томъ своимъ знакомымъ, — и такимъ образомъ свиданія его съ покойною женою сдѣлались извѣстны всему городу. Многіе смѣялись надъ нимъ, иные сожалѣли, считая его помѣшаннымъ. Но когда Докторъ рѣшился громко утверждать, что это точно справедливо, и когда наконецъ напечаталъ книгу, гдѣ подробно описалъ явленія жены своей; тогда нашлись люди, которые ему повѣрили. — И въ самомъ дѣлѣ, какую причину могъ имѣть человѣкъ, извѣстный и ученый, обманывать цѣлый свѣтъ и подвергать себя насмѣшкамъ невѣрующихъ, если бы дѣйствительно онъ не имѣлъ свиданій съ покойницею?»

— Ахъ, почтенный Антоній! сказалъ Двойникъ: я не буду спорить о возможности такихъ явленій; — но впрочемъ, какъ неудачно выбранъ примѣръ, вами предлагаемый! —

«Почему неудачно? — Я самъ читалъ эту книгу; она находится въ моей библіотекѣ, и если прикажете, я тотчасъ вамъ ее принесу».

— Вѣрю, вѣрю, любезный другъ! книга эта и мнѣ известна; я даже могу рассказать вамъ, чѣмъ кончилось самое происшествіе, а именно: Докторъ вашъ лѣтъ пятнадцать сряду утверждалъ, что жена ему является, и многіе въ томъ не сомнѣвались, — какъ вдругъ совѣсть его стала мучить и онъ признался, что всѣ рассказы его и книга, имъ напечатанная, не что иное, какъ одна выдумка. —

«Не ужели?» вскричалъ я съ удивленіемъ.

— Точно такъ. Докторъ и теперь живетъ въ Лейпцигѣ, но лишился уваженія публики и, вѣрно, жалѣетъ о прежнихъ своихъ рассказахъ.

«Помилуйте! какую же онъ въ томъ находилъ пользу?»

— Для меня довольно понятно, какъ онъ былъ до того доведенъ. Сначала, можетъ быть для шутки, или чтобъ чѣмъ нибудь отличиться, рассказывалъ онъ свои чудесныя приключенія. Чѣмъ менѣе ему вѣрили, тѣмъ болѣе онъ утверждалъ, что говоритъ правду; наконецъ, чтобъ не прослыть лжецомъ, рѣшился даже напечатать о томъ книгу, полагая, что

тогда никто въ справедливости сомнѣваться не станетъ. —

«По этому, если бѣ Докторъ не вздумалъ чрезъ нѣсколько лѣтъ раскаяться въ своей лжѣ, то многіе остались бы въ твердомъ увѣреніи, что Докторша дѣйствительно являлась ему послѣ смерти?»

— Безъ сомнѣнія. Я увѣренъ, что многія чудесныя происшествія этого рода оканчивались бы такимъ же вздоромъ, если бѣ выдумавшій оныя былъ столько совѣстенъ, какъ вашъ Докторъ. —

«Согласитесь однако, что случается много такихъ происшествій, въ которыхъ сомнѣваться никакъ нельзя. Мнѣ пришелъ теперь на мысль анекдотъ, и я вамъ перескажу его. Въ одной знатной Шведской фамиліи хранится перстень, который я самъ видѣлъ у Графа Ст**, бывшаго въ концѣ прошедшаго столѣтія Посланникомъ въ Парижѣ. Это большой изумрудъ, изображающій голову Юпитера и принадлежащій безъ сомнѣнія къ величайшимъ рѣдкостямъ, дошедшимъ до насъ отъ Римлянъ. Графъ рассказывалъ мнѣ слѣдующее

странное происшествіе , въ которомъ перстень этотъ игралъ значительную роль.

Мать Графа имѣла помѣстье въ окрестностяхъ Вѣны и часто посѣщала столицу , гдѣ много у ней было знакомыхъ и родныхъ. Однажды пріѣхала она туда поздно ввечеру и — не помню , по какой причинѣ — не остановилась въ занимаемомъ ею обыкновенно домѣ , а расположилась въ одномъ извѣстномъ трактирѣ. Графиня очень устала отъ дороги , и потому замкнувъ дверь , легла спать. Лишь только она уснула , какъ вдругъ пробуждена была страшнымъ шумомъ , какъ будто происходившимъ подъ поломъ. — Она приподнялась въ постели и сквозь кисейную занавѣску , при свѣтѣ ночника , увидѣла , что какой-то предметъ , котораго ясно разглядѣть не могла , медленно выходитъ изъ подъ полу ! Предметъ этотъ поднимался выше , выше — и потомъ началъ подходить къ кровати.... Не успѣла она еще придумать , что ей дѣлать , какъ занавѣсъ вдругъ раздернулась — и предъ глаза Графини предстала женщина высокаго роста , блѣдная , какъ смерть , и закутанная въ бѣлой окровавленной простынѣ!.... Въ первую минуту она чрезвы-

чайно испугалась. Собравшись однако съ духомъ, подумала, что ей пригрѣзился страшный сонъ. Она протирала себѣ глаза, но тщетно: привидѣніе стояло предъ нею неподвижно! Графиня была женщина твердаго духа и чистой совѣсти, и потому перекрестясь спросила. «Чего ты отъ меня требуешь? Если могу тебѣ быть полезною, говори; — если же нѣтъ, исчезни и оставь меня въ покоѣ!»

— Обѣщайся исполнить мою просьбу — отвѣчало привидѣніе громко и внятно, хотя губы его не шевелились.

«Обѣщаюсь» сказала Графиня: «если просьба твоя не заключаетъ въ себѣ ничего, противнаго святой вѣрѣ и законамъ.»

— Такъ выслушай меня. Въ жизни я была законная жена трактирщика, хозяина этого дома. Извергъ возненавидѣлъ меня и рѣшился убить. Сего дня ровно минуло три года, какъ зазвавъ меня въ эту самую комнату, въ глубокую полночь, онъ заперъ дверь и изъ подъ кровати вытащилъ большой топоръ, заранее имъ приготовленный.... Сначала я думала, что онъ меня только страшаетъ, и со слезами упала къ его ногамъ. Но онъ безжа-

лостно разрубилъ мнѣ голову.... Потомъ завернулъ тѣло мое въ простыню и зарылъ подъ поломъ. На другой день онъ объявилъ, что не знаетъ, куда я дѣлась; плакалъ, сулилъ большія деньги тому, кто меня отыщетъ, и такимъ образомъ обманувъ всѣхъ, остался не наказаннымъ. Никто не подозрѣваетъ его въ убійствѣ, а кости мои до сихъ поръ остаются не похороненными! Требую отъ тебя — продолжалъ мертвецъ, бросивъ грозный взглядъ на Графиню, внимавшую ему съ ужасомъ — требую, чтобы завтра же ты съѣздила къ Министру и настояла, чтобы отрыли мои кости и предали ихъ землѣ. —

«Охотно исполню твое желаніе» отвѣчала Графиня. «Но скажи сама, можно ли это сдѣлать? Чѣмъ докажу я справедливость жалобы моей на твоего мужа? Положимъ даже, что меня послушаютъ, и въ слѣдствіе того здѣсь подъ поломъ дѣйствительно найдутъ человѣческія кости; твой мужъ тогда скажетъ, что онъ не знаетъ, по какому случаю онъ тутъ очутился.»

— Объяви, что я сама тебѣ о томъ разсказала — продолжало привидѣніе.

«Хорошо; но кто мнѣ повѣритъ, и не сочтутъ ли словъ моихъ бредомъ?»

Мертвецъ призадумался. — Твоя правда — сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи. — Я тебя однако научу, что сдѣлать должно, чтобы тебѣ повѣрили. Изумрудный перстень твой извѣстенъ всѣмъ здѣсь въ городѣ; Министръ самъ видѣлъ его нѣсколько дней тому назадъ. Кинь его ко мнѣ въ голову, и завтра, когда отроютъ кости, онъ находится будетъ въ моемъ черепѣ. — При сихъ словахъ мертвецъ сталъ на колѣни, сбросилъ съ себя простыню и положилъ раздвоенную голову на постель. Графиня вздрогнула.... однако перекрестившись, снова ободрилась, сняла съ пальца перстень, бросила его въ раздвоенную голову мертвеца и слышала, какъ онъ зазвѣнѣлъ, ударясь объ кость.... — Благодарствую — сказало, вставая, привидѣніе и исчезло сквозь полъ.

Графиня, проснувшись на другое утро, все происшествіе это сочла за странную грезу. Увидѣвъ однако, что перстня нѣтъ на рукѣ, она такъ живо вспомнила всѣ подробности страшнаго видѣнія, что не могла сомнѣваться въ справедливости онаго. Немедленно поѣха-

ла она къ Министру, объяснила все дѣло и настояла, чтобъ подняли полъ въ той комнатѣ, гдѣ она ночевала. Дѣйствительно найдены были тамъ человѣческія кости и остатки полуистлѣвшей простыни, на которой видны еще были слѣды заекшейся крови. Трактирщикъ нагло увѣрялъ, что ему неизвѣстно, чьи это кости. Но когда Графиня, по обѣщанію данному мертвецу, обвинила его въ убійствѣ, рассказавъ въ подробности все ею видѣнное, и когда въ разрубленномъ черепѣ нашли изумрудный перстень; то онъ поблѣднѣлъ, упалъ къ ея ногамъ и признался въ своемъ преступленіи.—Кости въ тотъ же день были погребены на кладбищѣ, а трактирщикъ вскорѣ потомъ получилъ должное наказаніе.

— Анекдотъ, вами рассказанный, возразилъ Двойникъ, довольно занимателенъ, и меня немного подиралъ морозъ по кожѣ, когда описывали вы, какъ мертвецъ раздвоенную голову свою подносилъ Графинѣ, и какъ перстень зазвѣнѣлъ, ударясь о пустой черепъ.... Удивляюсь мужеству Графини, ибо рѣдкой мужчиной могъ бы сохранить при этомъ хладнокровіе; но позвольте предложить вамъ маленькое

сомнѣніе. Анекдотъ вашъ имѣетъ большое сходство съ повѣстью о двухъ друзьяхъ, о которыхъ говоритъ Цицеронъ; помните ли вы ее? —

«Не совсѣмъ» отвѣчалъ я.

— И я не очень помню подробностей, продолжалъ Двойникъ; но вотъ, кажется, какъ дѣло происходило: Цицеронъ рассказываетъ, что двое Аркадянъ путешествовали вмѣстѣ и прибывъ въ Мегару, остановились въ разныхъ домахъ. Ночью одинъ изъ нихъ увидѣлъ во снѣ, что товарищъ его убѣдительно проситъ прійти къ нему на помощь, потому, что хозяинъ трактира, въ которомъ онъ остановился, намѣренъ его зарѣзать. Видѣвшій сонъ пробудился; но считая явленіе это обыкновеннымъ сномъ, не всталъ съ постели и вскорѣ опять заснулъ. Товарищъ его снова ему является, заклиная его со слезами какъ можно поспѣшить къ нему. «Хозяинъ уже приближается ко мнѣ съ большимъ ножомъ» говорилъ онъ ему. «Если ты не поспѣшишь, то будетъ поздно!»..... Путешественникъ вторично просыпается, но никакъ не можетъ рѣшиться повѣрить сну, и опять засыпаетъ. Наконецъ другъ его являет-

ся ему въ третій разъ и упрекаетъ его въ медленности. «Теперь уже поздно» говоритъ онъ... «Я зарѣзанъ и зарытъ въ такомъ-то мѣстѣ. Постарайся, по крайней мѣрѣ, чтобы убійца мой не остался ненаказаннымъ, и чтобы надъ тѣломъ моимъ совершены были должные обряды.» Путешественникъ на другой день идетъ отыскивать друга своего, находитъ убитого въ означенномъ мѣстѣ и изобличаетъ трактирщика въ убійствѣ.

— Не согласитесь ли вы со мною, что есть нѣкоторое сходство между этими двумя исторіями? — продолжалъ Двойникъ. — Что до меня касается, то мнѣ кажется, что происшествіе съ Графинею Ст** не что иное, какъ подражаніе Цицерону, раскрашенное, преувеличенное и припоровленное къ новѣйшему вкусу. —

«Въ вашей волѣ вѣрить или не вѣрить» отвѣчалъ я. «Справокъ забирать теперь невозможно, ибо ни Цицерона, ни Графини нѣтъ на свѣтѣ; но я могу представить вамъ другой Анекдотъ, который, кажется, менѣе подвергнутъ можно сомнѣнію. Къ извѣстной Англійской фамиліи Турботъ, не за долго еще предъ симъ, принадлежалъ одинъ молодой человѣкъ,

который имѣлъ друга, любимаго имъ страстно. Оба они вели жизнь развратную, ничему не вѣрили и часто шутили надъ смертію, полагая въ безумномъ своемъ кощунствѣ, что чело-вѣкъ не имѣетъ безсмертной души, и что од-ни слабоумные могутъ страшиться будущей жизни! Однажды сидя за полною чашею пун-ша, они опять начали разговоръ объ этомъ предметѣ, и воспаленные спиртовыми парами, дали другъ другу клятву въ томъ: что первый изъ нихъ, который умретъ, непременно явит-ся другому, буде, противъ чаянія, послѣ смер-ти удостовѣрится, что душа его безсмертна. Мысль эта столько показалась имъ забавною, что они шутя написали собственною кровію своею клятву, каждый на особомъ листѣ; по-томъ размѣнялись листами и условились, что какъ скоро оставшійся въ живыхъ возметъ въ руки полученное имъ отъ умершаго друга обя-зательство, то сей послѣдній непременно дол-женъ ему явиться.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того другъ Турбота умеръ. Турботъ сожалѣлъ о кончинѣ его, но совсѣмъ забылъ о клятвенномъ обѣ-щаніи. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, — какъ

въ одинъ день Турботъ пошелъ къ себѣ въ библіотеку, чтобъ отыскать книгу, въ которой имѣлъ нужду. Онъ отворилъ шкафъ и нечаянно положилъ руку на исписанный кровію друга его листъ, остававшійся столь долгое время въ забвеніи. Вдругъ слышитъ онъ голосъ, зовущій его по имени... Онъ оглянулся, и увидѣлъ покойника стоящаго за нимъ! Тутъ вспомнилъ онъ о взаимной клятвѣ, и содрогнулся... Другъ сказалъ ему: «Турботъ! доколѣ не протекло еще время неозвратно, — покайся, исправься! Я позналъ, что душа безсмертна; позналъ, что есть возмездіе дѣламъ нашимъ въ той жизни: тяжки настоящія мои страданія, но я заслужилъ ихъ. Покайся, Турботъ! доколѣ время не протекло неозвратно... Вотъ что оставляю тебѣ въ знакъ прежней дружбы и въ память нашего свиданія!»... Сказавъ слова сіи, онъ положилъ руку на дубовый столъ, стоявшій предъ нимъ, и исчезъ. — Турботъ подошелъ къ столу и съ ужасомъ увидѣлъ, что толстая дубовая доска прогорѣла насквозь!.. Слѣды пяти пальцевъ несчастнаго друга его ясно были видны. Турботъ послѣ сего явленія совершенно перемѣнилъ образъ

жизни своей, обратился къ вѣрѣ и чрезъ нѣсколько времени скончался съ чувствованіями и надеждами истиннаго Христіанина. Столъ и донынѣ хранится въ его семействѣ.»

— Разсказанное вами происшествіе весьма правоучительно — сказалъ Двойникъ — и я очень далекъ отъ того, чтобъ отвергать его возможность. Милосердый Создатель нашъ, съ нѣжностію Отца пекущійся о человѣкѣ, безчисленными и различными путями ведетъ его ко благу. Я твердо увѣренъ, что допускаются Имъ иногда таковыя явленія для предостереженія заблужденныхъ. Однако я убѣжденъ и въ томъ, что изъ тысячи таковыхъ анекдотовъ, разсказываемыхъ и печатаемыхъ, можетъ быть, найдется не болѣе одного справедливаго. Замѣьте, что почти всѣ они одинъ на другой похожи; происшествіе съ Турботомъ имѣетъ разительное сходство съ явленіемъ, о которомъ повѣствуетъ Штиллингъ въ сочиненіи своемъ: *Теорія духовъ*. И тамъ является мертвецъ, увѣщаваетъ и предостерегаетъ знакомыхъ, и наконецъ взявъ въ руку книгу, прожигаетъ ее пальцами насквозь. —

«Скажите мнѣ пожалуйста, какого вы мнѣ-

нія объ этой *Теоріи духовъ?*» спросилъ я у Двойника. — «Я давно о ней слышалъ, но до сего времени она не попадалась мнѣ въ руки.»

— Штиллингъ — отвѣчалъ Двойникъ — былъ человекъ, достойный уваженія по добрымъ качествамъ и пламенной ревности къ распространенію полезныхъ и назидательныхъ истинъ. Въ сочиненіяхъ его, кои всѣ стремятся къ одной цѣли, вы найдете весьма много хорошаго; но и онъ, какъ и многіе другіе, не во всемъ соблюдалъ мѣру; и потому-то иногда, особливо въ *Теоріи духовъ*, вмѣсто страха, который думаетъ произвести въ читателяхъ, возбуждаетъ совсѣмъ другое чувство... Онъ рассказываетъ, на прим., что въ извѣстномъ учебномъ заведеніи въ Брауншвейгѣ, называемомъ *Carolinum*, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ умеръ одинъ Профессоръ. Спустя немного времени послѣ смерти его, нѣкоторые ученики замѣтили, что онъ по прежнему прохаживается по спальнымъ ихъ комнатамъ въ колпакѣ и халатѣ. Они объ этомъ донесли Начальникамъ, изъ которыхъ одинъ, тоже Профессоръ, никакъ не хотѣлъ тому вѣрить. Однажды онъ вошелъ въ спальню учениковъ

и, въ гордомъ невѣріи своемъ, отважился громко просить покойника, чтобы онъ и ему явился. Не успѣлъ онъ договорить приглашенія, какъ дѣйствительно предсталъ предъ него умершій, съ строгимъ видомъ и грозя ему пальцемъ!... Вы можете себѣ представить, какъ испугался нашъ Профессоръ! но послушайте далѣе. Ночью, вдругъ кто-то будить Профессора; онъ открываетъ глаза и видитъ предъ собою умершаго! Покойникъ смотритъ на него пристально и сердито. Наконецъ Профессоръ рѣшается спросить, чего онъ хочетъ? Покойникъ не отвѣчаетъ ни слова, но дѣлаетъ движеніе губами, какъ будто курить трубку. Другаго отвѣта онъ добиться никакъ не могъ. Въ слѣдующую ночь тоже явленіе, тѣже вопросы и тоже непонятное движеніе губами. Профессоръ въ отчаяніи напрягаетъ умъ свой, и наконецъ ему приходитъ счастливая мысль спросить у покойника: не за тѣмъ ли онъ является, что, можетъ быть, его беспокоятъ долги, при жизни имъ не заплаченные? — Покойникъ головою дѣлаетъ утвердительный знакъ, но продолжаетъ шевелить губами. «Не забылъ ли ты заплатить за курительный табакъ?» Покой-

никъ повторяетъ тотъ же знакъ. — На другой день забирается справка, и дѣйствительно находятъ, что усопшій остался должнымъ одному купцу два талера и нѣсколько грошей за курительный табакъ. Кто опишетъ радость нашего Профессора, коему наскучили ночныя явленія! Онъ спѣшитъ заплатить два талера и ввечеру ложится спать въ сладкой надеждѣ, что уже ничто не потревожитъ его. Но не тутъ-то было! Въ полночь опять является неугомонный покойникъ, но такъ, что его не весьма ясно различить можно. — Привидѣніе сіе, казалось, не такъ уже было плотно, какъ въ прежніе разы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было даже прозрачно. Оно продолжаетъ дѣлать знаки и движенія, такъ однакоже не ясно, что бѣдный Профессоръ никакъ разобрать ихъ не можетъ. Онъ догадывается, что это должны быть еще какіе нибудь долги; но какіе? вотъ до чего добиться трудно. По долгомъ стараніи ему наконецъ удается разобрать, что знаки покойника имѣютъ сходство съ движеніемъ, какое дѣлаютъ, показывая на стѣнѣ Китайскія тѣни и продергивая разрисованныя стекла сквозь волшебный фонарь. — Онъ

опять забираетъ справку и узнаетъ, что покойникъ за нѣсколько дней предъ кончиною, взялъ у одного пріятеля два такого рода стекла, которыхъ однако не успѣлъ возвратить ему при жизни. — Профессоръ отыскалъ стекла, отдалъ ихъ настоящему хозяину, и съ того времени привидѣніе перестало являться.... Но чему вы смѣтаетесь, почтенный Антоній? —

«Я воображаю себѣ» отвѣчалъ я: «какая бы въ Россіи сдѣлалась суматоха, если бъ у насъ вошло въ моду, чтобы люди, не заплатившіе долговъ своихъ, являлись послѣ смерти и дѣлали знаки!»

— Надобно надѣяться, что этого никогда не будетъ — сказалъ Двойникъ. — Но обратимся опять къ Штилингу. Въ той же Тео-ріи духовъ вы найдете слѣдующее разсужденіе, довольно любопытное и оригинальное. Упоминая о привидѣніи, которое будто-бы въ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Германскихъ домахъ является всегда передъ кончиною одного изъ членовъ фамиліи, и которое въ цѣлой Германіи извѣстно подъ именемъ *Бѣлой женщины* (*die weiße Frau*), Штилингъ входитъ въ ученія

изслѣдованія, кто такая была при жизни эта Бѣлая женщина? Ему достовѣрнымъ кажется, что Бѣлая женщина — не Графиня Орламинде, какъ обыкновенно полагають; но Баронесса фонъ Лихтенштейнъ, изъ древней и знаменитой фамиліи фонъ Розенбергъ, жившая въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія. — Разсказавъ множество анекдотовъ объ извѣстномъ этомъ привидѣніи, которое, по словамъ его, является во многихъ замкахъ Богеміи, также въ Берлинѣ, Баденѣ и Дармштадтѣ, онъ упоминаетъ о томъ, что покойница при жизни была Католическаго исповѣданія, и наконецъ заключаетъ такимъ образомъ: «Вѣроятно, Бѣлая женщина послѣ смерти *перемѣнила законъ* свой; иначе она бы не показывала такого благорасположенія къ Лютеранскимъ фамиліямъ.» — Вообще Штиллингъ, кажется, не очень жалуетъ Католиковъ. Въ тойже книгѣ онъ повѣствуетъ о привидѣніи, которое и понынѣ беспокоитъ жителей одного дома. — Они часто слышатъ, какъ оно ходитъ по чердаку, вздыхая и крихтя, какъ будто на плечахъ у него тяжелая ноша, которую оно сбрасываетъ иногда съ такимъ шумомъ, что полы въ домѣ трещатъ и

окна дрожатъ. — Два раза нѣкоторымъ изъ жителей удавалось подсмотрѣть это привидѣніе, и тогда оно показывалось въ видѣ стараго Капуцина, съ большою бородою и въ довольно замаранномъ колпакѣ. — Однажды въ домѣ этомъ скончался набожный и добродѣтельный ткачъ, и замѣтили, что въ это время привидѣніе шумѣло болѣе обыкновеннаго. Штиллингъ увеличившійся этотъ шумъ объясняетъ такъ: Духъ былъ монахъ. Извѣстно, что Католическіе монахи увѣрены, что кромѣ ихъ вѣры нѣтъ спасенія; и потому духу чрезвычайно было досадно, что не смотря на то, Лютеранинъ въ глазахъ его переселился въ вѣчное блаженство, между тѣмъ какъ онъ, будучи Католикомъ, все еще не избавился отъ страданій! — Но всего страннѣе показалось мнѣ слѣдующее разсужденіе: Одинъ изъ жителей тогоже дома, честный и добрый подмастерье, очень желалъ видѣть Капуцина. — Однажды услышавъ, что духъ идетъ по лѣстницѣ на чердакъ, онъ тихонько пошелъ за нимъ и вдругъ отворилъ дверь, обратясь лицомъ къ тому мѣсту, гдѣ происходилъ шумъ. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ его увидѣть, а только показа-

лось ему, что какая-то сѣрая тѣнь скрылась въ хворостѣ, лежавшемъ въ углу. Подмастерье бросился туда, долго рылся въ хворостѣ, однако ничего не нашелъ. — Авторъ, выхваляя отважность подмастерья, говоритъ, что онъ, будучи набожнымъ человѣкомъ, конечно не имѣлъ причины опасаться Капуцина; но что между тѣмъ поступилъ весьма неосторожно, роясь въ хворостѣ голыми руками, потому, что испаренія духа могли бы произвести очень опасные нарывы и болячки на рукахъ...

«Полно!» вскричалъ я: «полно, Г. Двойникъ! мнѣ кажется, вы шутите! — Возможно ли, чтобъ это было напечатано въ Теоріи духовъ?»

— Прочитайте самую книгу, возразилъ Двойникъ, и вы между многими, весьма назидательными истинами, найдете и рассказанное мною о задолжаломъ Профессорѣ, о Бѣлой женщинѣ и объ отважномъ подмастерьѣ. — Но какъ бы то ни было, обратимся къ какому нибудь иному предмету. Если бы кто подслушалъ сегоднешній разговоръ нашъ, то вѣрно бы подумалъ, что мы ни о чемъ иномъ говорить не умѣемъ.

«И у меня» сказалъ я: «отъ всѣхъ приви-
дѣній, явленій и мертвецовъ, которыхъ сего
дня ввечеру мы выводили на сцену, голова за-
кружилась. Я полагаю, почтенный Двойникъ,
причиною этому то, что вы, съ позволенія ва-
шего, сами принадлежите къ числу привидѣ-
ній; и потому разговоръ съ вами непримѣт-
нымъ образомъ, по какому-то магнетическому
вліянію, клонится къ предметамъ отвлечен-
нымъ. Я неоднократно замѣчалъ въ теченіе жи-
зни своей силу этого магнетическаго вліянія, ко-
торое иногда беретъ надъ нами верхъ противъ
нашей воли. Такъ на пр. я знаю одного человѣ-
ка, въ общемъ мнѣніи слывущаго не совсѣмъ
глупымъ, но который между тѣмъ ничѣмъ не-
замѣняемою пустотою своею пріобрѣлъ такую :
неограниченную власть надъ всѣми знакомы-
ми, что никто не въ состояніи говорить съ
нимъ объ иномъ чемъ, кромѣ какъ о пустя-
кахъ. Сколько разъ покушался я начать съ
нимъ разговоръ о предметахъ, хотя немного
серіозныхъ! Онъ молчитъ, пучитъ глаза, смот-
ритъ на васъ пристально, и наконецъ до того
доведетъ васъ глупымъ и ничего не говоря-
щимъ взглядомъ своимъ, что вы противъ воли

отъ серіознаго предмета перейдете къ такому, который ему подь силу, т. е. къ самому пустому.»

— Весьма справедливо, отвѣчалъ Двойникъ, сдѣланное вами замѣчаніе относительно магнетическаго вліянія постороннихъ лицъ; однако еще чаще встрѣчаемъ мы людей, которыхъ не постороннее вліяніе, но какая-то внутренняя сила принуждаетъ говорить, кстати и не кстати, объ одномъ и томъ же предметѣ. Возмите въ примѣръ Клита, намъ обоимъ довольно коротко знакомаго. Начните съ нимъ разговоръ, о чемъ хотите... Будьте увѣрены, что онъ непременно сведетъ его на любимый свой предметъ, т. е. на самого себя. Ему говорятъ о Наполеонѣ: — И я умру подобною смертію, отвѣчаетъ онъ; кто такъ, какъ мы оба, привыкъ работать головою, тотъ долженъ ожидать этого... — Вы спрашиваете у него, слышалъ ли онъ новую пѣвицу? Слышалъ, отвѣчаетъ онъ; но что касается до меня, то я — никогда не имѣлъ пріятнаго голоса, хотя, смѣю сказать, не совсѣмъ невѣжда въ музыкѣ, и проч. — Однажды какъ-то при немъ заговорили о превращеніи Навуходоносора въ быка... Вотъ ужъ тутъ,

подумалъ я, не къ чему придраться Клиту. Повѣрите ли, что я ошибся, любезный Антоній? Мой Клитъ и тутъ нашелся... Что касается до меня, сказалъ онъ съ громкимъ хохотомъ, (ибо онъ всегда, и весьма часто одинъ, смѣется остротѣ своей), — что касается до меня, то я никакъ бы не горевалъ, если бъ меня превратили въ быка. Я не люблю мяснаго, да и по слабому здоровью употреблять его не могу; и такъ я кушалъ бы травку, и не имѣлъ бы никакихъ заботъ! — Онъ вѣрно ожидалъ, что всѣ закричатъ въ одинъ голосъ: помилуйте, Г. Клитъ! Какое бы это было для земнаго шара несчастіе, если бъ вы сдѣлались быкомъ!.. Никто однако не сказалъ ни слова. Еще я знаю другаго... —

«Будемъ говорить о чемънибудь иномъ» прервалъ я Двойника. «Всѣхъ подобныхъ чудаконъ не пересчитаешь; да и какое намъ до нихъ дѣло? Вы обѣщались, любезный Двойникъ, сообщить мнѣ чтонибудь изъ вашихъ сочиненій; я жду этого съ нетерпѣніемъ. А между тѣмъ, чтобы не сбиться намъ опять на прежнюю дорогу, сдѣлаемъ между собою условіе, что какъ скоро ктонибудь изъ насъ, по

магнетическому вліянію вашему, заговорить о привидѣніяхъ, то другой тотчасъ его остано-
витъ.»

— Весьма охотно! — И такъ позвольте раз-
сказать вамъ повѣсть, которую слышалъ я отъ
одного Полковника, по имени Ф.** — Я буду
говорить собственными его словами. Однако...
не лучше ли оставить повѣсть эту до завтра? —

«Какъ прикажете, любезный Двойникъ; и
мнѣ кажется, что сего дня слишкомъ уже
поздно.»

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

ПАГУБНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ НЕОБУЗДАННАГО ВООБРАЖЕНІЯ.

Въ Маѣ 17** года предпринялъ я путешествіе въ Германію съ молодымъ Графомъ N..., котораго отправилъ туда отецъ для окончательнаго ученія въ славномъ Лейпцигскомъ Университетѣ. Наши родители служили долгое время вмѣстѣ на полѣ чести, и сохранили тѣсную связь дружбы въ преклонныхъ лѣтахъ; а потому я не могъ отказать въ неотступной просьбѣ старому Графу, который единственнаго наслѣдника своего имени и богатства желалъ ввѣрить сыну испытаннаго и не измѣннаго друга.

Сопутнику моему (я назову его Алцестомъ) было тогда не болѣе двадцати лѣтъ. Природный умъ, развитый и украшенный добрымъ воспитаніемъ, благородныя качества души и плѣнительная наружность оправдывали чрезмѣрную къ нему горячность отца и любовь всѣхъ, кто только зналъ его. Я пятнадцатю годами былъ старѣе его, и чувствовалъ къ нему привязанность старшаго брата къ младшему. Въ немъ не были замѣтны недостатки и слабости, столь обыкновенныя въ молодыхъ людяхъ, которые съ младенческихъ лѣтъ видятъ себя отличенными отъ другихъ знатною порою и богатствомъ. Одна только черта въ его характерѣ меня тревожила: Алцестъ, одаренный пылкимъ воображеніемъ, имѣлъ непреодолимую страсть ко всему романическому и, по несчастію, ему никогда не препятствовали удовлетворять оной. Онъ заливался слезами при чтеніи трогательнаго повѣствованія; я даже неоднократно видѣлъ его страстно влюбленнымъ въ героиню какого нибудь романа. Романическія сочиненія хотя еще не имѣли тогда такихъ страстныхъ приверженцевъ и защитниковъ, какъ нынѣ, — но Гетевы Вертеръ

и Шарлота и Жанъ-Жакова Новая Элоиза были уже извѣстны. Я зналъ, что нѣсколько молодыхъ людей, въ Германіи, до того потеряли разсудокъ отъ чтенія сего рода произведеній, что желая подражать Вертеру, лишили себя жизни! Къ тому же въ то время отвлеченная и запутанная философія Канта и Фихте была въ большой модѣ въ Нѣмецкихъ Университетахъ, и Студенты, съ свойственнымъ неопытному юношеству жаромъ, предавались занятію наукою, которую и сами изобрѣтатели едва ли понимали. — И такъ я не безъ основанія опасался, что неодолимая склонность Алцеста предаваться собственному слишкомъ пылкому воображенію, можетъ имѣть пагубныя для него послѣдствія. Впрочемъ меня нѣкоторымъ образомъ успокоивало то, что онъ съ терпѣніемъ принималъ дружескіе мои совѣты. Не смотря на разность лѣтъ, отношенія наши другъ къ другу основаны были на взаимномъ уваженіи. Алцестъ весьма обрадовался, узнавъ, что я согласенъ быть ему товарищемъ. Ему назначено было прожить два года въ Лейпцигѣ. Старый Графъ полагалъ, что сынъ его содѣлается чрезъ то болѣе достойнымъ высока-

го назначенія, на которое знаменитое происхожденіе, заслуги отца, и несмѣтное богатство давали ему право. И такъ сколь ни трудно ему было разставаться съ обожаемымъ сыномъ, но мысль, что разлука эта послужитъ къ его пользѣ, превозмогла жестокую горестъ родительскаго сердца, — и мы пустились въ путь, снабженные достаточнымъ числомъ векселей и сопровождаемые слезами и благословеніями почтенныхъ нашихъ стариковъ.

Дорогою я не пропускалъ случая остерегать любезнаго спутника моего отъ вліянія неукротимаго его воображенія, и мнѣ казалось, что старанія мои не совсѣмъ были безъуспѣшны. Прибывъ въ Лейпцигъ, мы остановились въ Гриммской улицѣ, въ домѣ, приготовленномъ для насъ Банкиромъ Фр^д, который предвѣдомленъ былъ о нашемъ прибытіи.

Первыя двѣ недѣли протекли въ осматриваніи города и прелестныхъ его окрестностей. Банкиръ познакомилъ насъ въ нѣсколькихъ домахъ, коихъ хозяева, вопреки Германской бережливости, любили принимать иностранцевъ. — Читатель, которому случалось быть въ Германіи, конечно не оставилъ безъ замѣ-

чанія хорошаго расположенія Нѣмцовъ къ Русскимъ. И такъ никому не покажется удивительнымъ, что молодой, пригожій и богатый Русскій Графъ, изъясняющійся на Нѣмецкомъ языкѣ какъ природный Саксонецъ, вскорѣ обратилъ на себя вниманіе всего небольшого, но многолюднаго города. Алцестъ, имѣя въ свѣжей памяти мои совѣты, былъ вѣжливъ и ласковъ со всѣми; но, казалось, не примѣчалъ ни своекорыстной похвалы матушекъ, ни привѣтливой улыбки дочекъ... Отвлеченныя разсужденія важныхъ и чинныхъ Профессоровъ и глубокіе расчеты предприимчивыхъ купцовъ, занимали его болѣе, нежели плѣнительные взгляды и шутливые разговоры Лейпцигскихъ красавицъ.

Подаривъ нѣсколько времени безшумнымъ удовольствіямъ, новыми нашими знакомыми намъ доставленнымъ, мы вскорѣ принялись за настоящее дѣло, за которымъ пріѣхали въ Германію. Алцестъ съ жаромъ предался ученымъ занятіямъ, и я долженъ былъ отвлекать его отъ трудовъ излишнихъ и для здоровья вредныхъ.

Такимъ образомъ прожили мы около трехъ мѣсяцевъ, какъ вдругъ замѣтилъ я въ товари-

щѣ своемъ незапную перемѣну. Онъ сдѣлался задумчивъ, убѣгалъ моего сообщества и охотно оставался одинъ въ своей комнатѣ. Сначала приписывалъ я это какой нибудь болѣзни или огорченію; но Алцестъ на вопросы мои отвѣчалъ, что онъ здоровъ и счастливъ, и просилъ о немъ не беспокоиться. Между тѣмъ задумчивость его часъ отъ часу увеличивалась. Когда казалось ему, что никто за нимъ не примѣчаетъ, вздохи вырывались изъ груди его — и я по неволѣ долженъ былъ заключить, что имъ овладѣла сильная страсть къ неизвѣстному мнѣ предмету. Я внимательнѣе сталъ за нимъ примѣчать; но долго не могъ ничего открыть. Съ нѣкотораго времени онъ совершенно отсталъ отъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Цѣлые дни просиживалъ запершись въ своей комнатѣ, въ которую не охотно впускалъ даже камердинера своего, находившагося при немъ съ самаго младенчества. Не зная, какимъ образомъ объяснить странное поведеніе Алцеста, я рѣшился поговорить о томъ съ вѣрнымъ Иваномъ; но и отъ него ничего не узналъ удовлетворительнаго. Старый слуга, покачавъ головою, сказалъ мнѣ съ печальнымъ видомъ: «вѣдь

то-то и бѣда, что вы, господа, ничему не вѣрите; я боюсь, чтобъ Графа нашего не заколдовали! Лучше было бы оставаться намъ дома; здѣсь хорошему ничему не бывать.»

Что мнѣ оставалось дѣлать, при такихъ обстоятельствахъ? Я любилъ Алцеста, какъ роднаго брата; трогательныя просьбы почтеннаго отца его отзывались въ душѣ моей; обязанность, принятая мною на себя, рѣшительно требовала, чтобы я не допускалъ молодаго Графа предаваться задумчивости, тѣмъ болѣе меня беспокоившей, что я не понималъ ея причины. Я принялъ твердое намѣреніе принудить его объясниться, хотя и не могъ скрыть самъ отъ себя, сколь таковая мѣра была затруднительна при пылкомъ и непреклонномъ нравѣ юнаго моего друга.

Однажды Алцестъ, отобѣдавъ вмѣстѣ со мною, по обыкновенію намѣренъ былъ удалиться въ свою комнату. «Не хотите ли вы прогуляться?» сказалъ я ему. «Погода прекрасная, и я поведу васъ въ такое мѣсто, котораго вы еще не видали и которое вамъ, вѣрно, понравится.»

— Извините меня, любезный Ф....., отвѣ-

чалъ онъ; я не могу идти съ вами. У меня болитъ голова; мнѣ надобно отдохнуть! — Сказавъ это, онъ поклонился и ушелъ къ себѣ.

Я почти предвидѣлъ этотъ отвѣтъ; но рѣшившись, во чтобъ то ни стало, принудить его къ объясненію, я послѣдовалъ за нимъ, немного погодя, и остановился у дверей. Графъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; потомъ подошелъ къ окну, тяжело вздохнулъ и опять началъ ходить. Я слышалъ, какъ онъ разговаривалъ самъ съ собою; казалось, будто онъ съ нетерпѣніемъ кого-то ожидалъ. Наконецъ онъ опять приблизился къ окну. Вотъ она! воскликнулъ онъ довольно громко, подвинулъ стулъ и сѣлъ. Въ эту минуту я вдругъ отворилъ дверь. Алцестъ вскочилъ поспѣшно, задернулъ у окошка занавѣсъ и спросилъ у меня, покраснѣвши и дрожащимъ голосомъ: — что вамъ угодно? —

«Любезный Графъ!» отвѣчалъ я ему. «Я давно замѣтилъ, что вы отъ меня таитесь, и потому пришелъ спросить васъ о причинѣ этой скрытности, этой холодности, къ которымъ не могу привыкнуть.»

Онъ смѣшался, и по нѣкоторомъ молчаніи

сказалъ , потупивъ глаза въ землю: — Я люблю и уважаю васъ по прежнему; но — прибавилъ онъ почти съ сердцемъ — мнѣ нужно быть одному, и вы крайне меня обяжете, если оставите меня въ покоѣ. —

«Алцестъ!» возразилъ я: «я поѣхалъ съ вами изъ угожденія къ почтенному родителю вашему и по собственному вашему желанію. Если мое присутствіе вамъ въ тягость, если я потерялъ вашу довѣренность, то мнѣ дѣлать здѣсь нечего, и я немедленно отправлюсь назадъ. Прощайте! отъ всей души желаю вамъ счастья!»

Алцестъ взглянулъ на меня; онъ замѣтилъ, что глаза мои наполнены были слезами, и доброе сердце его не могло противостоять горести друга. Онъ зарыдалъ и бросился ко мнѣ на шею. — Будь великодушенъ! вскричалъ онъ: прости меня! Я чувствую, что виноватъ предъ тобою..... Но съ нѣкоторыхъ поръ я самъ не знаю, что дѣлаю, что говорю... Сильная страсть, какъ бездонная пропасть, поглотила всѣ чувства мои, всѣ понятія! —

Я обнялъ его и просилъ успокоиться. «Вы меня удивляете» сказалъ я. «Мнѣ неизвѣстенъ

предметъ любви вашей; не понимаю даже, когда и гдѣ вы могли съ нимъ познакомиться; — но надѣюсь, что онъ достоинъ Алцеста, и прошу мнѣ открыть сердце ваше.»

— Ахъ! воскликнулъ онъ: это не дѣвушка, — это Ангелъ. Я не знаю еще ни имени ея, ни званія, но увѣренъ, что и то и другое соответствуетъ такой небесной красотѣ! Вы увидите ее, любезный Ф.... и не будете удивляться моей страсти. —

Онъ подвелъ меня къ окну, отдернулъ занавѣсъ и указавъ на домъ, находившійся противъ нашего, продолжалъ съ восторгомъ: — взгляните и признайтесь, что вы никогда не видѣли подобнаго Ангела! —

Глаза мои быстро послѣдовали направленію его перста; я увидѣлъ сидящую у окна дѣвушку, и въ самомъ дѣлѣ изумился! Никогда даже воображенію моему не представлялась такая красавица. Гриммская улица не широка и я могъ разсмотрѣть всѣ черты прелестнаго лица ея. Черные волосы небрежными кудрями упали на плеча, бѣлыя, какъ Карарскій мраморъ. Ангельская невинность блистала въ ея взорахъ. Нѣтъ! ни геній Рафаеля, ни пла-

менная кисть Корреджія — живописца Грацій, ни вдохновенный рѣзецъ неизвѣстнаго ваятеля Медицейской Венеры, никогда не производили такого лица, такого стана, такого собранія прелестей неизъяснимыхъ! Она взглянула на насъ и улыбнулась. Какой взглядъ, какая улыбка! «Алцестъ,» сказалъ я: «не удивляюсь вашей страсти; она для меня теперь понятна.... Но скажите, какъ могли вы побѣдить любопытство ваше? Неужели не старались вы узнать имя этого Ангела?»

Ахъ! отвѣчалъ онъ: я и самъ недавно только узналъ, что она здѣсь живетъ, хотя прелестный образъ ея давно уже ношу въ сердцѣ. Мѣсяца два тому назадъ я гулялъ за городомъ. Вечеръ былъ прекрасный, и я, задумавшись, забрелъ довольно далеко по большой дорогѣ, ведущей въ Алтенбургъ. Подходя къ небольшому лѣсочку, я услышалъ спорящіе между собою два голоса. Споръ казался весьма жаркимъ; но не понимая языка, на которомъ говорили, я не могъ отгадать, о чемъ шло дѣло. Изъ нѣсколькихъ словъ я успѣлъ только заключить, что изъяснялись по-Испански.

Вы знаете, что я не любопытенъ, однако

въ эту минуту—какая-то непонятная сила понуждала меня подойти ближе. Я увидѣлъ сидящую неподвижно подъ деревомъ дѣвушку, съ опущенными внизъ глазами. Бѣлый прозрачный вуаль, которымъ покрыто было ея лице, не мѣшалъ мнѣ различить ея прелестныя черты! Она, казалось, не принимала никакого участія въ томъ, что близъ нея происходило, хотя, какъ я тотчасъ замѣтилъ, сама она была предметомъ слышаннаго мною жаркаго спора. Передъ нею стояли два человѣка, которыхъ голосъ и движенія изъявляли величайшую ярость. Одинъ изъ нихъ — высокій мужчина, въ красномъ плащѣ, въ треугольной шляпѣ — хотѣлъ подойти къ красавицѣ; а другой — гораздо меньшій ростомъ, худощавый, въ свѣтлосѣромъ сертукѣ, въ круглой сѣрой шляпѣ съ широкими полями—не допускалъ его. Ссора кончилась дракою. Уже красный плащъ повалилъ на землю своего соперника, уже протягивалъ онъ руки къ сидящей подъ деревомъ дѣвушкѣ,—а я все еще стоялъ неподвижно, не зная, кому изъ нихъ предложить свою помощь.... Наконецъ взоръ, брошенный мною на лице высокаго мужчины, рѣшилъ мое недо-

умѣніе. Вы не можете представить, какая адская радость выражалась въ его физиогноміи! Уже схватилъ онъ за руку дѣвицу, какъ вдругъ я выскочилъ изъ за кустовъ. «Остановись!» закричалъ я ему по-Нѣмецки. «Я не позволю никакого буйства!»

Неожиданное мое появленіе удивило ихъ. Красный плащъ взглянулъ на меня пристально и громко захохоталъ. «Пускай же эта госпожа сама рѣшитъ, кому она хочетъ принадлежать!» вскричалъ онъ. Я подошелъ къ ней, почтительно поклонился и сказалъ; ожидаю вашихъ приказаній, Милостивая Государыня! Но она все молчала.... Я догадался, что она была въ обморокъ.

Между тѣмъ мужчина въ сѣромъ сертукѣ подошелъ къ своему сопернику. «Вентурино!» сказалъ онъ ему: «теперь ты со мною не сладись. Совѣтую тебѣ удалиться!» — Хорошо! отвѣчалъ красной плащъ: — мы съ тобою въ другой разъ разочтемся. А васъ—продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ—васъ, Графъ, поздравляю отъ всего сердца. Рыцарской вашъ подвигъ въ свое время будетъ достойно вознагражденъ. — Выговоривъ сіи слова, онъ опять

захохоталъ и скрылся между деревьями. Еще нѣсколько минутъ спустя послѣ того слышанъ былъ въ дали громкій его хохотъ, который, не знаю по чему, вселялъ въ меня ужасъ!

Оставшись съ соперникомъ краснаго плаща, я изъявилъ сожалѣніе и сердечное участіе свое въ положеніи страдальцы. «Это пройдетъ» отвѣчалъ онъ, схватилъ ее подъ-руку, и она открыла глаза! Я бросился къ ней, но незнакомецъ не допустилъ меня предложить ей мои услуги. Онъ самъ вывелъ ее изъ лѣсочка, посадилъ въ коляску и сѣвъ подлѣ нея, приказалъ кучеру ѣхать. Я былъ въ такомъ смущеніи, что не успѣлъ выговорить ни одного слова; когда же опомнился, то коляска была далеко. Не знаю, обмануло ли меня воображеніе мое, но я замѣтилъ, что при прощаніи со мною, на лицѣ незнакомца показалась таже адская улыбка, которая прежде поразила меня въ его соперникѣ. —

Тутъ Алцестъ задумался и помолчавъ нѣсколько секундъ, продолжалъ: — Съ этой роковой минуты образъ неизвѣстнаго мнѣ Ангела не выходилъ изъ моей памяти. Не повѣряя никому чувствованій сердца, я старался оты-

скать самъ предметъ любви моей и, какъ безумный, бродилъ по всѣмъ Лейпцигскимъ улицамъ. Но всѣ поиски оставались тщетными. Единственное утѣшеніе мое состояло въ томъ, чтобы, сидя въ своей комнатѣ, предаваться сладкой надеждѣ — когда нибудь съ нею опять встрѣтиться. Образъ ея сопровождалъ меня повсюду; но вмѣстѣ съ нимъ преслѣдовали меня и пронзительный хохотъ краснаго плаща, и адская радость, изображавшаяся въ чертахъ человѣка въ сѣромъ сертукѣ! Представьте жъ себѣ мое восхищеніе, когда, сего дня поутру, нечаянно взглянувъ на этотъ домъ, я увидѣлъ у окна свою прелестную незнакомку!... Теперь я счастливъ! Мы смотримъ другъ на друга.... она мнѣ кланяется и улыбается.... и, если самолюбіе меня не обманываетъ, то она не всѣмъ ко мнѣ равнодушна. —

Во все продолженіе его разсказа я не спускалъ глазъ съ сидящей противъ насъ красавицы. — Она какъ будто догадывалась, что о ней говорятъ; отъ времени до времени пріятная улыбка являлась на ея розовыхъ устахъ; но чѣмъ болѣе я въ нее всматривался, тѣмъ страннѣе она мнѣ казалась. Не знаю самъ,

отъ чего, но какой-то страхъ овладѣлъ мною. Мнѣ представилось, будто изъ-за прекрасныхъ плечъ ея попеременно показывались двѣ безобразныя головы: одна въ треугольной черной шляпѣ, другая въ круглой сѣрой съ большими полями. Стыдясь самъ своего ребячества, я оставилъ Алцеста, давъ ему напередъ обѣщаніе, употребить всѣ силы для полученія вѣрныхъ и подробныхъ свѣденій о незнакомой красавицѣ.

Въ тотъ день было уже поздно, и я отложилъ исполненіе своего обѣщанія до другаго утра. Между тѣмъ мнѣ хотѣлось развлечь себя чтеніемъ, но глаза мои пробѣгали страницы, не передавая занятой незнакомкою душѣ моей ни одной мысли. Комната Алцеста была надъ моею спальней, и ко мнѣ доходили его вздохи, слышались шаги его; онъ прохаживался по комнатѣ, и всякой разъ у окна останавливался. Признаюсь, что и я не могъ удержаться, чтобъ не подойти къ окошку. Незнакомка все еще сидѣла на томъ же мѣстѣ. Удивительно, что прелестный образъ ея и въ моемъ воображеніи никакъ не могъ разлучиться съ отвратительнымъ видомъ обоихъ соперниковъ!

Красный плащъ и сѣрый сертукъ мелькали передъ моими глазами въ глубинѣ ея комнаты, которая вся была видна изъ моихъ окошекъ. Настала ночь; незнакомка закрыла окно и отошла. При свѣтѣ зажженныхъ лампъ я видѣлъ, что она сѣла за арфу, и вскорѣ сладкіе звуки Италіанской музыки очаровали слухъ мой.

Наконецъ я легъ спать, однако съ трудомъ могъ заснуть. Въ самомъ глубокомъ снѣ звуки арфы раздавались въ ушахъ моихъ и смѣшивались съ пронзительнымъ хохотомъ, о которомъ рассказывалъ Алцестъ...

На другой день рано по утру я занялся собираніемъ свѣденій о незнакомкѣ, и узналъ безъ большихъ хлопотъ, что весь тотъ домъ занятъ пріѣзжимъ Профессоромъ Андрони, прибывшимъ изъ Неаполя нѣсколько недѣль тому назадъ. Андрони — сказано мнѣ — испросилъ отъ Университетскаго Совѣта позволеніе читать лекціи чистой Математики, Механики и Астрономіи, и вскорѣ откроетъ курсъ сихъ наукъ. Онъ, по видимому, человѣкъ весьма достаточный; ибо за наемъ дома платитъ довольно дорого, а за нѣсколько дней передъ его пріѣздомъ прибылъ сюда его обозъ, состо-

ящій изъ многихъ повозокъ и нѣсколькихъ тяжело-навьюченныхъ муловъ. Самъ онъ живетъ въ нижнемъ этажѣ, а верхній занимаетъ дочь его, Аделина, дѣвица красоты необыкновенной. Она еще ни съ кѣмъ незнакома и до сихъ поръ ее видали только у окна. Впрочемъ любимая его наука Механика, и комнаты дочери его, сколько могли замѣтить сосѣди, наполнены разными машинами и инструментами, привезенными изъ Неаполя въ обозѣ.

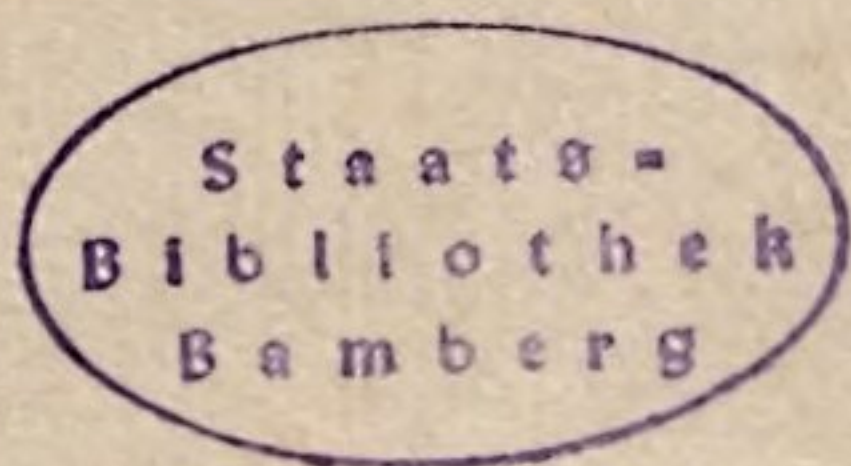
Съ сими извѣстіями я поспѣшилъ къ Алцесту. Онъ кинулся ко мнѣ на шею, и въ радостномъ восторгѣ воскликнулъ: «Любезный Ф...! мы будемъ слушать его лекціи... мы съ нимъ познакомимся... мы сблизимся съ Аделиною!...»

— Очень хорошо, отвѣчалъ я; но не забудьте, что съ завтрашняго дня начинается ярмонка, которая продолжится двѣ недѣли, и что лекціи Г. Андрони, вѣроятно, не прежде начнутся, какъ по окончаніи оной. —

Мы рѣшились однако того же утра идти къ нему и просить о принятіи насъ въ число его слушателей. Графъ не могъ дождаться минуты, которая должна была познакомить насъ

съ отцемъ Аделины. Онъ тотчасъ хотѣлъ къ нему отправиться, хотя не было еще семи часовъ утра, и я съ трудомъ могъ упросить его дожидаться удобнѣйшаго времени. Онъ надѣялся ее увидѣть!... Наконецъ ударилъ часъ, нетерпѣливо ожидаемый, — и мы почтительно постучались у дверей Профессора. Андрони встрѣтилъ насъ самъ. «Это онъ!» шепнулъ мнѣ на ухо Алцестъ. На немъ былъ богатый малиновый халатъ, съ крупными золотыми цвѣтами. Маленькій черный паричокъ съ толстымъ пучкомъ придавалъ какой-то странный видъ длинному орлиному носу, огненнымъ глазамъ и оливковому цвѣту лица, доказывавшимъ южное происхожденіе Профессора. Онъ просилъ насъ сѣсть и тонкимъ пронзительнымъ голоскомъ спросилъ: «Что къ вашимъ услугамъ?»

Никогда не видывалъ я физіогноміи болѣе отвратительной. Какая-то язвительная насмѣшливость изображалась въ вздернутыхъ ноздряхъ, въ судорожномъ кривляніи рта и въ пискливомъ его голосѣ. Но я вспомнилъ, что онъ отецъ Аделины, и съ учтивостію сказалъ ему, что онъ видитъ предъ собою Русскихъ Дво-

рянъ, желающихъ посѣщать его лекціи. Онъ внесъ имена наши въ записную книжку, поблагодарилъ за честь и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о Россіи. Казалось, что ему извѣстно было многое, до отечества нашего относящееся. Графа онъ либо не узналъ, либо притворился, что никогда его не видывалъ. Замѣтивъ, что я со вниманіемъ разсматриваю всѣ предметы въ его покояхъ, онъ съ вѣрѣчіемъ началъ рассказывать о рѣдкостяхъ, вывезенныхъ имъ изъ Египта, и о драгоцѣнныхъ манускриптахъ, найденныхъ въ развалинахъ Помпеи и Геркулана, главный надзоръ надъ которыми нѣкогда ввѣренъ ему былъ Его Величествомъ Королемъ Неаполитанскимъ. Онъ общался — когда раскрыты будутъ ящики, привезенные въ обозъ — показать намъ оставы чудовищъ, извлеченныхъ изъ пучинъ Скиллы и Харибды посредствомъ изобрѣтенной имъ машины. Будучи страстнымъ охотникомъ до древностей, я слушалъ рассказы его со вниманіемъ, хотя непріятный голосъ его такое же на меня произвелъ дѣйствіе, какое испытываемъ, когда острымъ желѣзомъ царапаютъ стекло, или когда рѣжутъ пробку.

Между тѣмъ Алцестъ, попеременно блѣднѣя и краснѣя, ожидалъ минуты, въ которую удастся ему молвить слово объ Аделинѣ. Потерявъ наконецъ терпѣніе, онъ прервалъ рѣчь Профессора и сказалъ ему дрожащимъ отъ робости голосомъ: «Государь мой! позвольте мнѣ... я нѣкогда имѣлъ счастіе... дочь вашу... каково ея здоровье?...

Андрони обратилъ на него огненные глаза, и тонкія губы его скривились въ улыбку. — А, а! вскричалъ онъ: такъ это вы? понимаю!.. — Онъ призадумался и потомъ прибавилъ: — Я очень благодаренъ вамъ за услугу, мнѣ оказанную; но имѣю важныя причины желать, чтобы вы не сказывали никому о случаѣ, насъ познакомившемъ... Я вижу — продолжалъ онъ, замѣтивъ замѣшательство Графа — что тайна эта уже не можетъ называться тайною; но если вы никому иному не ввѣрили ея, кромѣ вашего товарища, то я буду спокоенъ, когда Г. Полковникъ Ф... дастъ мнѣ честное слово, что онъ никому о ней говорить не будетъ.

Требованіе Профессора крайне меня удивило и увеличило отвращеніе, которое я уже къ

нему имѣлъ. Всѣ непріятныя впечатлѣнія, внушенныя мнѣ разговоромъ Алцеста и собственнымъ моимъ наблюденіемъ, какъ будто слились въ одну точку въ душѣ моей, и я хотѣлъ было сказать ему на отрѣзъ, что я тогда только соглашусь хранить его тайну, когда онъ объяснитъ причины, побуждающія его къ такому требованію. Но Алцестъ предупредилъ меня; страшась прогнѣвать отца Аделины, онъ поспѣшилъ его увѣрить, что я съудовольствіемъ удовлетворю его желаніе, — и я принужденнымъ нашелся дать ему честное слово. Послѣ того мы откланялись, и Андрони проводилъ насъ до сѣней, повторяя неоднократно, что посѣщенія наши всегда будутъ ему пріятны.

Мы оставили домъ его съ разными чувствами. Алцестъ не помнилъ себя отъ восхищенія, что успѣлъ проложить себѣ путь къ сближенію съ Аделиною. Я же, напротивъ того, былъ задумчивъ и печаленъ. Какое-то унылое предчувствіе наполняло мою душу, хотя и самъ я не понималъ, отъ чего оно во мнѣ возродилось. Странная фигура и отвратительное лице Профессора, непріятный его голосъ и

злобная усмѣшка сливались въ воображеніи моемъ съ сверх-естественною красотою его дочери и съ адскимъ хохотомъ краснаго плаща... и все это вмѣстѣ составляло смѣсь, отъ которой я чувствовалъ, что волосы мои подымались дыбомъ!

Возвратившись домой, я старался успокоиться, смѣясь самъ надъ собою. Андрони, думалъ я, не что иное, какъ чудакъ, какихъ на свѣтѣ много. Онъ человѣкъ ученый, и это достоинство можетъ заставить забыть непріятный голосъ его. Красный плащъ, вѣроятно, какой нибудь пренебреженный любовникъ; а Аделина... Аделина прелестная дѣвушка, въ которую до безумія влюбленъ Алцестъ... Во всемъ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго.

Съ сими размышленіями я подошелъ къ окну, и опять увидѣлъ Аделину. Она взглянула на меня, поклонилась мнѣ съ неизъяснимою пріятностію, — и печальныя предчувствія мои исчезли, какъ сонъ!

На другой день мы опять явились у Андрони. Онъ принялъ насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, и побесѣдовалъ немного съ нами, самъ предложилъ пойти въ верхній этажъ. Легко

представить себѣ можно, съ какимъ восхищеніемъ Алцестъ принялъ такое предложеніе! Казалось, что Профессоръ это замѣтилъ; онъ обратился ко мнѣ и сказалъ съ усмѣшкою: — Вы теперь не увидите моей дочери; она никогда не жила въ большомъ свѣтѣ и потому чрезвычайно застѣнчива. — Алцестъ тяжело вздохнулъ и печально взглянулъ на меня. Я понялъ причину его печали и самъ не могъ не пожалѣть о томъ, что не увижу Аделины. Андрони, по видимому, не замѣчалъ нашего огорченія. Онъ показывалъ намъ модели разныхъ машинъ и объяснялъ въ подробности ихъ дѣйствія. Большіе органы съ флейтами обратили на себя мое вниманіе. Андрони дернулъ за шнурокъ и прекрасная музыка загремѣла. Я не могъ довольно похвалить вѣрность игры и пріятный тонъ инструмента. — Это ничего нестоящая бездѣлка! сказалъ мнѣ Андрони; органы эти составлены мною въ часы, свободные отъ важнѣйшихъ занятій.

Въ это время очаровательная гармонія раздалась въ ближней комнатѣ, въ которую дверь была заперта. — Моя Аделина играетъ на арфѣ — сказалъ Профессоръ, обратясь къ намъ

съ улыбкою. Мы слушали со вниманіемъ. Никакое перо не въ состояніи изобразить всей обворожительности, всей прелести игры ея. Я внѣ себя былъ отъ удивленія! Алцестъ просилъ Профессора позволить ему послушать вблизи небесную игру его дочери. — Аделина моя крайне стыдлива — отвѣчалъ Андрони; похвалы ваши приведутъ ее въ замѣшательство, и я увѣренъ, что она не согласится играть въ вашемъ присутствіи. Къ тому же — прибавилъ онъ — она не ожидала вашего посѣщенія и теперь еще въ утреннемъ уборѣ. Въ другой разъ ей пріятно будетъ съ вами познакомиться. — Пробывъ еще немного, мы распрощались съ хозяиномъ и возвратились домой, очарованные талантами Аделины.

Вечеромъ посѣтилъ насъ Профессоръ. Онъ одѣтъ былъ по старинному, однакожъ весьма богато. Тотъ же черный паричокъ прикрывалъ его голову, но кафтанъ былъ на немъ желтый бархатный, камзолъ и исподнее платье глазетовые и маленькая стальная шпага висѣла на лѣвомъ его бедрѣ. «Я пришелъ предложить вамъ погулять по ярмонкѣ» сказалъ онъ. «Дочь моя никогда не видала такого многолюдства,

и вы меня обяжете, если не откажетесь прогуляться съ нами.» Разумѣется, что мы съ удовольствіемъ согласились на его предложеніе.

Бывали ль вы въ Лейпцигѣ во время ярмонки, любезный читатель? Если нѣтъ, то трудно мнѣ будетъ изобразить вамъ картину, представившуюся глазамъ нашимъ, когда мы подошли къ площади Неймаркъ. Безчисленное множество людей обоего пола и всѣхъ состояній, въ разныхъ видахъ и одѣянiяхъ, толпились по улицамъ; нижніе этажи всѣхъ домовъ превращены были въ лавки, которыхъ стѣны и окна испещрены развѣшанными хитрою рукою разноцвѣтными товарами. На площади такъ было тѣсно, что мы съ трудомъ могли пройти по оной.

Здѣсь взгромоздившійся на подмости шарлатанъ, въ шляпѣ съ широкимъ мишурнымъ галуномъ, въ кафтанѣ, вышитомъ золотыми блестками, выхвалялъ свои капли и божился, что онѣ исцѣляютъ отъ всѣхъ болѣзней. Далѣе, на такихъ же подмосткахъ коверкались обезьяны. Тутъ, вымазанный смолою и осыпанный пухомъ и перьями, проказникъ, выдавалъ себя

за дикаря, недавно вывезеннаго изъ Новой Голландіи; а тамъ большой деревянный слонъ удивлялъ зрителей искусными движеніями хобота. Со всѣхъ сторонъ, на всѣхъ Европейскихъ языкахъ купцы предлагали намъ товары. Увлеченные толпою, которая пробиралась въ одинъ изъ домовъ, окружающихъ площадь, мы вошли въ залы, гдѣ щегольски одѣтые, расчесанные и распудренные игроки, съ брилліантовыми перстнями на всѣхъ пальцахъ, метали банкъ. Въ Лейпцигѣ Правительство на время ярмонки отступаетъ отъ строгихъ правилъ, и позволяетъ азартныя игры.

Алцестъ, въ началѣ прогулки нашей, желая идти съ Аделиною, подалъ ей руку; но Андрони предупредилъ его, подскочивъ съ торопливостію, и самъ схватилъ ее за руку. Такая неучтивость Профессора сильно огорчила Графа. Мнѣ самому она показалась странною, хотя впрочемъ я съ удовольствіемъ видѣлъ заботливость Андрони удалять Графа отъ своей дочери. Странность Профессора, красота Аделины и возрастающая къ ней страсть моего друга дѣлали непріятное на меня впечатлѣніе;

но вскорѣ необыкновенное зрѣлище, представлявшееся глазамъ моимъ со всѣхъ сторонъ, привлекло на себя все мое вниманіе. Занимаясь разсматриваніемъ разнообразныхъ предметовъ, находившихся предо мною, и оглушенный шумомъ толпившагося около насъ народа, я не замѣчалъ, что глаза всѣхъ обращены были на насъ. Громкія восклицанія нѣсколькихъ Студентовъ, восхищавшихся красотою Аделины, наконецъ вывели меня изъ разсѣянности: я взглянулъ на прелестную нашу спутницу. Она шла подлѣ отца съ потупленными внизъ очами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ нея происходило. Можно было подумать, что она ничего не видитъ и ничего не слышитъ. Меня удивило такое равнодушіе въ молодой прекрасной дѣвушкѣ.

Распротаясь съ Андрони и его дочерью и возвратясь домой, Графъ съ восхищеніемъ говорилъ объ Аделинѣ.

«Вы, кажется, совсѣмъ не разговаривали съ нею?» спросилъ я у него.

— Признаюсь — отвѣчалъ онъ — я почти увѣренъ, что бѣдная Аделина весьма несчастна!

Отецъ ея болѣе похожъ на тирана, нежели на отца. Нельзя, по крайней мѣрѣ, не подумать этого, видя столь непонятную робость и молчаливость. Безпрестанная ея задумчивость огорчаетъ меня до глубины сердца. При прощаніи я спросилъ у ней: весело ли ей было на ярмонкѣ? и не получивъ никакого отвѣта, повторилъ мой вопросъ. — Аделина! что же ты не отвѣчаешь, когда говорятъ съ тобою? — вскричалъ Профессоръ и съ сердцемъ дернулъ ее за руку. Она вздрогнула, робко на меня посмотрѣла и въ полголоса сказала «весело.» При всемъ томъ, любезный Ф... я имѣю причины надѣяться, что она ко мнѣ равнодушна. Во время прогулки нашей, она иногда взглядывала на меня съ такимъ чувствомъ, съ такимъ выраженіемъ!.. —

«Алцестъ!» прервалъ я его «Вы чувствительны и добродѣтельны; скажите откровенно, какія, думаете вы, будетъ имѣть послѣдствія эта страсть, которая совершенно вами овладѣла?»

— Какія послѣдствія? — вскричалъ онъ съ жаромъ. — Можете ли вы ожидать иныхъ,
Соч. Погор. Т. II.

кромѣ женитьбы, если я ей понравлюсь, и если отецъ ея на то будетъ согласенъ? —

«А вашъ родитель?»

— Батюшка меня любить и не пожелаетъ моего несчастія. Союзъ съ такимъ Ангеломъ, какъ Аделина, для меня не унижителенъ, не безчестенъ. Она могла бѣ быть украшеніемъ трона! —

Я замолчалъ, зная, что противорѣчіе не произведетъ ничего добраго, а напротивъ еще больше раздражитъ пылкаго молодаго человѣка. Но, съ первою почтою, счелъ я обязанностію извѣстить обо всемъ стараго Графа.

День ото дня знакомство Алцеста съ Профессоромъ Андрони дѣлалось тѣснѣе. Я также посѣщалъ его довольно часто. Старикъ принималъ насъ ласково, но никогда не случалось намъ наслаждаться сообществомъ его дочери. Онъ всегда находилъ какой нибудь предлогъ, которымъ старался извинить ея отсутствіе: то она, по словамъ его, не совсѣмъ была здорова; то занималась необходимыми по хозяйству дѣлами, — однимъ словомъ, онъ очевидно хотѣлъ, чтобъ мы не были вмѣстѣ съ нею. Казалось, что онъ опасался, чтобъ мы не откры-

ли какой нибудь важной для него тайны. Признаюсь, мнѣ неоднократно приходило на мысль, что Андрони не отецъ Аделины, а ревнивый опекунъ, влюбленный въ свою воспитанницу.

Между тѣмъ Алцестъ ежедневно проводилъ цѣлые часы у окна и любовался Аделиною, которая, по видимому, также находила удовольствіе на него смотрѣть. Вскорѣ они завели взаимныя между собою сношенія знаками. Алцестъ увѣренъ былъ, что она къ нему неравнодушна, и любовь его еще болѣе отъ того воспламенилась. Тщетно просилъ я его не предаваться такъ слѣпо страсти своей: совѣты мои не имѣли никакого дѣйствія!

И я съ своей стороны — хотя впрочемъ совершенно съ другою цѣлію — часто наблюдалъ за Аделиною, когда она сидѣла у окна. Я не могъ не удивляться необыкновенной красотѣ ея; но при всемъ томъ, я видѣлъ въ ней нѣчто странное, нѣчто такое, чего никакъ не могъ объяснить себѣ. На ея лицѣ ниодного раза не замѣтилъ я ни выраженія восторга, ни движенія любопытства — однимъ словомъ, ни какой страсти. Такая холодная нечувствительность,

такъ сказать , отталкивала мое сердце и въ иныя минуты производила во мнѣ невольный страхъ , котораго я внутренно стыдился. Что касается до Алцеста , онъ не видалъ въ ней никакихъ недостатковъ. Онъ любилъ ее такъ горячо , что каждый взглядъ ея , каждое движеніе приводило его въ восторгъ.

Такимъ образомъ провели мы нѣсколько недѣль , и страсть Алцеста перестала быть тайною. Всѣ въ городѣ говорили о близкой женитьбѣ молодаго , богатаго Русскаго Графа на дочери Профессора Андрони , а я — съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта на письмо , отправленное мною въ Россію.

Однажды , рано по утру , пошелъ я къ Профессору , чтобъ попросить у него объясненія одной трудной Математической задачи. Въ нижнемъ этажѣ дверь была заперта и я , считая себя домашнимъ человѣкомъ , рѣшился идти вверхъ , надѣясь тамъ найти его. Въ первой комнатѣ не было никого , и я пошелъ далѣе. Вообразите жъ себѣ , какимъ былъ я объятъ ужасомъ , когда , отворивъ двери , увидѣлъ Аделину , лежавшую безъ чувствъ на диванѣ!.... Голова ея , опустившаяся съ дивана , лежала

на полу; длинные черные волосы, не связанные и ничѣмъ не придерживаемые, совершенно закрывали прекрасное лице ея. Мнѣ показалось, что въ ней нѣтъ ни малѣйшей искры жизни. Я громко закричалъ, и въ самое это мгновеніе вошелъ Андрони... «Скорѣй пошлите, — бѣгите за Докторомъ!» кричалъ я ему. «Дочь ваша умираетъ, — а можетъ быть уже...»

Андрони хладнокровно подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и отвелъ далѣе отъ дивана. — Государь мой! — сказалъ онъ; мнѣ неизвѣстны Русскія обыкновенія, но полагаю, что у васъ также, какъ у насъ въ Италіи, молодому человѣку не позволяется входить безъ спросу въ комнату молодой дѣвицы. —

Равнодушіе его меня взбѣсило. «Г. Профессоръ!» отвѣчалъ я: «насмѣшка эта вовсе не у мѣста. Удивляюсь хладнокровію вашему, при видѣ умирающей дочери.... Позвольте вамъ однако замѣтить, что близкое наше знакомство даетъ мнѣ нѣкоторое право принимать участіе въ положеніи Аделины.»

При сихъ словахъ какая-то язвительная насмѣшливость выразилась въ рѣзкихъ чертахъ Андрони. — Если участіе ваше основано на дру-

жескомъ ко мнѣ и дочери моей расположеніи—
сказалъ онъ, — то вы конечно правы. Но въ
такомъ случаѣ я долженъ вамъ объявить, что
безпокойство ваше напрасно. Дочь моя здоро-
ва; это ничего незначущій припадокъ. — Онъ
приблизился къ ней, схватилъ ее за руку и
громко назвалъ по имени. Она въ тотъ же
мигъ открыла глаза и взглянула на меня, какъ
будто ни въ чемъ не бывала!... Андрони вы-
велъ ее въ другую комнату, затворилъ дверь и
возвратился ко мнѣ. «Я надѣюсь, что вы теперь
успокоились?» сказалъ онъ, усмѣхаясь. Я былъ
въ крайнемъ замѣшательствѣ и не зналъ, что
отвѣчать. Мы раскланялись съ Профессоромъ;
онъ проводилъ меня до дверей, и мнѣ показа-
лось, что онъ заперъ за мною задвижкой. Я
невольно остановился и сталъ прислушиваться.
Все было тихо и безмолвно; потомъ услышалъ
я какой-то странный шумъ, какъ будто заво-
дятъ большіе стѣнные часы. Опасаясь нако-
нецъ, чтобъ Андрони не засталъ меня подслу-
шивающаго у дверей, я поспѣшно сошелъ съ
лѣстницы. Выходя на улицу, невольно взгля-
нулъ я вверхъ и, къ удивленію моему, уви-

дѣлъ Аделину, сидящую у окна въ полномъ блескѣ красоты и молодости!

Необыкновенная, можно сказать, чудная сцена сія сдѣлала глубокое на меня впечатлѣніе. Я рѣшился рассказать о ней Графу. Не успѣлъ я начать мое повѣствованіе, какъ вошелъ къ намъ Андрони. Я замолчалъ.

«Вы, конечно, рассказываете Графу о болѣзни моей дочери?» спросилъ онъ улыбаясь. «Г. Полковникъ» продолжалъ онъ, обратясь къ Алцесту «принимаетъ самое живое участіе въ моей дочери! Маленькій обморокъ, ничего незначущій припадокъ, которому часто бываютъ подвержены молодыя и слишкомъ чувствительныя дѣвушки, крайне испугалъ его. Хочу однако доказать вамъ, что дочь моя внѣ всякой опасности, — и я, нарочно для этого, пришелъ васъ попросить сдѣлать мнѣ честь пожаловать ко мнѣ на балъ сего дня вечеромъ.»

— На балъ? вскричали мы оба въ одинъ голосъ.

Чтобы понять, отъ чего произошло наше удивленіе, надобно замѣтить, что, кромѣ насъ, Андрони не принималъ никого въ домъ свой. Не смотря на всѣ старанія Студентовъ и дру-

гихъ молодыхъ людей, никому, кромѣ насъ, до сихъ поръ не посчастливилось увидѣть ее иначе, какъ только въ окошко; и потому, не взирая на то, что мы уже нѣкоторымъ образомъ привыкли къ странностямъ Профессора, намѣреніе его—дать балъ—изумило насъ. Андрони не могъ не замѣтить этого. «Приглашеніе мое васъ удивляетъ?» сказалъ онъ намъ. «Но я давно желалъ познакомить дочь мою съ здѣшнимъ моднымъ свѣтомъ. Пора отучать ее отъ робости, не приличной ея лѣтамъ. Прощайте; спѣшу заняться приготовленіями къ балу. Вечеромъ мы увидимся!» Пожавъ намъ руки, онъ поспѣшно удалился.

Мы остались одни. Тщетно старался я внушить Алцесту недовѣрчивость къ Андрони, и умолялъ его быть осторожнымъ. Я къ крайнему огорченію увидѣлъ, что совѣты и наставленія мои были ему непріятны. Когда рассказывалъ я ему, въ какомъ положеніи засталъ Аделину, — на лицѣ его изобразилось сильное безпокойство; но онъ ничего не находилъ необыкновеннаго ни въ поступкахъ старика, ни въ внезапномъ выздоровленіи дочери. Мысль, что онъ весь вечеръ проведетъ съ Аделиною,

совершенно овладѣла его воображеніемъ и онъ не обращалъ никакого вниманія на слова мои.

Насталъ вечеръ, столь нетерпѣливо ожидаемый Графомъ, и мы отправились въ домъ Профессора, который, въ праздничномъ бархатномъ кафтанѣ своемъ, встрѣтилъ насъ съ веселымъ видомъ. Вошедъ въ залу, я не могъ не удивиться искусству, съ какимъ успѣлъ ее убрать Андрони въ такое короткое время. Все было странно, но все прекрасно, все со вкусомъ. Глаза наши, при входѣ, не были поражены яркимъ свѣтомъ лампъ и многочисленныхъ свѣчей. Алебастровая огромная люстра, висѣвшая посреди комнаты, изливала томный свѣтъ, какъ будто происходившій отъ сіянія луны. Вдоль, по стѣнамъ, стояли померанцовыя деревья, коихъ промежутки украшены были разставленными въ фарфоровыхъ вазахъ цвѣтущими растеніями, наполнявшими воздухъ благоуханіемъ. — Казалось, что Профессоръ, для украшенія залы своей, истощилъ всѣ оранжереи Лейпцига и окрестностей. На зеленыхъ вѣтвяхъ большихъ померанцовыхъ деревьевъ, висѣли разноцвѣтныя лампы, чьихъ блескъ сливался съ сіяніемъ отъ але-

бастровой люстры, и озаренные симъ чуднымъ свѣтомъ двигающіеся по залѣ въ разныхъ направленіяхъ гости, у которыхъ на лицахъ написано было любопытство и удивленіе, придавали всему видъ чего-то волшебнаго.

Собраніе было весьма многочисленно, не смотря на то, что незапное и неожиданное приглашеніе Андрони совершенно было противно Германскому этикету. Почти ни одинъ изъ гостей не былъ знакомъ съ хозяиномъ; но никто не отказался отъ бала: всѣ любопытствовали видѣть вблизи прелестную Аделину, о которой рассказывали въ городѣ чудеса.

При входѣ въ залу, глаза Графа искали ее между Лейпцигскими красавицами, но ея тутъ не было. Профессоръ объявилъ гостямъ, что дочь его скоро будетъ, и просилъ начать танцы, не дожидаясь ея прибытія. Всѣ съ участіемъ спрашивали объ ея здоровьѣ и получили въ отвѣтъ, что она занята необходимыми дѣлами, по окончаніи которыхъ непременно явится. Въ другое время, дамы, удостоившія Профессора посѣщеніемъ своимъ, вѣроятно, обидѣлись бы тѣмъ, что хозяйка ихъ не встрѣтила; но тутъ, гдѣ все было необыкновенно,

гдѣ все носило на себѣ печать какой-то чудной странности, никто не изъявлялъ неудовольствія за такую неучтивость. Танцы начались. По тогдашнему обыкновению въ Германіи, каждый кавалеръ при открытіи бала избиралъ даму, съ которою уже танцевалъ въ продолженіе всего вечера. Алцестъ — который во весь тотъ день занимался сладостною мечтою, что Аделина будетъ его дамою — обманутый въ своей надеждѣ, съ печальнымъ видомъ сѣлъ подъ померанцовое дерево и съ разсѣянностію смотрѣлъ на веселящихся гостей.

Балъ начался менуетомъ, а за нимъ слѣдовали и другіе танцы. Въ срединѣ одного шумнаго экосеза, вдругъ отворилась дверь, и вошла въ залу Аделина.... Она одѣта была весьма богато, въ Испанскомъ вкусѣ. Малиновое бархатное платье, вышитое золотомъ, богатый кружевной воротникъ, котораго частыя складки прикрывали высокую грудь ея, драгоценные камни, украшавшіе ея волосы, давали ей видъ величественный и важный. При входѣ, она съ пріятностію поклонилась. Андрони взялъ ее за руку и повелъ къ стулу; а Алцестъ, увидѣвъ ее, въ восторгѣ своемъ не могъ удерж-

жаться отъ громкаго восклицанія. Всѣ оглянулись.... гости забыли объ экосезѣ и обступили Аделину, которая, съ примѣтною робостію вставъ съ своего стула, кланялась на всѣ стороны.

Не могу изобразить впечатлѣнія, произведеннаго ея появленіемъ во всемъ собраніи! Въ самомъ дѣлѣ, она блескомъ красоты своей помрачала всѣхъ Лейпцигскихъ красавицъ. Дамы перешептывались другъ съ другомъ; мужчины съ завистію посматривали на Алцеста, который между тѣмъ пожиралъ ее глазами. Профессоръ съ трудомъ могъ уговорить гостей окончить начатый экосезъ. Самъ онъ ни на минуту не отходилъ отъ Аделины, которая на дѣлаемые ей вопросы отвѣчала едва внятнымъ голосомъ. Андрони часто говорилъ за нее, приписывая чрезмѣрную робость ея незнанію Нѣмецкаго языка и непривычкѣ находиться въ такомъ многолюдномъ обществѣ. Что касается до меня, — мысль о ревнивомъ опекунѣ опять пришла мнѣ на умъ.... и хотя, съ одной стороны, мысль эта внушала мнѣ отвращеніе къ Андрони, но съ другой, она служила мнѣ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, пото-

му, что горячность Профессора къ Аделинѣ считалъ я оплотомъ противъ любви Графа.

Всѣ гости, не исключая меня, желали, чтобъ Аделина танцевала, и всѣ приступали къ Андрони.... Онъ съ замѣшательствомъ извинялся, говоря, что дочь его, родившаяся въ южной Европѣ и воспитанная въ уединеніи, не имѣетъ понятія о танцахъ, употребительныхъ въ Германіи. Долго просьбы наши были безуспѣшны. Наконецъ, убѣжденный нашею докучливостію, Профессоръ, передъ самымъ концемъ бала объявилъ намъ — хотя впрочемъ съ видимою досадою — что, для удовлетворенія желанія такихъ дорогихъ гостей, дочь его протанцуетъ фанданго. Испанская пляска сія въ тогдашнее время еще мало была извѣстна въ Германіи; многіе изъ гостей даже никогда не слыхивали ея названія, и любопытство собранія отъ того увеличилось. Загремѣла музыка, гости стали въ пространнѣйшій кругъ и Аделина начала пляску свою.

Неоднократно случалось мнѣ, во время пребыванія моего въ Гишпаніи, видѣть самыхъ лучшихъ танцовщицъ; но я долженъ признаться, что ни одна изъ нихъ не танцевала съ та-

кимъ искусствомъ , какъ Аделина! Прелестныя ножки ея двигались съ неимовѣрнымъ проворствомъ ; всѣ движенія тѣла были живописны. Но при всемъ томъ мнѣ показалось, что въ ней не достаетъ той живости, той непринужденности, безъ которыхъ самый искусный балетмейстеръ сходенъ съ бездушною куклою, прыгающею на пружинахъ. Нѣсколько разъ , въ продолженіе пляски, Аделина сбивалась съ такта и столь явно, что Андрони, за нужное счелъ сложить вину на музыкантовъ, приписывая это ихъ невѣденію и неискуству. Пляска кончилась при громкихъ рукоплесканіяхъ восхищенныхъ зрителей. Аделина, казалось, весьма устала; она чрезъ силу дотащилась до стула съ помощію отца, и Андрони довольно ясно далъ замѣтить гостямъ, что балъ кончился.

Стали разъѣзжаться; — мы съ Алцестомъ были въ числѣ послѣднихъ. Графъ стоялъ, какъ вкопанный, и въ безмолвномъ восторгѣ не спускалъ глазъ съ Аделины. Между тѣмъ, большая часть разноцвѣтныхъ лампъ погасла; померкнувшій свѣтъ алебастровой люстры и темная тѣнь отъ деревьевъ всѣмъ предметамъ

давали видъ не опредѣленный. Мнѣ сдѣлалось что-то грустно и вмѣстѣ страшно; я настоятельно началъ просить Графа пойти домой и съ трудомъ могъ его уговорить. Когда мы выходили изъ залы, я нечаянно оглянулся, и мнѣ показалось, будто изъ того угла, гдѣ сидѣли музыканты, вышелъ высокой мужчина въ красномъ плащѣ и въ треугольной шляпѣ... Медленными шагами прошелъ онъ чрезъ комнату и скрылся во внутренніе покои. Лицѣ его выражалось что-то звѣрское. Я не могъ не вспомнить о Вентурино... Возвратясь домой, я рассказалъ о томъ Графу; но онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить.

На другой день рано по утру разбудила меня эстафета, присланная изъ Дрездена. Корреспондентъ мой увѣдомлялъ меня, что банкиръ N. N., у котораго хранилась значительная сумма, принадлежавшая Графу, объявилъ себя банкротомъ. Присутствіе мое въ Дрезденѣ было необходимо, и я принужденнымъ нашелся немедленно послать за курьерскими лошадьми. Легко себѣ представить можно, какво мнѣ было оставить Графа въ его положеніи! Но отъ Лейпцига до Дрездена не такъ да-

леко, особливо для Русскаго. Пробѣжать верстъ полтораста, думалъ я, мнѣ не въ диковинку. Если возвращеніе мое сдѣлается нужнымъ, вѣрный Иванъ отправитъ ко мнѣ эстафету и я тотчасъ явлюсь въ Лейпцигъ. Сколько я однако ни старался утѣшить себя такими разсужденіями, — какая-то непонятная тоска стѣсняла мою грудь! Чудное появленіе Вентурино въ домъ Андрони безпрестанно приходило мнѣ на умъ. Распростившись уже съ Графомъ, я опять къ нему воротился и умолялъ его не посѣщать Профессора въ мое отсутствіе. Но онъ не слушалъ меня и не понималъ! Я съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ его.

Не буду говорить о пребываніи моемъ въ Дрезденъ. Неудовольствія, съ которыми я тамъ боролся, потеря весьма значительной суммы, все это ничего не значитъ въ сравненіи съ ужасными событіями, ожидавшими меня въ Лейпцигъ! На третій день получилъ я эстафету отъ Ивана, который умолялъ меня возвратиться къ Графу. «Баринъ мой» писалъ онъ «со времени отъѣзда вашего, былъ неразлученъ съ проклятымъ Итальянцемъ. Сего дня по утру онъ увѣдомилъ меня, что женится на

«дочери фигляра!... Онъ даже не хочетъ дождаться ни возвращенія вашего, ни родительскаго благословенія. Напрасно валялся я у ногъ его!... Поспѣшите! можетъ быть, вы успѣете предупредить несчастіе.»

Письмо это крайне меня испугало. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я не могъ опомниться, — наконецъ, какъ сумасшедшій, побѣжалъ на почтовой дворъ. Просьбы мои и въ особенности звенящій кошелекъ, придали нѣсколько живости Почтмейстеру, и не прошло еще часу, какъ я сидѣлъ уже въ дорожной коляскѣ. Но какое мученіе ожидало меня на пути! Кто не путешествовалъ по Саксоніи, кто не испыталъ надъ собою флегмы Саксонскихъ почталіоновъ, тотъ не можетъ понять моей досады, моего отчаянія!—Ни просьбы, ни обѣщанія, ни деньги, ни угрозы не въ состояніи были принудить двигаться проворнѣе почталіоновъ, которыхъ безчувственность, въ этомъ отношеніи, можетъ равняться только съ неповоротливостію тяжелыхъ лошадей, ими управляемыхъ. Какъ часто, дорогою, вспоминалъ я о любезной нашей Россіи!

Измученный напраснымъ стараніемъ хотя

немного оживить почтарей, и терзаемый ожиданіемъ несчастій, которыя представлялись моему воображенію, я дотащился наконецъ до Лейпцига. Это было поздно ввечеру. Когда въѣхалъ я въ заставу, медленное движеніе коляски показалось мнѣ еще несноснѣе; я съ нетерпѣніемъ выскочилъ и побѣжалъ по Гриммской улицѣ, оставя далеко за собою изумленнаго своего Саксонца. При входѣ въ комнату Алцеста, встрѣтилъ меня Иванъ, блѣдный, какъ полотно. — Гдѣ Графъ? спросилъ я. «Графъ сего дня ввечеру обвѣнчался и переѣхалъ къ своему тестю» отвѣчалъ онъ мнѣ дрожащимъ голосомъ... «Я хотѣлъ идти за нимъ, но меня не пустили!»...

Не спрашивая его ни о чемъ болѣе, я бросился въ домъ Андрони. Въ сѣняхъ попался мнѣ на встрѣчу высокой мужчина, котораго лицо показалось мнѣ знакомымъ. Я узналъ Вентурино. Онъ одѣтъ былъ въ черную мантию, какую обыкновенно носятъ въ Германіи духовныя особы. На головѣ у него былъ распудренный парикъ съ длинными локонами. Вентурино въ Пасторскомъ облаченіи! подумалъ я... и воображенію моему ясно предста-

вилось, что такое незаконное переряженіе должно непременно означать какой нибудь злой умыселъ, котораго цѣль однако для меня была непонятна!

Въ первой комнатѣ нашелъ я Профессора, занимающагося чтеніемъ, — и онъ, казалось, вовсе меня не замѣтилъ. «Ради Бога!» вскричалъ я. «Что вы сдѣлали съ моимъ другомъ?»

— А! это вы, Г. Полковникъ? сказалъ Андрони, обратясь ко мнѣ съ спокойнымъ видомъ. — Мы не ожидали, чтобы вы такъ скоро кончили дѣла ваши. Зять мой очень обрадуется, когда узнаетъ, что вы возвратились. —

«Зять вашъ?» отвѣчалъ я съ сердцемъ. «Неужели вы думаете, что я позволю вамъ ругаться надъ моимъ другомъ?»...

— Вы забываетесь, Г. Полковникъ! возразилъ Андрони, не теряя хладнокровія. — Говорите потише; вы можете испугать Графиню; да и Графу не очень пріятно будетъ видѣть любезнаго наставника своего въ такомъ положеніи. —

Насмѣшка его вывела меня изъ терпѣнія.

«Извергъ рода человѣческаго!» закричалъ я въ изступленіи. «Говори, что значитъ эта комедія? Зачѣмъ ты товарища своего — такового плута, какъ ты самъ — нарядилъ въ Пасторы?.. Но я разрушу ваши козни. Немедленно води меня къ Алцесту!»

Андрони очевидно смѣшался при этихъ словахъ. Онъ поблѣднѣлъ, губы у него задрожали и огненные глаза его засверкали отъ ярости... Вскорѣ однако онъ опять пришелъ въ себя. — Государь мой! произнесъ онъ, задыхаясь отъ злости: вы не имѣете права повелѣвать мною. Завтра поутру Алцестъ отмститъ за оскорбленную честь своего тестя! Но сего дня вы его не увидите. Новобрачные желаютъ быть одни. И такъ совѣтую вамъ удалиться и не забывать, что вы находитесь въ моемъ домѣ и что угрозы ваши совершенно бесполезны. —

«Завтра поутру» отвѣчалъ я, смущенный увѣрительнымъ его голосомъ: «завтра поутру я съ тобою раздѣлаюсь! Не воображай, что ты избѣгнешь заслуженнаго наказанія!» Я вышелъ изъ комнаты, хлопнулъ дверь, и услышалъ за собою пронзительный хохотъ Андрони...

Возвратясь домой, я предался размышленію. Замѣшательство Андрони ясно доказывало, что мнимый Пасторъ, встрѣтившійся со мною, былъ никто иной, какъ Вентурино. Но какія причины могли побудить Профессора къ столь незаконному поступку? Какую пользу находилъ онъ въ поруганіи собственной дочери, соединивъ ее съ Графомъ такими узами, которыя могли быть расторгнуты безъ малѣйшаго труда? Я терялся въ догадкахъ, однако твердо рѣшился на другой день поутру объявить мѣстному Начальству о преступленіи Профессора. Признаюсь, я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ помышлялъ о томъ, что Алцесту приключеніе сіе можетъ послужить урокомъ, который навсегда излѣчитъ его отъ страсти къ романтическому... Съ сими мыслями я легъ спать, хотя и предчувствовалъ, что безпокойство мое не дастъ мнѣ во всю ночь сомкнуть глазъ.

Было около полуночи, когда я услышалъ, что кто-то бѣжитъ ко мнѣ по лѣстницѣ. Немного погодя, дверь отворилась и я, къ крайнему изумленію, увидѣлъ Графа — въ халатѣ, съ растрепанными волосами!... Видъ его показывалъ человѣка, находящагося въ отчаяніи.

«Любезнѣйшій Ф * *!» вскричалъ онъ, бросившись ко мнѣ на шею. «Спасите меня... спасите отъ сумасшествія!»

— Что съ вами сдѣлалось, любезный Алцестъ? — спросилъ я, испугавшись и вскочивъ поспѣшно съ постели.

Графъ былъ въ такомъ положеніи, что почти не могъ говорить. Изъ отрывистыхъ и несвязныхъ рѣчей его, узналъ я наконецъ такое происшествіе, при воспоминаніи котораго и теперь еще у меня волосы становятся дыбомъ!

На другой день отъѣзда моего въ Дрезденъ, сильная страсть Алцеста дошла до того, что онъ рѣшился просить у Андрони руку Аделины. Старикъ, по видимому, весьма обрадовался этому предложенію; но требовалъ — по причинамъ, которыя въ послѣдствіи обѣщался объяснить — чтобы бракосочетаніе совершенно было втайнѣ. Влюбленный Алцестъ на все согласился. Ввечеру призванъ былъ Пасторъ въ домъ Андрони, и обрядъ совершенъ въ присутствіи одного отца, безъ свидѣтелей. Аделина послѣ того удалилась въ свою спальню... Чрезъ нѣсколько времени впустили туда и Алцеста. «Вы безъ труда повѣрите, любезный

Ф**» говорилъ мнѣ Графъ «что я съ восторгомъ бросился въ объятія жены моей. Мысль, что я обладаю Аделиною, что наконецъ могу назвать ее своею, приводила меня въ неизъяснимое восхищеніе. Вообразите жъ себѣ, какъ я испугался, когда осыпавъ ее поцѣлуями, замѣтилъ, что она не отвѣчаетъ на ласки мои! Она лежала, какъ будто лишенная всѣхъ чувствъ... Въ смятеніи моемъ не зналъ я, что дѣлать; вспомнивъ однако, что на уборномъ столикѣ стояла склянка съ крѣпкимъ уксусомъ, я вздумалъ потереть ей виски и грудь. Но какими словами опишу вамъ ужасъ, меня объявшій, когда отъ сильнаго натиранія вдругъ прелестная грудь моей Аделины лопнула и изъ отверстія показался... большой клочекъ хлопчатой бумаги! Самъ не помню, какъ я выбѣжалъ изъ комнаты и какъ очутился здѣсь!»

Я не зналъ, что подумать, услышавъ рассказъ Алцеста. Мнѣ вообразилось, что несчастный другъ мой лишился ума, и я всячески старался его успокоить. — Опомнитесь, любезный Графъ! — говорилъ я ему. Вамъ, вѣрно, пригрѣзился какой нибудь страшный сонъ! —

«Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ, обливаясь слезами —

«я не спалъ... Я видѣлъ ясно хлопчатую бумагу, высунувшуюся изъ груди бѣдной моей Аделины... Пойдемте, пойдемте! я докажу вамъ, что это не сонъ!»

Желая его успокоить, я поспѣшилъ одѣться и пошелъ съ нимъ. Войдя въ сѣни, Графъ отъ сильнаго волненія чувствъ пришелъ въ такую слабость, что конечно упалъ бы, если бъ я не подхватилъ его подъ руку. Онъ дрожалъ всѣми членами и я съ трудомъ взвелъ его на лѣстницу. Я самъ былъ въ ужасномъ положеніи... Сердце мое сильно билось; печальныя предчувствія тѣснились въ моей душѣ. Въ глубокомъ молчаніи прошли мы первыя комнаты, гдѣ не встрѣтили никого. Наконецъ отворилъ я спальню — и оцѣпенѣлъ, при видѣ того, что мнѣ представилось! Аделина на кровати лежала полунагая. Профессоръ сидѣлъ подлѣ нея. На горбатомъ носу его надѣты были большія очки; лѣвою рукою онъ упирался объ Аделину, а въ правой держалъ кривую иглу, которою зашивалъ ей грудь!.. Изъ одного конца прорѣхи, еще незашитой, торчала хлопчатая бумага. На обнаженномъ боку Аделины усмотрѣлъ я глубокое отверстіе, въ которое, при входѣ нашемъ,

Вентурино вложилъ длинный ключъ, какіе употребляются для заведенія большихъ стѣнныхъ часовъ. Злодѣи такъ были заняты своею работою, что не замѣтили, какъ мы вошли въ комнату.

Не успѣлъ я еще опомниться, какъ Алцестъ съ ужаснымъ крикомъ бросился на Андрони. На лицѣ его изображалась ярость... Онъ замахнулся на него тростью и, можетъ быть, убилъ бы его на мѣстѣ, если бъ Вентурино не удержалъ его руку.

Андрони пришелъ въ изступленіе отъ злости. Онъ схватилъ тяжелый молотъ, подлѣ него лежавшій, и ударилъ Аделину прямо въ голову!... Въ одно мгновеніе лице ея совершенно преобразилось! Прелестный носикъ ея сплюснулся; бѣлые жемчужные зубы посыпались изъ раздробленныхъ челюстей!... — Вотъ твоя жена! — приговаривалъ Андрони, продолжая ударять молотомъ по Аделинѣ... Отъ одного удара прекрасные голубые глаза ея выскочили изъ глазныхъ ямокъ и отлетѣли далеко въ сторону... Бѣшенство овладѣло бѣднымъ Алцестомъ.... Онъ схватилъ съ полу глаза своей Аделины и стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты, громко

смѣясь и скрежеща зубами!.... Я послѣдовалъ за нимъ. Вышедъ изъ дому, Алцестъ остановился на минуту; потомъ испустилъ жалостный вопль и вдругъ, какъ стрѣла, помчался вдоль по Гриммской улицѣ.

Я не могъ догнать его. Когда уже былъ я на улицѣ, мнѣ слышался хохотъ Вентурино, пронзительный крикъ Андрони и стукъ молота, какъ будто разбивающаго колеса въ большихъ стѣнныхъ часахъ.

Остатокъ ночи и весь слѣдующій день бродилъ я, съ вѣрнымъ Иваномъ, по Лейпцигу и тщетно искалъ Графа. Въ глубокую полночь возвратился я домой.... безъ него!—Въ окошкахъ дома занимаемаго Андрони, не было огня. Дворникъ, отворяя намъ дверь, рассказалъ мнѣ, что въ то же утро Профессоръ выѣхалъ изъ города въ открытой коляскѣ. Подлѣ него сидѣлъ высокой мужчина въ красномъ плащѣ и въ треугольной шляпѣ. За ними слѣдовало нѣсколько телѣгъ съ разною поклажею.

На другой день пришелъ ко мнѣ начальникъ городской Полиціи и объявилъ, что на берегу рѣки Эльстеръ, подлѣ самаго глубокаго мѣста, найденъ батистовый платокъ съ мѣт-

кою С. А. и два финифтяные глаза. Платокъ былъ Алцестовъ, но тѣла несчастнаго моего друга не могли отыскать.

Я поспѣшно уѣхалъ въ Россію. Въ самый день отъѣзда вошелъ въ комнату мою одинъ изъ служителей стараго Графа, отпавленный ко мнѣ курьеромъ. Подъ Варшавою разбили его лошади; онъ цѣлыя три недѣли безъ памяти пролежалъ на почтовомъ дворѣ и отъ того замедлилъ пріѣздомъ. Я распечаталъ пакетъ.—Графъ писалъ ко мнѣ:

«Умоляю васъ всѣмъ, что для васъ дорого, «любезный Ф^{**}, спѣшите исторгнуть сына моего изъ пропасти, въ которую безъ васъ онъ «неминуемо повергнется! — Если нужно, употребите силу; передаю вамъ родительскую «власть мою.—Профессоръ, о которомъ вы пишете, мнѣ слишкомъ извѣстенъ. Онъ человекъ весьма ученый и притомъ искуснѣйшій «Механикъ - вентрилокъ. Я познакомился съ «нимъ еще въ молодыхъ лѣтахъ въ Мадритѣ. «Нѣкоторый случай сдѣлалъ его непримиримымъ врагомъ моимъ, и онъ поклялся мстить «мнѣ и всему моему роду.... Ради Бога, не теряйте времени!»

Возвратясь въ отечество, я уже не засталъ въ живыхъ стараго Графа. — — —

«Почтенный Двойникъ!» сказалъ я, выслушавъ рассказъ *о пагубномъ вліяніи необузданнаго воображенія*. «Вы не хотѣли вѣрить возможности появленія Анюты, въ повѣсти, которую имѣлъ я честь вамъ прочитать; а сами рассказали мнѣ теперь совершенную небылицу. Есть ли какое нибудь въ томъ правдоподобіе, чтобъ человѣкъ влюбился въ куклу? И можно ли такъ искусно составить куклу, чтобъ она гуляла по улицамъ, плясала на балахъ, присѣдала и улыбалась.... и между тѣмъ бы никто не замѣтилъ, что она не живая?»

— Что касается до перваго вопроса вашего, отвѣчалъ Двойникъ: можетъ ли человѣкъ влюбиться въ куклу? то, мнѣ кажется, мудренаго въ этомъ ничего нѣтъ. Взгляните на свѣтъ: сколько встрѣтите вы куколъ обоего пола, которыя совершенно ничего инаго не дѣлаютъ и дѣлать не умѣютъ, какъ только гулять по улицамъ, пляшутъ на балахъ, присѣдаютъ и улыбаются. — Не смотря на то, частехонько въ нихъ влюбляются, и даже иногда предпо-

ДВОЙНИКЪ

ИЛИ

МОИ ВЕЧЕРА ВЪ МАЛОРОССІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ДВОИИИР

ИИИ

МОН ВЕЛЕНА ВЪ МАЛОРОСІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЕЧЕРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

На другой день, лишь только усѣлись мы по обыкновеннымъ мѣстамъ, Двойникъ началъ разговоръ такъ:

Я обѣщался объяснить вамъ, любезнѣйшій Антоній, почему люди, слыvuщіе въ свѣтѣ умными, часто дѣлаютъ глупости; а потомъ научить васъ, какимъ образомъ должно опредѣлять степень ума человѣческаго. Обязанность, принятая мною, не легка, почтенный другъ; и потому я долженъ просить васъ заранее, принять замѣчанія мои съ дружескою снисходительностью. Умъ человѣческій и вообще все, что только относится къ душевнымъ

способностямъ чловѣка, есть такая загадка, которую совершенно разрѣшить намъ удастся развѣ въ будущей жизни.

Всевышнему угодно было понятія наши объ отвлеченныхъ предметахъ ограничить рѣзкою чертою, чрезъ которую умнѣйшій чловѣкъ, при всемъ стараніи, при всѣхъ усиліяхъ своихъ никакъ, самъ собою, переступить не можетъ. Все, что находится за сею чертою, навсегда останется для насъ неизвѣстнымъ; и потому не ожидайте отъ меня совершенно удовлетворительнаго истолкованія и, такъ сказать, анатоміи чловѣческаго ума. Замѣчанія мои основаны на простой опытности: я смотрѣлъ на людей, наблюдалъ ихъ дѣйствія, размышлялъ о причинахъ, и всякій разъ болѣе удостовѣрялся, что каждое усиліе переступить чрезъ начертанную намъ границу, не только бесполезно, но ведетъ насъ кратчайшимъ путемъ къ заблужденію.

Въ свѣтѣ обыкновенно называютъ чловѣка умнымъ, не опредѣляя ни рода, ни степени его ума. Но слово *умъ* есть выраженіе общее, которое не представляетъ намъ никакого точнаго понятія. Умъ раздѣлить можно на боль-

шое число родовъ, совершенно между собою различныхъ, и одинъ отъ другаго не зависящихъ. Такъ, напр. остроуміе, проницательность, здравый разумъ, понятливость и проч. суть различные роды ума, изъ которыхъ человекъ можетъ обладать иными, не имѣя въ себѣ ни малѣйшаго признака другихъ. — Вы, вѣрно, встрѣчали людей, на примѣръ, очень острыхъ, но которые совершенно лишены здраваго разсудка; или напротивъ, такихъ, которые съ избыткомъ надѣлены симъ послѣднимъ, но за то не имѣютъ ни малѣйшей остроты. Иногда случается также, что качества, приобретаемыя воспитаніемъ, какъ на пр. ученость, — которая сама по себѣ не даетъ еще права на названіе умнаго человека, — въ свѣтѣ принимаются за умъ. Бываетъ и то, что такія качества, которыя назвать можно второстепенными — ибо онѣ сами собою не составляютъ еще ума, какъ на пр. хитрость — доставляютъ человеку славу умнаго потому только, что онѣ болѣе другихъ въ глаза бросаются. Начнемъ опредѣленіемъ, который родъ ума предъ прочими долженъ имѣть преимущество.

Самое короткое размышленіе удостовѣритъ васъ, что важнѣйшій, полезнѣйшій и необходимѣйшій изъ родовъ ума, есть здравый разсудокъ. Къ другимъ родамъ относится онъ, какъ алмазъ къ прочимъ драгоцѣннымъ камнямъ. Но что я говорю? — яхонтъ, изумрудъ драгоцѣнны и безъ алмаза; но острота, проницательность и всѣ другіе роды ума, безъ здраваго разсудка — ничто. Онъ есть краеугольный камень всего зданія, необходимый регуляторъ или правильникъ всѣхъ прочихъ родовъ, которые безъ него бродятъ, сами не зная, гдѣ и за чѣмъ, какъ стадо безъ пастыря. Къ несчастію, не всегда обращаютъ должное вниманіе на неоцѣненное это качество, о которомъ большая часть людей и не помышляетъ, потому, что другіе роды ума блистательнѣе. Замѣьте, любезный Антоній, что если для совершенія какого нибудь дѣла, представляются два кандидата, изъ которыхъ одинъ не ученъ, не остръ, не ловокъ, но имѣетъ здравый разсудокъ, — а другой хотя совершенно лишенъ онаго, но за то остръ, смѣтливъ, хитеръ; то на вѣрное предпочтутъ послѣдняго,

хотя первый, безъ сомнѣнія, во всякомъ случаѣ былъ бы полезенъ.

Изъ сказаннаго мною вы нѣкоторымъ образомъ сами объяснить себѣ можете, почему люди, слыvuщіе умными, дѣлаютъ непростительныя глупости. Примѣры приведутъ это еще въ большую ясность: X на пр. имѣетъ здравый разумъ, остроту и проч., но нѣтъ у него проницательности; — будьте увѣрены, что всякій хитрый глупецъ его обманетъ и доведетъ до глупости. — Y не имѣетъ недостатка въ разныхъ родахъ ума; онъ даже и не безъ проницательности, но не понятливъ и не смѣтливъ, такъ, что хотя проникаетъ людей, но не скоро; и по тому человѣкъ, имѣющій гораздо менѣе ума, можетъ заставить его сдѣлать глупость, прежде нежели успѣетъ онъ опомниться. — Наконецъ Z остеръ, понятливъ, ученъ, хитеръ, однимъ словомъ: въ глазахъ свѣта считается умнѣйшимъ человѣкомъ, но къ несчастію не имѣетъ здраваго разсудка; и потому Z всегда и на каждомъ шагу будетъ дѣлать глупости.

Обратимся къ другимъ родамъ ума. Исчислить всѣ оныя не возможно или по крайней

мѣрѣ весьма трудно ; къ тому же вы сами въ состояніи дополнить мое исчисленіе , буде пожелаете. — Главнѣйшіе, послѣ здраваго разсудка, роды ума , по мнѣнію моему, суть : проницательность , понятливость , глубокомысліе, дальновидность, ясность, смѣтливость (*le tacte*) и остроуміе (*der Scharfsinn*), котораго не должно смѣшивать съ острою (*der Wiß*). Есть еще роды ума, названные мною выше второстепенными , таковы : хитрость , острота и тому подобное. — Ко всѣмъ этимъ родамъ прибавьте еще два качества, изъ которыхъ одно природное , другое же пріобрѣтается воспитаніемъ, а именно : память и ученость , — и вы будете имѣть матеріалы, изъ соединенія коихъ въ разныхъ количествахъ составляется цѣлое, называемое въ свѣтѣ *умомъ*.

Постараемся опредѣлить яснѣе нѣкоторые изъ таковыхъ родовъ :

О здоровомъ разсудкѣ я говорилъ выше , и потому здѣсь прибавлю только, что этотъ родъ гораздо рѣже другихъ встрѣчается большими массами.

Проницательность также принадлежитъ къ рѣдкимъ дарамъ природы. Вы часто увидите

людей, не имѣющихъ недостатка въ другихъ родахъ ума и даже въ здоровомъ разсудкѣ, но безъ малѣйшей проницательности. Такой человекъ можетъ быть весьма полезнымъ во многихъ случаяхъ, но только не въ такихъ, гдѣ познаніе людей должно быть главнѣйшею потребностью.

Понятливость весьма также нужна; но не такъ часто въ свѣтѣ встрѣчается, какъ противоположныя ей качества: тупость и безтолковость.

Глубокомысліе есть тотъ родъ ума, который менѣе другихъ необходимъ въ общежитіи. — Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, особенно о предметахъ отвлеченныхъ, обойтись безъ него нельзя; но для текущихъ дѣлъ жизни онъ не столько нуженъ. — Люди глубокомысленные бываютъ обыкновенно молчаливы и задумчивы; отъ того-то происходитъ, что многіе глупцы, — которые стараются казаться задумчивыми, часто морщатъ лобъ и при томъ умѣютъ молчать, — въ свѣтѣ слывуть глубокомысленными.

Дальновидность есть способность изъ настоящаго выводить вѣрныя заключенія о буду-

щемъ , и нѣкоторымъ образомъ предвидѣть конецъ начатаго дѣла, или послѣдствія какого либо дѣйствія. Сей родъ ума встрѣчается весьма рѣдко.

Ясность есть качество , въ важныхъ дѣлахъ очень нужное , но при томъ также довольно рѣдкое. Бываютъ люди умные , которые при здоровомъ разсудкѣ , при проницательности, остроуміи и большомъ обиліи хорошихъ мыслей, вовсе не имѣютъ ясности. Голова у нихъ подобна сараю, въ которомъ безъ разбора и порядка набросаны разнообразныя и разноцвѣтныя вещи.

Смѣтливость (le tact) есть такое качество, которое объяснить всего труднѣе. На Русскомъ языкѣ нѣтъ ему даже настоящаго названія; ибо смѣтливость не совсѣмъ выражаетъ то понятіе , которое заключается во Французскомъ словѣ (le tact). Это какое то чутье или инстинктъ , вовсе не зависящій отъ прочихъ родовъ ума , однако болѣе другихъ имѣющій сродство съ здоровымъ разсудкомъ. Онъ помогаетъ намъ , на прим. изъ многихъ средствъ, ведущихъ къ одной и той же цѣли , избрать именно не только удобнѣйшее , но и прилич-

нѣйшее. Онъ научаетъ насъ избѣгать всего, въ чемъ только можемъ мы непріятнымъ образомъ столкнуться съ мнѣніями другихъ; однимъ словомъ : онъ не допускаетъ насъ ни до одного шага , который бы вредилъ достиженію предполагаемой нами цѣли , или былъ бы неприличенъ или бесполезенъ. Русскіе въ чужихъ краяхъ славятся этимъ качествомъ, какъ весьма между ими не рѣдкимъ.

Остроуміе (*der Scharfsinn*) не требуетъ большихъ объясненій.— Оно обыкновенно бываетъ сопряжено съ здравымъ разсудкомъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени ; безъ понятливости же и проницательности даже и существовать оно не можетъ. Отличительная черта его — быстрота. Остроуміе назвать можно *конемъ* прочихъ родовъ ума.

Перейдемъ теперь къ второстепеннымъ родамъ ума, кои суть : острота , хитрость и умъ гостинный (*esprit de société*).

Остротою (*Witz*) называю я способность говорить острые слова , въ каждомъ предметѣ безъ труда находить смѣшную сторону и т. п. Съ остротою часто соединена бываетъ колкость ума , а иногда порождаетъ она склон-

ность къ насмѣшливости, которая есть порокъ. Когда у васъ будутъ дѣти, любезный Антоній, не радуйте ихъ остроутѣ и не поощряйте ихъ къ оной. Часто, очень часто острога служитъ ко вреду того, кто ее имѣетъ, — и я знаю, не одного человѣка, который внутренно жалѣетъ о томъ, что онъ слишкомъ остеръ. Качество это, конечно, само по себѣ не только не вредно, но даже полезно и пріятно; но бѣда въ томъ, что переходъ отъ остроты къ колкости, и отъ колкости къ насмѣшливости такъ легко и такъ заманчивъ, что рѣдко кто отъ него удержаться можетъ.

Хитрость — слово, не требующее никакого объясненія. Я замѣчу только, что много есть людей хитрыхъ, которые при томъ очень глупы.

Гостинный умъ (*esprit de société*) также не требуетъ большихъ объясненій, хотя выраженіе это совершенно ново. Оно означаетъ способность пріятнымъ образомъ занимать компанію, особливо дамъ. По достоинству родъ сей принадлежитъ къ числу послѣднихъ, но притомъ онъ одинъ изъ полезнѣйшихъ — если не для общества, по крайней мѣрѣ для того, кто

имъ обладаетъ. Впрочемъ гостинный умъ раздѣляется на разные разряды, смотря по разнымъ гостиннымъ. — Часто случается, что человекъ, который блеситъ умомъ въ одной гостинной, совершенно глупѣетъ, переходя въ другую.

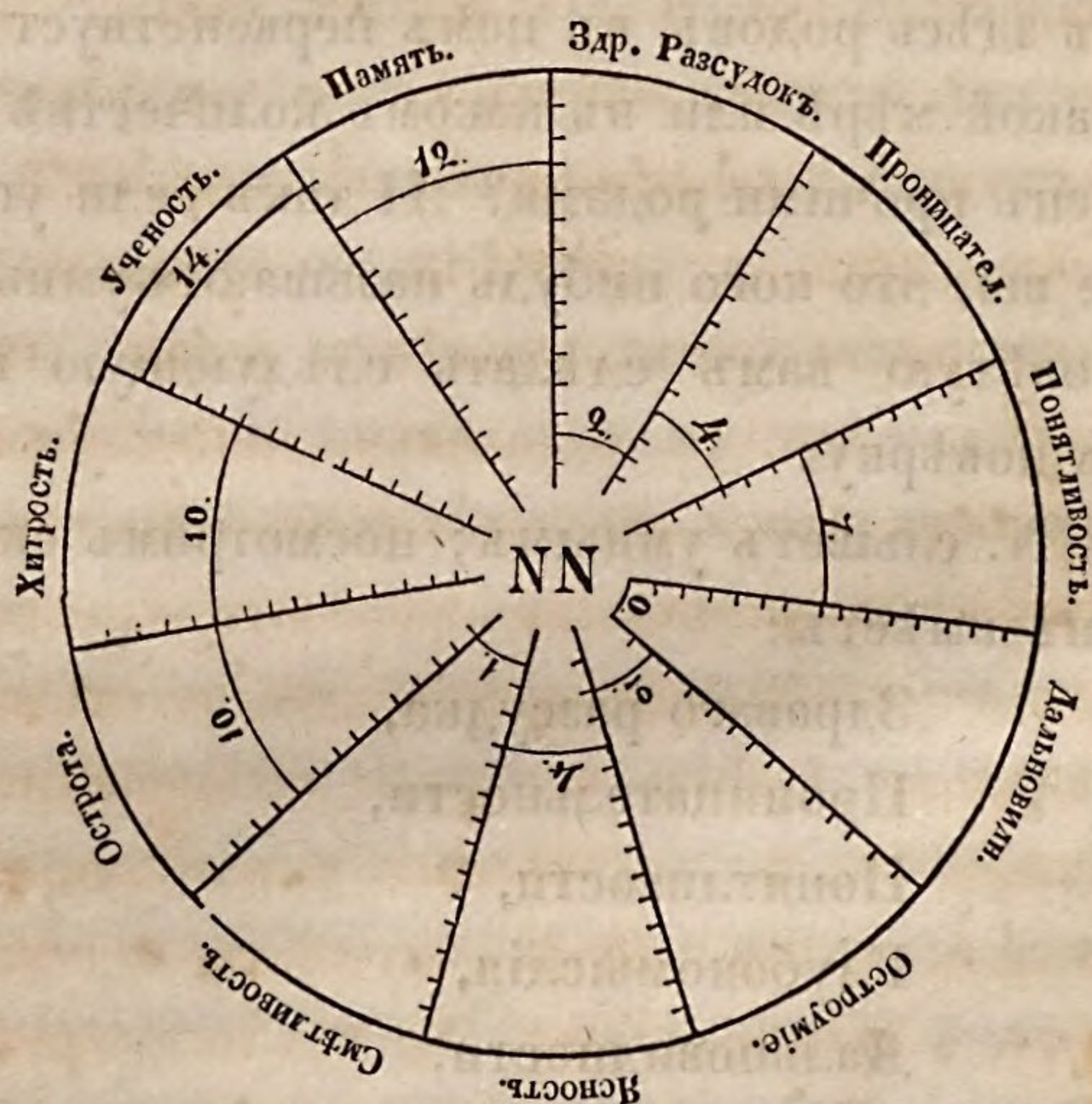
Для составленія себѣ яснаго понятія о человекѣ, слывущемъ умнымъ, надлежитъ наблюдать со вниманіемъ: который изъ описанныхъ здѣсь родовъ въ немъ первенствуетъ, и въ какой мѣрѣ или въ какомъ количествѣ онъ одаренъ прочими родами? И такъ если услышите вы, что кого нибудь называютъ умнымъ, то совѣтую вамъ сдѣлать слѣдующую надъ нимъ повѣрку:

Н. Н. слыветъ умнымъ; посмотримъ сколько онъ имѣетъ:

Здраваго разсудка,
Проницательности,
Понятливости,
Глубокомыслія,
Дальновидности,
Остроумія,
Ясности,
Смѣтливости,

Остроты,
Хитрости,
Учености,
Памяти?

Положите примѣрно, что высшая степень
каждаго рода ума будетъ 15 градусовъ, и изо-
бразите потомъ слѣдующую фигуру, въ кото-
рой легко означить можно, сколько градусовъ
имѣетъ N. N. въ каждомъ родѣ ума.

Вы видите, что по фигурѣ сей N. N. имѣетъ
здраваго разсудка 2 градуса, проницательно-

сти 4, понятливости 7, дальновидности ничего, остроумія 2, ясности 4, смѣтливости 1, остроты 10, хитрости 10, учености 14, памяти 12 градусовъ.

И такъ взглянувъ на фигуру эту, можете вы вдругъ обозрѣть, изъ чего составляется умъ N. N. — Вы видите, что онъ человѣкъ чрезвычайно ученый, и что первенствующій въ немъ родъ ума есть память, за которою слѣдуютъ острота, хитрость и такъ далѣе. Приведите всѣ роды въ порядокъ по числу градусовъ, и выйдетъ слѣдующее заключеніе: N. N. съ чрезвычайною ученостію соединяетъ необыкновенную память, имѣетъ весьма много остроты и хитрости и довольно понятливости; нѣтъ у него также недостатка въ нѣкоторомъ количествѣ проницательности и ясности; но зато остроумія и здраваго разсудка очень мало, смѣтливости и того меньше, дальновидности совсѣмъ нѣтъ, а глубокомыслія и не ищите.

Но если по сей одной фигурѣ вы вздумаете судить и о способностяхъ N. N., то вы непременно ошибетесь; постараюсь изложить вамъ яснѣе, почему?

Чтобъ составить себѣ точное понятіе о че-

ловѣкъ , относительно способностей его , принадлежитъ сверхъ опредѣленія родовъ ума, которымъ онъ одаренъ, принять еще въ соображеніе и другія свойства души, имѣющія съ умомъ тѣснѣйшую связь. Всѣ пороки и слабости человѣческія , какъ то : ненависть , злоба , подлость, мстительность, зависть , корыстолюбіе, самолюбіе , эгоизмъ , гордость , надмѣнность, тщеславіе , упрямство , легкомысліе , имѣютъ сильнѣйшее на нашъ умъ вліяніе. Весьма часто они управляютъ умомъ, вмѣсто того, чтобъ умъ управлялъ ими , и отъ этого превратнаго положенія проистекаютъ дѣйствія совсѣмъ противныя тѣмъ, какія произвелъ бы одинъ умъ безъ вліянія пороковъ или страстей. Разные роды ума человѣка , со всѣми ихъ оттѣнками, и разнаго рода пороки его со всѣми также оттѣнками, находятся въ безпрестанномъ движеніи и борьбѣ между собою. Сердце человѣческое, любезный Антоній, такой лабиринтъ, въ которомъ самый искусный наблюдатель не скоро найдетъ нить Аріадны. — И такъ если, для опредѣленія степени ума человѣческаго, необходимо имѣть не малое количество смѣтливости и проницательности; то тѣмъ болѣе

требуются оныя, при составленіи понятія о другихъ душевныхъ свойствахъ. Здѣсь надлежало бы мнѣ войти въ подробное описаніе этихъ свойствъ и опредѣлить каждое изъ нихъ, какъ выше поступилъ я съ родами ума; но это потребовало бы весьма много времени и увлекло бы меня за предѣлы дружеской бесѣды нашей. Двойникъ вашъ, любезный Антоній, не для того является вамъ, чтобы читать философскія лекціи: онъ имѣетъ цѣлью только усладить ваше уединеніе. И такъ я постараюсь, сколь можно короче, изложить мысли мои о предметѣ, раздробленіе котораго завело бы насъ слишкомъ далеко.

Я говорилъ выше, что пороки имѣютъ сильнѣйшее вліяніе на умъ человѣческій, — и вамъ, быть можетъ, показалось страннымъ, что я упомянулъ токмо о порочныхъ свойствахъ души, не сказавъ ни слова о добрыхъ ея качествахъ, какъ то: о великодушіи, твердости, рѣшительности, добродушіи, сострадательности и проч. Неоспоримо, что и добрыя качества имѣютъ тѣсную связь съ умомъ нашимъ; но я потому объ нихъ не упомянулъ, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не затмѣваютъ его и слѣд-

ственно не препятствуютъ природному его дѣйствію; пороки же и слабости, напротивъ, портятъ его и даютъ ему совершенно ложное направленіе.

Пороки человѣческіе также, какъ и роды ума, раздѣлить можно на высшіе и низшіе разряды. Къ высшему разряду принадлежатъ: зависть, злоба, самолюбіе, эгоизмъ, гордость и т. п.; къ низшему тщеславіе, легкомысліе, вѣтренность, нескромность и проч. Первые буду я называть собственно пороками, послѣдніе слабостями.—И тѣ и другія имѣютъ вредное вліяніе на нашъ умъ и потому необходимо нужно принять ихъ въ соображеніе при опредѣленіи способностей человѣка. Избѣгая всякаго подробнаго описанія, я не могу однако не коснуться, хотя мимоходомъ, нѣкоторыхъ изъ означенныхъ пороковъ, требующихъ особеннаго поясненія.

Самолюбіе, на примѣръ, и *эгоизмъ* часто смѣшиваются одинъ съ другимъ, хотя по мнѣнію моему, оба сіи порока имѣютъ свои собственныя, совершенно отличныя черты, и производятъ разныя дѣйствія, а потому должны подлежать особенному раздѣленію.

Самолюбіе имѣетъ конечно близкое сродство съ эгоизмомъ, но въ такомъ же сродствѣ находится оно и съ другими пороками, и по этому многіе не безъ причины называютъ оное корнемъ всѣхъ прочихъ пороковъ.—Здѣсь однако должно замѣтить, что подѣ словомъ: самолюбіе, не разумѣю я того чувства собственнаго достоинства, которое, не выходя изъ границъ умѣренности, ни мало не предосудительно для человѣка; — отъ такого самолюбія не изъяты люди самые скромные и добродѣтельные. Любить себя до нѣкоторой степени позволено и должно; но ставить себя выше ближняго, считать себя лучшимъ и совершеннѣйшимъ, унижая, пренебрегая и презирая другихъ безъ основанія,—вотъ самолюбіе, о которомъ я говорю!—Эгоизмъ обыкновенно соединенъ бываетъ съ большимъ количествомъ самолюбія; но послѣднее это свойство часто встрѣчается и безъ эгоизма. Я знаю людей, которые при чрезмѣрномъ самолюбіи не только не имѣютъ ни малѣйшаго эгоизма, но даже въ высшей степени одарены всѣми противоположными ему качествами. Они добры, щедры, всегда готовы, не колеблясь, жертвовать соб-

ственнымъ имѣніемъ и спокойствіемъ для блага другихъ; но при томъ внутренно величаютъ себя и терзаются завистью, когда находятъ въ другихъ высокія добродѣтели.

Эгоистъ, напротивъ того, никогда не можетъ быть ни прямо великодушнымъ, ни добрымъ, ни щедрымъ. Всѣ дѣйствія его клонятся только къ собственной его пользѣ; — все въ мірѣ относитъ онъ собственно къ себѣ. Онъ щедръ и сыплетъ деньгами, чтобъ достигнуть того, что считаетъ для себя полезнымъ или пріятнымъ; — но скупъ и жалѣетъ о копѣйкѣ, когда не предвидитъ никакой для себя пользы. Онъ въ состояніи сдѣлать добро, — но съ тѣмъ, чтобы оно не стоило ему ни труда, ни денегъ. Иногда онъ можетъ рѣшиться даже и на великодушный поступокъ; — но посмотрите на него внимательно, и вы увидите, что онъ имѣлъ при томъ цѣль, собственно къ нему относящуюся. По наружности, онъ кажется приверженнымъ къ друзьямъ своимъ; — но это потому только, что онъ имѣетъ въ нихъ нужду, или просто къ нимъ привыкъ и безъ нихъ ему скучно; доставьте ему другое, пріятнѣйшее занятіе, — онъ объ нихъ и не вспомнитъ. Скажу еще бо-

лѣе: онъ, кажется, обожаетъ жену свою и страстно любить дѣтей; но и это чувство въ немъ, такъ сказать, не безкорыстно: онъ любить ихъ для себя, а не для нихъ. Если жена его или дѣти умрутъ, онъ всячески стараться будетъ скорѣе забыть ихъ;—онъ будетъ бояться плакать, чтобъ не испортить своихъ глазъ... И притомъ, если онъ не глупъ, то будетъ умѣть скрыть холодность сердца своего подъ личиною твердости духа.

Таковое описаніе эгоиста вамъ, можетъ быть, покажется преувеличеннымъ; но вы ошибетесь, любезный Антоній! Такихъ людей на свѣтѣ болѣе, нежели вы думаете; но такъ какъ они, для собственной своей пользы, иногда бываютъ добры и ласковы, то эгоизмъ ихъ не всякому замѣтенъ.

Здѣсь долженъ я сказать также нѣсколько словъ, еще объ одномъ пороѣ, который въ свѣтѣ чаще встрѣчается, нежели какъ вы, можетъ быть, полагаете: это *зависть*. Поэты описываютъ ее въ образѣ женщины тощей и исхудалой, съ ехиднымъ взглядомъ, съ жаломъ вмѣсто языка, съ вялыми губами, съ ядоточными устами... Невидимо вкрадывается она въ

пышныя палаты вельможи и въ хижину бѣднаго, и не только засѣдаетъ иногда въ собраніяхъ ученыхъ и знатныхъ людей, но часто занимаетъ первое мѣсто въ гостиныхъ большаго свѣта. Какъ испугалась бы иная дама, когда бы у ней вдругъ открылись глаза, и она бы увидѣла, что гнусное это исчадіе повсюду ее сопровождаетъ, и въ то самое время, когда она, терзая добрую славу другихъ, въ гордомъ ослѣпленіи считаетъ себя поборницею добродѣтели, зависть стоитъ за ея плечами и шепчетъ ей на ухо...

Но порокъ этотъ, по несчастію, не всегда принимаетъ на себя видъ такой отвратительный, и потому иногда находитъ путь къ сердцу благороднѣйшихъ людей. Такъ, мой другъ! — бываютъ люди, справедливо заслуживающіе уваженіе наше по отличнымъ качествамъ ума и сердца, которые сами не замѣчаютъ, что въ ихъ сужденія о ближнемъ вмѣшивается зависть. Правда, что она, являясь въ обществѣ уважаемаго человѣка и будучи закрыта непроницаемымъ покрываломъ, рѣдко кѣмъ узнана быть можетъ; — но при всемъ томъ она по прежнему остается завистью. Возьмите въ при-

мѣръ Фрола: онъ добръ, чувствителенъ, уменъ, великодушенъ; онъ вѣрный другъ своихъ друзей и не врагъ своихъ враговъ... Казалось бы, что зависть не найдетъ мѣста въ благородномъ его сердцѣ. Увы! даже и туда она вкрасться умѣетъ. Замѣьте, что Фроль — который готовъ извинять слабости другихъ, который иногда, по излишней снисходительности, находитъ добродѣтели тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ рѣшительно, — этотъ самый Фроль, какъ скоро дѣло идетъ о людяхъ, равныхъ ему добрыми качествами, судить необыкновенно строго и даже находитъ нѣкоторое въ томъ удовольствіе, чтобы отыскивать въ нихъ недостатки!

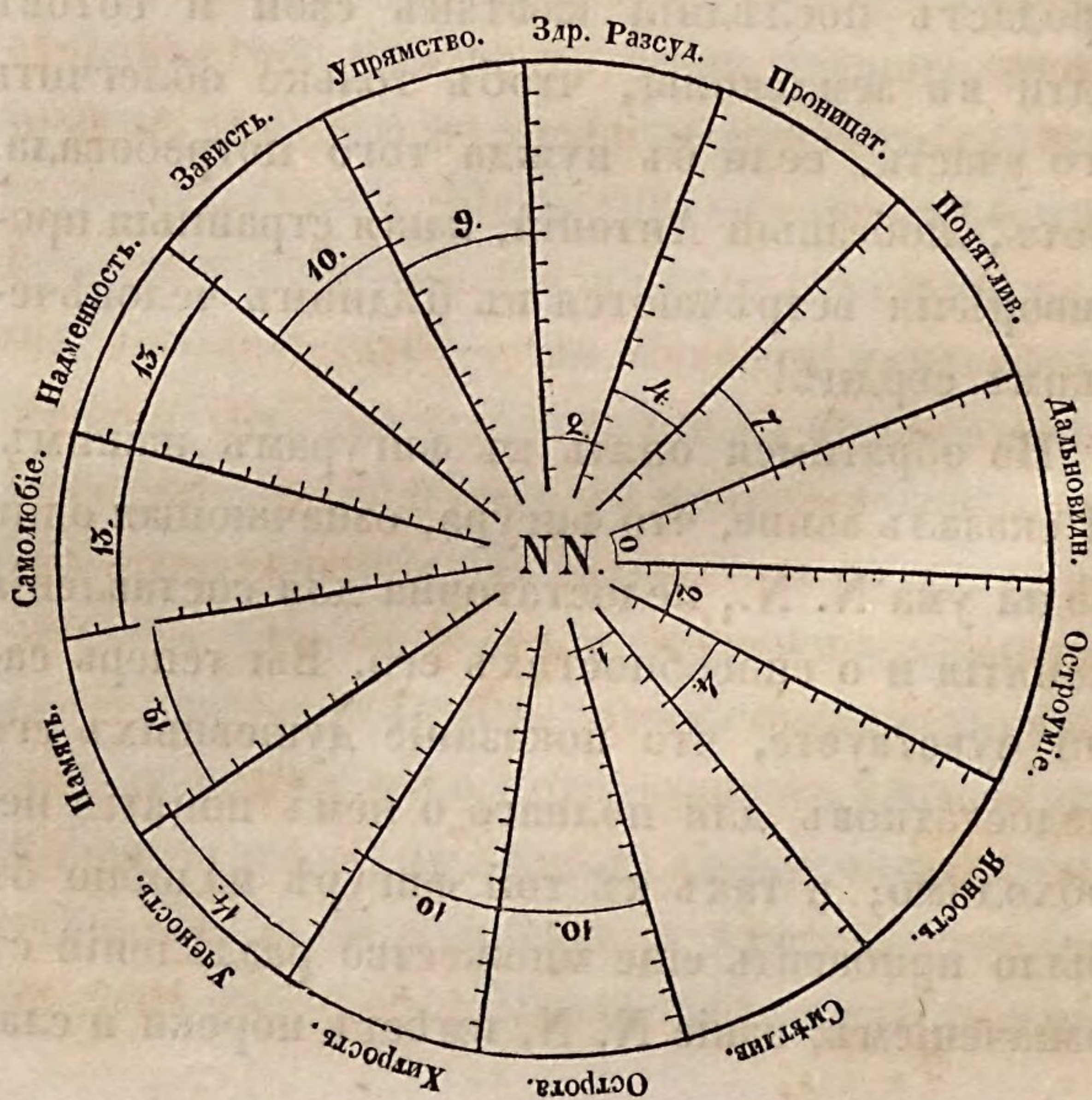
Зависть эта еще замѣтнѣе въ сужденіяхъ Фрола о людяхъ къ нему близкихъ, связанныхъ съ нимъ короткимъ знакомствомъ и дружбою; ибо онъ преимущественно въ кругу друзей и знакомыхъ желаетъ быть первымъ и не терпитъ соперничества, — и потому то очень рѣдко оспариваетъ совершенства постороннихъ лицъ. Онъ защищаетъ ихъ слабости и даже иногда ставитъ выше себя тѣхъ, которые занимаютъ гораздо низшую противъ него степень нравственнаго совершенства. Но какъ ско-

ро покажется ему, что кто нибудь, въ кругу его знакомыхъ, можетъ похитить у него первенство, которое считаетъ онъ природнымъ своимъ достояніемъ; тогда зависть, непримѣтнымъ для него самымъ образомъ, беретъ верхъ надъ добротою его сердца. Тогда не упускаетъ онъ случая обращать вниманіе на недостатки своего соперника и увеличивать ихъ, хотя бы онъ былъ самый близкій къ нему человекъ. Передъ нимъ, на пр. выхваляютъ умъ друга его; онъ на то соглашается, — но притомъ замѣчаетъ, что умъ этотъ былъ бы еще совершеннѣе, если бы не былъ затмѣваемъ такимъ-то недостаткомъ. Вы видите его не веселымъ, даже печальнымъ; спросите о причинѣ — и онъ скажетъ вамъ, что досадуетъ на друга своего за то, что сей послѣдній, не смотря на изящныя свои качества, не можетъ отстать отъ такой-то слабости. «Если бъ этотъ человекъ — говоритъ онъ съ видомъ душевнаго прискорбія — при отличныхъ способностяхъ и рѣдкихъ добродѣтеляхъ, которыми онъ такъ щедро надѣленъ природою, имѣлъ болѣе основательности, болѣе постоянства и проч., — что бы изъ него было!»... Иногда онъ, подъ видомъ

дружескаго участія, бранить друга своего въ кругу знакомыхъ за недостатки, которыхъ тотъ вовсе не имѣетъ, и просить его преодолѣть слабости, которыхъ въ немъ нѣтъ! — Такимъ образомъ, мало по малу, разрушаетъ онъ пріобрѣтенное другомъ его уваженіе и на развалинахъ онаго опять садится на первое мѣсто.... При всемъ томъ, онъ прольетъ послѣднюю каплю крови за того, кого старается унижить во мнѣніи другихъ. Онъ для спокойствія его продастъ послѣдній кафтанъ свой и готовъ идти въ землекопы, чтобъ только облегчить его участь, если бъ нужда того потребовала. Вотъ, любезный Антоній, какія странныя противорѣчія встрѣчаются въ бѣдномъ человѣчскомъ сердцѣ!

Но обратимся опять къ фигурамъ нашимъ. Я сказалъ выше, что фигура, означающая одни роды ума N. N., недостаточна для составленія понятія и о способностяхъ его. Вы теперь сами чувствуете, что показаніе душевныхъ его недостатковъ для полнаго о немъ понятія необходимо; и такъ къ той фигурѣ надобно бъ было прибавить еще множество раздѣленій съ означеніемъ, какіе N. N. имѣетъ пороки и сла-

бости и въ какой мѣрѣ. Но такъ какъ фигура вышла бы слишкомъ велика, если бы для каждаго порока сдѣлали вы особое раздѣленіе, то довольно будетъ замѣтить по крайней мѣрѣ главнѣйшіе. Положимъ, на пр. что Н. Н. особенно самолюбивъ, надмѣненъ, завистливъ и упрямъ; и такъ къ означенной фигурѣ прибавте еще четыре раздѣленія для упомянутыхъ пороковъ. Такимъ образомъ фигура, представляющая полное понятіе о Н. Н., будетъ слѣдующая:

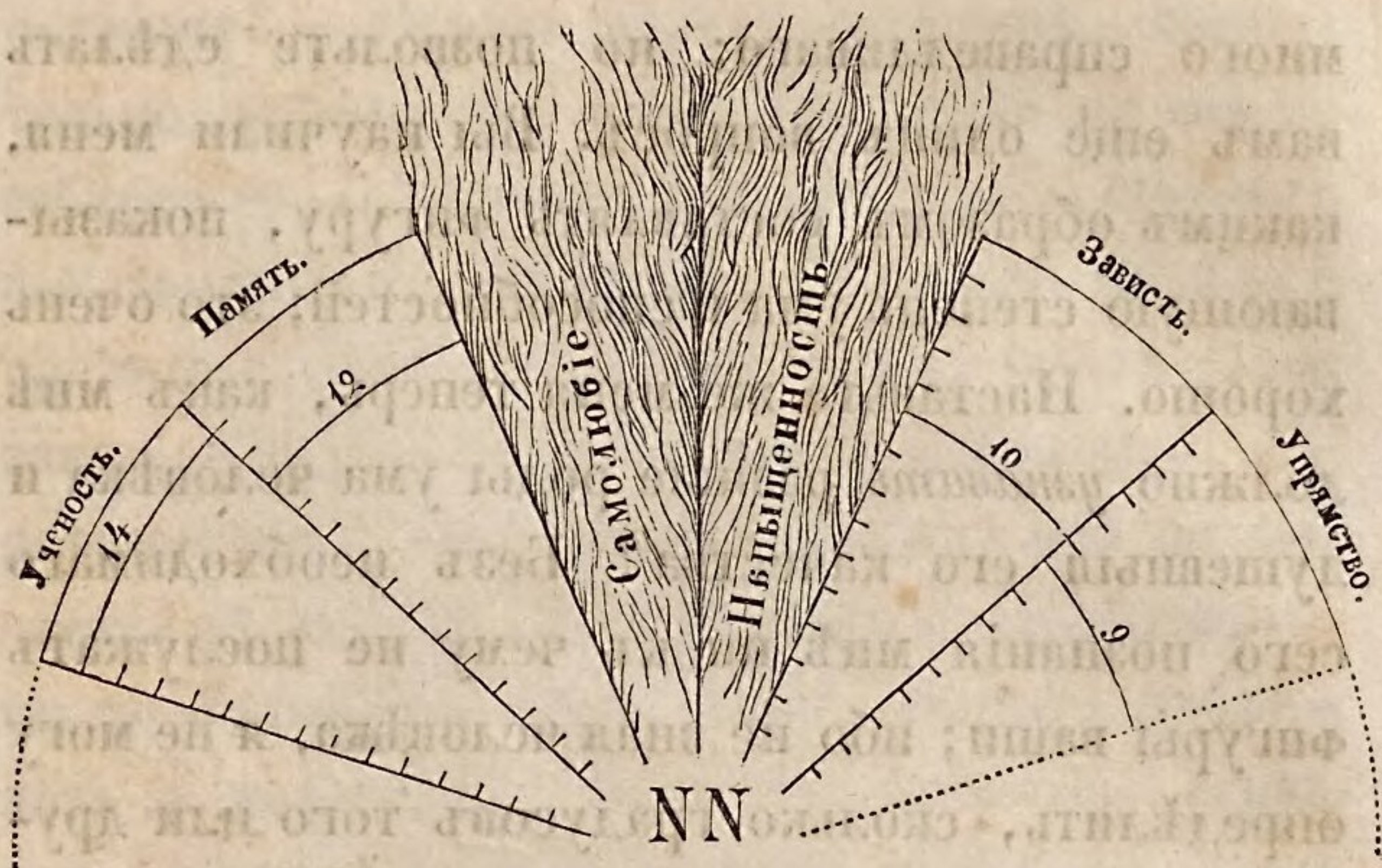

Дополненная эта фигура можетъ дать вамъ довольно ясное и точное понятіе о способностяхъ N. N. Вы увидите, что при всей хитрости и остротѣ своей, онъ часто долженъ ошибаться, по недостатку здраваго разсудка и смѣтливости. При взглядѣ на чрезмѣрное количество *самолюбія, напыщенности* и нераздѣльнаго съ ними *упрямства*, вамъ не покажется удивительнымъ, что три эти качества, составляющія въ сложности 35 градусовъ, во всѣхъ случаяхъ будутъ превозмогать здравый разсудокъ, проницательность, понятливость и смѣтливость N. N., которыхъ у него всего на все только 14 градусовъ.

Обративъ вниманіе на десять градусовъ *зависти*, вы безъ труда поймете, что порокъ этотъ, соединенный съ самолюбіемъ, надмѣнностію и упрямствомъ, могъ бы затмить несравненно большую мѣру здраваго разсудка, нежели сколько онаго имѣетъ N. N., — и вы изъ всего того выведите справедливое заключеніе, что человѣкъ, подобный N. N., не заслуживаетъ названія умнаго и никуда почти не можетъ быть употребленъ съ пользою. Не смо-

тря однако на то, онъ въ общемъ мнѣніи всегда будетъ слытъ очень умнымъ; потому что ученость, память, хитрость и острота его, должны обморочить людей невнимательныхъ и лѣнивыхъ, которые составляютъ несравненно большую часть такъ называемой публики.

Въ заключеніе сихъ замѣчаній я долженъ еще сказать вамъ, что душевные недостатки наши имѣютъ то особенное свойство, что они увеличиваются въ удивительной прогрессіи, если человѣкъ не постарается заблаговременно истреблять ихъ. Отъ того-то происходитъ, что умнѣйшіе люди, какъ на пр., Вольтеръ и другіе, гордостію и самолюбіемъ доведены были до такихъ заблужденій, въ которыхъ изобличены быть могутъ людьми самаго обыкновеннаго и простаго ума. Недостатокъ, дошедшій до такой степени, далеко превышаетъ 15 градусовъ (принятые мною за высшую степень); а потому я изображаю оный такимъ образомъ:

Вотъ, любезный Антоній, наблюденія, сдѣланныя мною надъ умомъ человѣческимъ. Онѣ, мнѣ кажется, могутъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на два вопроса: 1-й, почему люди, слыvuщіе въ свѣтѣ умными, часто дѣлаютъ глупости? и 2-й, какимъ образомъ можно опредѣлить степень ума человѣческаго? Въ исчисленіи разныхъ родовъ ума и душевныхъ недостатковъ, пропущены мною весьма многіе; но повторяю, что вы сами, смотря по обстоятельствамъ, можете оныя дополнить. —

«Отъ искренняго сердца благодарю васъ, почтенный Двойникъ, за принятый вами на себя трудъ. Въ заключеніяхъ вашихъ я нахожу

много справедливаго; но позвольте сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ. Вы научили меня, какимъ образомъ составлять фигуру, показывающую степень ума и способностей; это очень хорошо. Наставьте же меня теперь, какъ мнѣ должно *узнавать* разные роды ума человѣка и душевныя его качества? Безъ необходимаго сего познанія мнѣ ни къ чему не послужатъ фигуры ваши; ибо не зная человѣка, я не могу опредѣлить, сколько градусовъ того или другаго рода ума или порока онъ имѣетъ?»

— Эта задача, сказалъ Двойникъ, еще мудренѣе первыхъ двухъ. Трудно — очень трудно разрѣшить ее. Вы хотите научиться узнавать разные роды ума человѣка и душевныя его способности? Вообразите себѣ, любезный Антоній, открытый сверху сосудъ, въ которомъ находится множество веществъ не въ равномъ количествѣ, безпрестанно движущихся такъ, что то одинъ предметъ взберется на верхъ, то другой. Положимъ, что вы желаете знать, какія вещества заключаются въ этомъ сосудѣ и въ какомъ именно количествѣ; но что опрокинуть его, чтобъ увидѣть дно, вы не въ силахъ; — что въ такомъ случаѣ вамъ дѣлать

остается? — Стоять передъ сосудомъ, внимательно наблюдать, какіе предметы на верхъ взбираются и которые изъ нихъ чаще прочихъ показываються; наконецъ дождаться, пока всѣ предметы одни за другими явятся предъ глаза ваши, — и только тогда вы съ нѣкоторою вѣроятностію судить можете о томъ, что заключается въ сосудѣ. Почти такимъ же образомъ, но съ большимъ терпѣніемъ, должно наблюдать и человѣка... Бываютъ, конечно, люди, которые такъ проницательны и имѣютъ такое вѣрное чутье, что съ перваго почти взгляда угадываютъ, что въ сосудѣ кроется; но такіе люди рѣдки — очень рѣдки; да и они иногда ошибаются. Къ этому прибавить я долженъ еще и то, что если природа не одарила васъ достаточнымъ количествомъ здраваго разсудка, проницательности и смѣтливости; то никакими уроками невозможно научить васъ познанію людей. —

«Когда такъ, (не прогнѣвайтесь, почтенный другъ, за мою откровенность!) то, по мнѣнію моему, фигуры ваши совершенно бесполезны; ибо того, кто не одаренъ природною способностію познавать людей, онѣ научить тому не

могутъ; а тотъ, кто отъ природы получилъ сію способность, не имѣетъ въ фигурахъ никакой нужды.»

— Любезный Антоній! отвѣчалъ Двойникъ; я не виноватъ, что разрѣшеніе первыхъ двухъ вопросовъ родило третій, на который удовлетворительнаго отвѣта я дать вамъ не въ силахъ. Впрочемъ я долженъ вамъ замѣтить, что вы крайне ошибаетесь, полагая, что тотъ, кто отъ природы получилъ способность познавать людей, не имѣетъ никакой нужды въ предложенныхъ мною фигурахъ. Фигуры эти имѣютъ цѣлью привести въ надлежащій порядокъ сдѣланныя уже надъ кѣмъ нибудь наблюденія, и представляютъ легкій способъ означать, въ какой между собою мѣрѣ находятся различнаго рода умы и недостатки человѣка, намъ уже извѣстнаго. Однимъ словомъ, онѣ могутъ служить къ поясненію понятій нашихъ по сему предмету и способствовать къ тому, чтобъ съ большею легкостію и нѣкоторою вѣроятностію выводить заключеніе: какъ такой-то человѣкъ, въ такомъ-то случаѣ поступить? — Я ласкаю себя надеждою, что смотря съ этой точки на сообщенныя мною вамъ мысли и замѣчанія,

вы не найдете ихъ совершенно бесполезными. — Но оставимъ эти разговоры до другаго удобнаго случая... Теперь ваша очередь прочитать что нибудь изъ своихъ сочиненій. Впрочемъ довольно уже поздно... И такъ до будущаго свиданія. —

Тутъ мы разстались.

ВЕЧЕРЪ ПЯТЫЙ.

— Начинайте же, любезнѣйшій Антоній! —
сказалъ Двойникъ, посѣтившій меня на слѣ-
дующій вечеръ.

«Охотно, почтенный Двойникъ. Но прежде
нежели исполню я желаніе ваше, я долженъ
спросить у васъ, читаете ли вы Литтератур-
ныя Новости, издаваемые при Русскомъ Инва-
лидѣ?»

— Нѣтъ! Признаюсь, я такъ занятъ, что
недостаетъ у меня на то времени. —

«Въ такомъ случаѣ безъ зазрѣнія совѣсти
прочту вамъ повѣсть моего сочиненія, напеча-
танную нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ упо-
мянутыхъ Новостяхъ :

ЛАФЕРТОВСКАЯ МАКОВНИЦА.

Лѣтъ за пятнадцать предъ сожженіемъ Москвы, недалеко отъ Проломной заставы, стоялъ небольшой деревянный домикъ, съ пятью окошками въ главномъ фасадѣ и съ небольшою надъ среднимъ окномъ свѣтлицею. Посреди маленькаго дворика, окруженнаго ветхимъ заборомъ, видѣнъ былъ колодезь. — Въ двухъ углахъ стояли полуразвалившіеся анбары, изъ которыхъ одинъ служилъ пристанищемъ нѣсколькимъ Индѣйскимъ и Русскимъ курамъ, въ мирномъ согласіи раздѣлявшимъ укрѣпленную поперегъ анбара вѣху. Передъ домомъ изъ за низкаго палисадника поднимались двѣ или три рябины и, казалось, съ пренебреженіемъ смотрѣли на кусты черной смородины и малины, растущіе у ногъ ихъ. Подлѣ самага крыльца выкопанъ былъ въ землѣ небольшой погребъ, для храненія съѣстныхъ припасовъ.

Въ сей-то убогій домикъ переѣхалъ жить отставной почталіонъ Онуфричъ съ женою Ивановною и съ дочерью Марьею. — Онуфричъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцать прослужилъ въ полѣ и дослужился до

ефрейторскаго чина; потомъ столько же лѣтъ вѣрою и правдою продолжалъ службу въ Московскомъ Почтамтѣ; никогда, или, по крайней мѣрѣ, ни за какую вину не бывалъ штрафованъ, и наконецъ вышелъ въ чистую отставку и на инвалидное содержаніе. Домъ былъ его собственный, доставшійся ему по наслѣдству отъ недавно скончавшейся престарѣлой его тетки. Сія старушка, при жизни своей, во всей Лафертовской части извѣстна была подъ названіемъ *Лафертовской Маковницы*; ибо промыслъ ея состоялъ въ продажѣ медовыхъ маковыхъ лепешекъ, которыя умѣла она печь съ особеннымъ искусствомъ. Каждый день, какая бы ни была погода, старушка выходила рано поутру изъ своего домика и направляла путь къ Проломной заставѣ, имѣя на головѣ корзинку, наполненную маковниками. — Прибывъ къ заставѣ, она разстилала чистое полотенце, перевортывала вверхъ дномъ корзинку и въ правильномъ порядкѣ раскладывала свои маковники. Такимъ образомъ сидѣла она до вечера, не предлагая никому своего товара и продавая оный въ глубокомъ молчаніи. Лишь только начинало смеркаться, старушка собирала лепеш-

ки свои въ корзинку и отправлялась медленными шагами домой. Солдаты, стоящіе на караулѣ, любили ее; ибо она иногда подчивала ихъ безденежно сладкими маковниками.

Но этотъ промыслъ старушки служилъ только личиною, прикрывавшею совсѣмъ иное ремесло. Въ глубокой вечеръ, когда въ прочихъ частяхъ города начинали зажигать фонари, а въ окрестностяхъ ея дома разстилалась ночная темнота, люди разнаго званія и состоянія робко приближались къ хижинѣ, и тихо стучались въ калитку. Большая цѣпная собака, Султанъ, громкимъ лаемъ провозглашала чужихъ. Старушка отворяла дверь, длинными костяными пальцами брала за руку посѣтителя и вводила его въ низкія хоромы. Тамъ, при мелькающемъ свѣтѣ лампы, на шаткомъ дубовомъ столѣ лежала колода картъ, на которыхъ, отъ частаго употребленія, едва можно было различить бубны отъ червей; на лежанкѣ стоялъ кофейникъ изъ красной мѣди, а на стѣнѣ висѣло рѣшето. Старушка, предварительно принявъ отъ гостя добровольное подаяніе — смотря по обстоятельствамъ — бралась за карты, или прибѣгала къ кофейнику и къ рѣшету. Изъ

краснорѣчивыхъ ея устъ изливались рѣкою пророчества о будущихъ благахъ, — и упоенные сладкою надеждою посѣтители, при выходѣ изъ дома нерѣдко вознаграждали ее вдвое болѣе, нежели при входѣ.

Такимъ образомъ жизнь ея протекала покойно въ мирныхъ сихъ занятіяхъ. Правда, что завистливые сосѣди называли ее за глаза колдуньею и вѣдьмою; но за то въ глаза ей низко кланялись, умильно улыбались и величали бабушкою. Такое къ ней уваженіе отчасти произошло отъ того, что когда-то одинъ изъ сосѣдей вздумалъ донести Полиціи, будто бы Лафертовская Маковница занимается непозволительнымъ гаданіемъ въ карты и на кофе, и даже знается съ подозрительными людьми! На другой же день явился Полицейской, вошелъ въ домъ, долго занимался строгимъ обыскомъ и наконецъ при выходѣ объявилъ, что онъ не нашелъ ничего. Неизвѣстно, какія средства употребила почтенная старушка въ доказательство своей невинности; да и не въ томъ дѣло! — Довольно того, что доносъ найденъ былъ неосновательнымъ. — Казалось, что сама судьба вступилась за бѣд-

ную Маковницу; ибо скоро послѣ того, сынъ донощика, рѣзвый мальчикъ, бѣгая по двору, упалъ на гвоздь и выкололъ себѣ глазъ; потомъ жена его нечаянно поскользнулась и вывихнула ногу; наконецъ, въ довершеніе всѣхъ несчастій, лучшая корова ихъ не будучи прежде ни чѣмъ больна, вдругъ пала. Отчаянный сосѣдъ на силу умиловилъ старушку слезами и подарками, — и съ того времени все сосѣдство обходилось съ нею съ должнымъ уваженіемъ. Тѣ только, которые, перемѣняя квартиру, переселялись далеко отъ Лафертовской части, какъ на примѣръ: на Прѣсненскіе пруды, въ Хамовники или на Пятницкую, — тѣ только осмѣливались громко называть Маковницу вѣдьмою. Они увѣряли, что сами видали, какъ въ темныя ночи налеталъ на домъ старухи большой воронъ, съ яркими, какъ раскаленный уголь, глазами; — иные даже божились, что любимый черный котъ, каждое утро провожающій старуху до воротъ и каждый вечеръ ее встрѣчающій, не кто иной, какъ самъ нечистый духъ.

Слухи эти наконецъ дошли и до Онуфрича, который, по должности своей, имѣлъ свобод-

ный доступъ въ переднія многихъ домовъ. Онуфричъ былъ человѣкъ набожный, и мысль, — что родная тетка его свела короткое знакомство съ нечистымъ — сильно потревожила его душу. Долго не зналъ онъ, на что рѣшиться. «Ивановна!» сказалъ онъ наконецъ въ одинъ вечеръ, подымая ногу и вступая на смиренное ложе, — «Ивановна, дѣло рѣшено! Завтра поутру пойду къ теткѣ и постараюсь уговорить ее, чтобъ она бросила проклятое ремесло свое. Вотъ она уже, слава Богу, добивается девятой десятокъ; а въ такія лѣта пора принести покаяніе, — пора и о душѣ подумать!»

Это намѣреніе Онуфрича крайне не понравилось женѣ его. — Лафертовскую Маковницу всѣ считали богатою, и Онуфричъ былъ единственный ея наслѣдникъ. «Голубчикъ!» отвѣчала она ему, поглаживая его по наморщенному лбу: «сдѣлай милость, не мѣшайся въ чужія дѣла. У насъ и своихъ заботъ довольно: вотъ уже теперь и Маша подрастаетъ; придетъ пора выдать ее замужъ, а гдѣ намъ взять жениховъ безъ приданаго? Ты знаешь, что тетка твоя любитъ дочь нашу; она ей

крестная мать, и когда дѣло дойдетъ до свадьбы, то не отъ кого инаго, кромѣ ея, ожидать намъ милостей. И такъ, если ты жалѣешь Машу, если любишь меня хоть немножко; то оставь добрую старушку въ покоѣ. Ты знаешь, душенька.»... Ивановна хотѣла продолжать, какъ замѣтила, что Онуфричъ храпитъ. — Она печально на него взглянула, вспомнивъ, что въ прежніе годы онъ не такъ хладнокровно слушалъ ея рѣчи; — отвернувшись въ другую сторону и вскорѣ сама захрапѣла.

На другое утро, когда еще Ивановна покоилась въ объятіяхъ глубокаго сна, Онуфричъ тихонько поднялся съ постели, смиренно помолился Иконѣ Николая Чудотворца, — вытеръ суконкою блистающаго на картузѣ орла и почталіонской свой знакъ, и надѣлъ мундиръ. Потомъ подкрѣпивъ сердце большою рюмкою ерофеича, вышелъ въ сѣни. Тамъ прицѣпилъ онъ тяжелую саблю свою, — еще разъ перекрестился и отправился къ Проломной заставѣ.

Сарушка приняла его ласково. «Эй, эй! племянничекъ,» сказала она ему: «какая напасть выгнала тебя такъ рано изъ дому, — да

еще въ такую даль! Ну, ну, добро пожаловать; просимъ садиться.»

Онуфричь сѣлъ подлѣ нее на скамью, закашлялъ и не зналъ, съ чего начать. Въ эту минуту дряхлая старушка показалась ему страшнѣе, нежели — лѣтъ тридцать тому назадъ — Турецкая батарея. Наконецъ, онъ вдругъ собрался съ духомъ. «Тетушка!» сказалъ онъ ей твердымъ голосомъ: «я пришелъ поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.» —

— Говори, мой милой, отвѣчала старушка; а я послушаю. —

«Тетушка! не долго уже вамъ остается жить на свѣтѣ; — пора покаяться, — пора отказаться отъ сатаны и отъ навожденій его.»

Старушка не дала ему продолжать. Губы ея посинѣли, глаза налились кровью, носъ громко началъ стучаться объ бороду. «Вонъ изъ моего дому!» — закричала она задыхающимся отъ злости голосомъ. «Вонъ, окаennyй!.. и чтобъ проклятыя ноги твои навсегда подкосились, когда опять ты ступишь на порогъ мой!» Она подняла сухую руку... Онуфричь перепугался до полусмерти; прежняя, давно потерянная, гибкость вдругъ возврати-

лась въ его ноги: онъ однимъ махомъ соскочилъ съ лѣстницы и добѣжалъ до дому, ни разу не оглянувшись.

Съ того времени всѣ связи между старушкою и семействомъ Онуфрича совершенно прервались. Такимъ образомъ прошло нѣсколь-ко лѣтъ. Маша пришла въ совершенный возрастъ, и была прекрасна, какъ Майскій день; молодые люди за нею бѣгали; старики, глядя на нее, жалѣли о прошедшей своей молодости. Но Маша была бѣдна, — и женихи не являлись. Ивановна чаще стала вспоминать о старой теткѣ, и никакъ не могла утѣшиться. «Отецъ твой» — часто говаривала она Марьѣ — «тогда ряхнулся въ умъ! Чего ему было соваться туда, гдѣ его не спрашивали? — Теперь сидѣть тебѣ въ дѣвкахъ!»

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Ивановна была молода и хороша, она бы не отчаялась уговорить Онуфрича, чтобъ онъ попросилъ прощенія у тетушки и съ нею примирился; но съ тѣхъ поръ, какъ розы на ея ланитахъ стали уступать мѣсто морщинамъ, Онуфричъ вспомнилъ, что мужъ есть глава жены своей, — и бѣдная Ивановна, съ горестью

принуждена была отказаться отъ прежней власти. Онуфричъ не только самъ никогда не говорилъ о старушкѣ, но строго запретилъ жене и дочери упоминать о ней. Не смотря на то, Ивановна вознамѣрилась сблизиться съ теткою. Не смѣя дѣйствовать явно, она рѣшилась тайно отъ мужа побывать у старушки и увѣрить ее, что ни она, ни дочь нимало непричастны дурачеству ея племянника.

Наконецъ, случай поблагопріятствовалъ ея намѣренію: Онуфрича на время откомандировали на мѣсто заболѣвшаго станціоннаго Смотрителя, и Ивановна съ трудомъ, при прощаньи, могла скрыть радость свою. Не успѣла она проводить дорогаго мужа за заставу, не успѣла еще отереть глазъ отъ слезъ, какъ схватила дочь свою подъ руку и поспѣшила съ нею домой. — «Машинька!» сказала она ей: «скорѣй одѣнься получше; мы пойдемъ въ гости.» — Къ кому, матушка? — спросила Маша съ удивленіемъ. «Къ добрымъ людямъ» отвѣчала мать. «Скорѣй, скорѣй, Машинька; не теряй времени; — теперь уже смеркается, а намъ идти далеко.»

Маша подошла къ висящему на стѣнѣ въ

бумажной рамкѣ зеркала, — гладко зачесала волосы за уши и утвердила длинную темно-русую косу роговою гребенкою; — потомъ надѣла красное ситцевое платье и шелковый платочекъ на шею; — еще раза два повернулась передъ зеркаломъ — и объявила матушкѣ, что она готова.

Дорогою Ивановна открыла дочери, что онѣ идутъ къ теткѣ. «Пока дойдемъ мы до ея дома» — сказала она — «сдѣлается темно и мы вѣрно ее застанемъ. Смотри же, Маша, поцѣлуй у тетки ручку и скажи, что ты соскучилась, давно не видавъ ее. Она сначала будетъ сердиться; но я ее умилоствлю; вѣдь не мы виноваты, что мой старикъ спятилъ съ ума.»

Въ сихъ разговорахъ, онѣ приблизились къ дому старушки. Сквозь закрытыя ставни сверкалъ огонь. «Смотри же, не забудь поцѣловать ручку» — повторила еще Ивановна, подходя къ двери. Султанъ громко залаялъ. Калитка отворилась, старушка протянула руку и ввела ихъ въ комнату. Она приняла ихъ за обыкновенныхъ вечернихъ гостей своихъ. — Милостивая Государыня тетупка началарѣчь Ивановна...! —

«Убирайтесь къ ч...!» закричала старуха, узнавъ племянницу. «За чѣмъ вы сюда пришли? Я васъ не знаю и знать не хочу.» — Ивановна начала рассказывать, бранить мужа и просить прощенья; но старуха была неумолима. — «Говорю вамъ, убирайтесь!» кричала она; — «а не то!...» Она подняла на нихъ руку.

Маша испугалась, вспомнила приказаніе матушки и, громко рыдая, бросилась цѣловать ея руки. — Бабушка сударыня! — говорила она — не гнѣвайтесь на меня; я такъ рада, что опять васъ увидѣла! —

Слезы Машины наконецъ тронули старуху. «Перестань плакать» — сказала она — «я на тебя не сердита: знаю, что ты ни въ чемъ не виновата, мое дитятко! Не плачь же, Машинька! Какъ ты выросла, какъ похорошѣла!» Она потрепала ее по щекѣ. «Садись подлѣ меня» — продолжала она: «милости просимъ садиться, Марѳа Ивановна! Какимъ образомъ вы обо мнѣ вспомнили послѣ столь долгаго времени?»

Ивановна обрадовалась этому вопросу и начала рассказывать: какъ она уговаривала мужа, — какъ онъ ее не послушался, — какъ за-

претилъ имъ ходить къ тетушкѣ, — какъ онѣ огорчались, — и какъ наконецъ она воспользовалась отсутствіемъ Онуфрича, чтобъ засвидѣтельствовать тетушкѣ низжайшее почтеніе. — Старушка съ нетерпѣніемъ выслушала рассказы Ивановны. «Быть такъ» сказала она ей: «я не злопамятна; но если вы искренно желаете, чтобъ я забыла прошедшее, то обѣщайтесь, что во всемъ будете слѣдовать моей волѣ! Съ этимъ условіемъ я приму васъ опять въ свою милость и сдѣлаю Машу счастливою.» — Ивановна поклялась, что всѣ ея приказанія будутъ свято исполнены. — «Хорошо» молвила старуха: «теперь идите съ Богомъ; а завтра ввечеру пускай Маша придетъ ко мнѣ одна, не ранѣе однако половины двѣнадцатаго часа. Слышишь ли, Маша? Приходи одна.» Ивановна хотѣла было отвѣчать, но старуха не дала ей выговорить ни слова. Она встала, выпроводила ихъ изъ дому и хлопнула за ними дверь.

Ночь была темная. — Долго шли онѣ взявшись за руки, не говоря ни слова. Наконецъ, подходя уже къ зажженнымъ фонарямъ, Маша робко оглянулась и прервала молчаніе. «Матушка! — сказала она въ полголоса — «неуже-

ли я завтра пойду одна къ бабушкѣ, ночью и въ двѣнадцатомъ часу?...»

— Ты слышала, что приказано тебѣ придти одной. Впрочемъ, я могу проводить тебя до половины дороги. —

Маша замолчала и предалась размышленіямъ. — Въ то время, когда отецъ ея поссорился съ своей теткой, Машѣ было не болѣе тринадцати лѣтъ; она тогда не понимала причины этой ссоры, и только жалѣла, что ее болѣе не водили къ доброй старушкѣ, которая всегда ее ласкала и подчивала медовымъ макомъ. Послѣ того, хотя и пришла уже она въ совершенный возрастъ, но Онуфричъ никогда не говорилъ ни слова объ этомъ предметѣ; а мать всегда отзывалась о старушкѣ съ хорошей стороны и всю вину слагала на Онуфрича. Такимъ образомъ Маша, въ тотъ вечеръ, съ удовольствіемъ послѣдовала за матерью. Но когда старуха приняла ихъ съ бранью; когда Маша, при дрожащемъ свѣтѣ лампы, взглянула на посинѣвшее отъ злости лице ея; — тогда сердце въ ней содрогнулось отъ страха. Въ продолженіе длиннаго разсказа Ивановны, воображенію ея представилось, какъ будто въ густомъ туманѣ, все

то, что въ дѣтствѣ своемъ она слышала о бабушкѣ... и если бъ въ это время старуха не держала ее за руку, то, можетъ быть, она бросилась бы бѣжать изъ дому. — И такъ можно вообразить, съ какимъ чувствомъ она помышляла о завтрашнемъ днѣ.

Возвратясь домой, Маша со слезами просила мать, чтобъ она не посылала ее къ бабушкѣ; но просьбы ея были тщетны. «Какая же ты дура» — говорила ей Ивановна; — «чего тутъ бояться? Я тихонько провожу тебя почти до дому, дорогой тебя никто не тронетъ, а беззубая бабушка тоже тебя не съѣстъ!»

Слѣдующій день Маша весь проплакала. Начало смеркаться — и ужасъ ея увеличился; но Ивановна какъ-будто ничего не примѣчала, — она почти насильно ее нарядила. «Чѣмъ болѣе ты будешь плакать, тѣмъ для тебя хуже» сказала она. «Что-то скажетъ бабушка, когда увидитъ красные твои глаза!» Между тѣмъ кукушка на стѣнныхъ часахъ прокричала одиннадцать разъ. Ивановна набрала въ ротъ холодной воды, брызнула Машѣ въ лицо и потащила ее за собою.

Маша слѣдовала за матерью, какъ жертва,

которую ведутъ на закланіе. Сердце ея громко билось, ноги черезъ силу двигались, и такимъ образомъ онѣ прибыли въ Лафертовскую часть. — Еще нѣсколько минутъ шли онѣ вмѣстѣ; но лишь только Ивановна увидѣла мелькающій вдали между ставней огонь, какъ пустила руку Машину. — «Теперь иди одна» — сказала она: «далѣе я не смѣю тебя провожать.» Маша, въ отчаяньѣ, бросилась къ ней въ ноги. «Полно дурачиться!» вскричала мать строгимъ голосомъ. «Что тебѣ сдѣлается? будь послушна и не вводи меня въ сердце!» Бѣдная Маша собрала послѣднія силы и тихими шагами удалилась отъ матери. Тогда былъ въ исходѣ двѣнадцатый часъ; никто съ нею не повстрѣчался, и нигдѣ, кромѣ старушкина дома, не видно было огня. Казалось, будто вымерли всѣ жители той части города; — мрачная тишина царствовала повсюду; — одинъ только глухой шумъ отъ собственныхъ ея шаговъ отзывался у нея въ ушахъ. Наконецъ пришла она къ домику, и трепещущею рукою дотронулась до калитки... Вдали, на колокольнѣ Никиты Мученика, ударило двѣнадцать часовъ. Звуки колокола, въ тишинѣ черной ночи, дрожащимъ гуломъ

разстилались по воздуху и доходили до ея слуха. — Внутри домика котъ громко промяукалъ двѣнадцать разъ... Она сильно вздрогнула и хотѣла бѣжать... но вдругъ раздался громкій лай цѣпной собаки, заскрипѣла калитка — и длинные пальцы старухи схватили ее за руку. Маша не помнила, какъ вошла на крылечко и какъ очутилась въ бабушкиной комнатѣ... Пришедъ немного въ себя, она увидѣла, что сидитъ на скамьѣ; передъ ней стояла старуха и терла виски ея муравьинымъ спиртомъ. «Какъ ты напугана, моя голубка!» говорила она ей. — «Ну, ну! темнота на дворѣ самая прекрасная; но ты мое дитяtko еще не узнала ея цѣны и потому боишься. Отдохни не много; пора намъ приняться за дѣло!»

Маша не отвѣчала ни слова; утомленные отъ слезъ глаза ея слѣдовали за всѣми движеніями бабушки. — Старуха подвинула столъ на средину комнаты, изъ стѣннаго шкафа вынула большую темно-алую свѣчку, зажгла ее и прикрѣпила къ столу, а лампаду потушила. Комната освѣтилась розовымъ свѣтомъ. Все пространство отъ полу до потолка какъ будто наполнилось длинными нитками кроваваго цвѣта,

которыя тянулись по воздуху въ разныхъ направленіяхъ — то свертывались въ клубъ, то опять развивались, какъ змѣи... «Прекрасно!» сказала старушка — и взяла Машу за руку. «Теперь иди за мною.» Маша дрожала всѣми членами; — она боялась идти за бабушкой, но еще болѣе боялась ее разсердить. Съ трудомъ поднялась она на ноги. «Держись крѣпко за полы мои» — прибавила старуха — «и слѣдуй за мной... не бойся ничего!»

Старуха начала ходить кругомъ стола и протяжнымъ напѣвомъ произносила непонятныя слова; — передъ нею плавно выступалъ черный котъ, съ сверкающими глазами и съ поднятымъ вверхъ хвостомъ. Маша крѣпко зажмурилась и трепещущими шагами шла за бабушкой. Трижды три раза старуха обошла во кругъ стола, продолжая таинственный напѣвъ свой, сопровождаемый мурлыканьемъ кота. — Вдругъ она остановилась и замолчала... Маша невольно раскрыла глаза — тѣ же кровавыя нитки все еще растягивались по воздуху. Но бросивъ нечаянно взглядъ на черного кота, она увидѣла, что на немъ зеленый мундирный сертукъ; а на мѣсто прежней котовой круглой головки

показалось ей человѣческое лицо, которое вытараща глаза, устремляло взоры прямо на нее... Она громко закричала и безъ чувствъ упала на землю...

Когда она опомнилась, дубовый столъ стоялъ на старомъ мѣстѣ, темно-алой свѣчки уже не было и на столѣ по прежнему горѣла лампада; бабушка сидѣла подлѣ нея и смотрѣла ей въ глаза, усмѣхаясь съ веселымъ видомъ. «Какая же ты, Маша, трусиха!» говорила она ей. «Но до того нужды нѣтъ; я и безъ тебя кончила дѣло. Поздравляю тебя, родная, — поздравляю тебя съ женихомъ! Онъ человѣкъ очень мнѣ знакомый и долженъ тебѣ нравиться. — Маша, я чувствую, что не долго мнѣ осталось жить на бѣломъ свѣтѣ; кровь моя уже слишкомъ медленно течетъ по жиламъ и временемъ сердце останавливается... Мой вѣрный другъ» — продолжала старуха, взглянувъ на кота — «давно уже зоветъ меня туда, гдѣ остывшая кровь моя опять согрѣется. — Хотѣлось бы мнѣ еще немного пожить подъ свѣтлымъ солнышкомъ, хотѣлось бы еще полюбоваться золотыми денежками... но послѣдній часъ мой

скоро стукнетъ. Что жъ дѣлать? чему быть, тому не миновать».

«Ты, моя Маша» продолжала она, вялыми губами поцѣловавъ ее въ лобъ — «ты послѣ меня обладать будешь моими сокровищами; тебя я всегда любила и охотно уступаю тебѣ мѣсто! Но выслушай меня со вниманіемъ: придетъ женихъ, назначенный тебѣ тою силою, которая управляетъ большею частію браковъ... — Я для тебя выпросила этого жениха; — будь послушна и выдь за него. Онъ научитъ тебя той наукѣ, которая помогла мнѣ накопить себѣ кладъ; общими вашими силами онъ наростетъ еще вдвое, — и прахъ мой будетъ покоенъ. Вотъ тебѣ ключъ; береги его пуще глаза своего. Мнѣ не позволено сказать тебѣ, гдѣ спрятаны мои деньги; но какъ скоро ты выйдешь за мужъ, все тебѣ откроется!» Старуха сама повѣсила ей на шею маленькой ключъ, надѣтый на черный снурокъ. Въ эту минуту котъ громко промяукалъ два раза. «Вотъ уже насталъ третій часъ утра» сказала бабушка. «Иди теперь домой, дорогое мое дитя! Прощай! можетъ быть, мы уже не увидимся...» Она проводила Машу на улицу, во-

шла опять въ домъ и затворила за собой калитку.

При блѣдномъ свѣтѣ луны, Маша скорыми шагами поспѣшила домой. Она была рада, что ночное ея свиданіе съ бабушкой кончилось, и съ удовольствіемъ помышляла о будущемъ своемъ богатствѣ. Долго Ивановна ожидала ее съ нетерпѣніемъ. «Слава Богу!» сказала она, увидѣвъ ее. «Я уже боялась, чтобъ съ тобою чего-нибудь не случилось. Рассказывай скорѣй, что ты дѣлала у бабушки?» Маша готовилась по-виноваться, но сильная усталость мѣшала ей говорить. Ивановна, замѣтивъ, что глаза ея невольно смыкаются, оставила до другаго утра удовлетвореніе своего любопытства, сама раздѣла любезную дочку и уложила ее въ постель, гдѣ она вскорѣ заснула глубокимъ сномъ.

Проснувшись на другой день, Маша насилу собралась съ мыслями. Ей казалось, что все, случившееся съ нею наканунѣ, не что иное, какъ тяжелый сонъ; — когда же взглянула нечаянно на висящій у нее на шеѣ ключъ, то удостоверилась въ истинѣ всего, ею видѣннаго, — и обо всемъ съ подробностью рассказала матери. Ивановна была внѣ себя отъ радости. «Ви-

дишь ли теперь» сказала она — «какъ хорошо я сдѣлала, что не послушалась твоихъ слезъ?» Весь тотъ день мать съ дочерью провели въ сладкихъ мечтахъ о будущемъ благополучіи. Ивановна строго запретила Машѣ, ни слова не говорить отцу о свиданіи своемъ съ бабушкой. «Онъ человѣкъ упрямый и вздорливый» примолвила она — «и въ состояніи все дѣло испортить.»

Противъ всякаго ожиданія, Онуфричъ пріѣхалъ на слѣдующій день поздно ввечеру. Станціонный Смотритель, котораго должность ему приказано было исправлять, нечаянно выздоровѣлъ, и онъ воспользовался первою ѣдущею въ Москву почтою, чтобъ возвратиться домой.

Не успѣлъ онъ еще рассказать женѣ и дочери, по какому случаю онъ такъ скоро воротился, какъ вошелъ къ нимъ въ комнату прежній его товарищъ, который тогда служилъ будочникомъ въ Лафертовской части, неподалеку отъ дома Маковницы. «Тетушка приказала долго жить!» сказалъ онъ, не давъ себѣ даже времени сперва поздороваться. — Маша и Ивановна взглянули другъ на друга. «Упокой Госпо-

ди ея душу!» воскликнулъ Онуфричъ, смиренно сложивъ руки. «Помолимся за покойницу; она имѣетъ нужду въ нашихъ молитвахъ!»

Онъ началъ читать молитву. Ивановна съ дочерью крестились и клали земные поклоны; но на умѣ у нихъ были сокровища, ихъ ожидающія. Вдругъ онѣ обѣ вздрогнули въ одно время... Имъ показалось, что покойница съ улицы смотритъ къ нимъ въ комнату и имъ кланяется! Онуфричъ и будочникъ, молившіеся съ усердіемъ, ничего не замѣтили.

Не смотря на то, что было уже поздно, Онуфричъ отправился въ домъ покойной тетки. Дорогою прежній товарищъ его рассказывалъ все, что ему извѣстно было о ея смерти. «Вчера» говорилъ онъ — «тетка твоя въ обыкновенное время пришла къ себѣ; сосѣди видѣли, что у нея въ домѣ свѣтился огонь. Но сего дня она уже не являлась у Проломной, и изъ этого заключили, что она нездорова. Наконецъ, подъ вечеръ, рѣшились войти къ ней въ комнату, но ее не застали уже въ живыхъ: — такъ иные рассказываютъ о смерти старухи. Другіе утверждаютъ, что въ прошедшую ночь что-то необыкновенное происходило въ ея домѣ. Силь-

ная буря говорятъ, бушевала около хижины тогда, какъ вездѣ погода стояла тихая; — собаки изъ всего околотка собрались передъ ея окномъ и громко выли; — мяуканье ея кота слышно было издалека... Что касается до меня, то я нынѣшнюю ночь спокойно проспалъ; но товарищъ мой, стоявшій на часахъ, увѣряетъ, что онъ видѣлъ, какъ съ самага Введенскаго кладбища, прыгающіе по землѣ огоньки, длинными рядами тянулись къ ея дому и доходя до калитки, одинъ за другимъ, какъ будто проскакивая подъ нее, исчезали. Необыкновенный шумъ, свистъ, хохотъ и крикъ, говорятъ, слышанъ былъ въ ея домѣ до самага разсвѣта. Странно, что до сихъ поръ нигдѣ не могли отыскать чернаго ея кота!»

Онуфричъ съ горестію внималъ разсказу будочника, не отвѣчая ему ни слова. Такимъ образомъ пришли они въ домъ покойницы. — Услужливыя сосѣдки, забывъ страхъ, который внушала имъ старушка при жизни, успѣли ее уже омыть и одѣть въ праздничное платье. Когда Онуфричъ вошелъ въ комнату, старушка лежала на столѣ. Въ головахъ у ней сидѣлъ дьячокъ и читалъ Псалтырь. Онуфричъ, по-

благодаривъ сосѣдокъ, послалъ купить восковыхъ свѣчъ, заказалъ гробъ, распорядился, чтобъ было что попить и поѣсть желающимъ проводить ночь у покойницы, и отправился домой. Выходя изъ комнаты, онъ никакъ не могъ рѣшиться поцѣловать у тетушки руку.

Въ слѣдующій день назначено быть похоронамъ. Ивановна для себя и для дочери взяла на прокатъ черныя платья, и обѣ явились въ глубокомъ траурѣ. Сначала все шло надлежащимъ порядкомъ. Одна только Ивановна, прощаясь съ теткою, вдругъ отскочила назадъ, поблѣднѣла и сильно задрожала. Она увѣряла всѣхъ, что ей сдѣлалось дурно; но послѣ того тихонько призналась Машѣ, что ей показалось, будто покойница разинула ротъ и хотѣла схватить ее за носъ. Когда же стали поднимать гробъ, то онъ сдѣлался такъ тяжелъ, какъ будто налитой свинцомъ, и шесть широкоплечихъ почталіоновъ на силу могли его вынести и поставить на дроги. Лошади сильно храпѣли и съ трудомъ можно было ихъ принудить двигаться впередъ.

Эти обстоятельства и собственные замѣчанія Маши, подали ей поводъ къ размышленію.

ямъ. Она вспомнила, какими средствами сокровища покойницы были собраны, и обладаніе оными показалось ей не весьма лестнымъ. Въ нѣкоторыя минуты, ключъ, висящій у нее на шеѣ, какъ тяжелый камень давилъ ей грудь, и она неоднократно принимала намѣреніе, все открыть отцу и просить у него совѣта; но Ивановна строго за ней присматривала и безпрестанно твердила, что она всѣхъ ихъ сдѣлаетъ несчастными, если не станетъ слушаться приказаній старушки. Демонъ корыстолюбія совершенно овладѣлъ душою Ивановны, и она не могла дождаться времени, когда явится суженый женихъ и откроетъ средство — завладѣть кладомъ. Хотя она и боялась думать о покойницѣ, и хотя, при воспоминаніи объ ней, холодный потъ выступалъ у нея на лицѣ; но въ душѣ ея жадность къ золоту была сильнѣе страха, и она безпрестанно докучала мужу, чтобъ онъ переѣхалъ въ Лафертовскую часть, увѣряя, что всякой ихъ осудить, если они жить будутъ на наемной квартирѣ тогда, когда у нихъ есть собственный домъ.

Между тѣмъ Онуфричъ, отслуживъ свои годы и получивъ отставку, началъ помышлять

о покоѣ. Мысль о домѣ производила въ немъ непріятное впечатлѣніе, когда вспоминалъ онъ о той, отъ которой онъ ему достался. Онъ даже всякой разъ невольно вздрагивалъ, когда случалось ему вступать въ комнату, гдѣ прежде жила старуха. Но Онуфричъ былъ набоженъ и благочестивъ, и вѣрилъ, что никакія нечистыя силы не имѣютъ власти надъ чистою совѣстью; и потому разсудивъ, что ему выгоднѣе жить въ своемъ домѣ, нежели нанимать квартиру, онъ рѣшился превозмочь свое отвращеніе и переѣхать.

Ивановна сильно обрадовалась, когда Онуфричъ велѣлъ переноситься въ Лафертовской домъ. «Увидишь, Маша» сказала она дочери — «что теперь скоро явится женихъ. То-то мы заживемъ, когда у насъ будетъ полна палата золота. Какъ удивятся прежніе сосѣди наши, когда мы въѣдемъ къ нимъ на дворъ въ твоей каретѣ, да еще можетъ быть и четверней!».... Маша молча на нее смотрѣла, и печально улыбалась. Съ нѣкоторыхъ поръ у нея совсѣмъ иное было на умѣ.

За нѣсколько дней передъ ихъ разговоромъ (они еще жили на прежней квартирѣ), Маша

въ одно утро задумавшись сидѣла у окна. Мимо ея прошелъ молодой хорошо одѣтый мужчина, взглянулъ на нее и учтиво снялъ шляпу. Маша ему тоже поклонилась, и сама не знала, отъ чего, вдругъ покраснѣлась! Немного погодя, тотъ же молодой человѣкъ прошелъ назадъ, потомъ обернулся, прошелъ еще и опять воротился. Всякой разъ онъ смотрѣлъ на нее, и у Маши всякой разъ сильно билось сердце.—Машѣ уже минуло семнадцать лѣтъ; но до сего времени никогда не случалось, чтобъ у нея билось сердце, когда кто нибудь проходилъ мимо окошекъ. Ей показалось это страннымъ, и она послѣ обѣда сѣла къ окну — для того только, чтобъ узнать, забьется ли сердце, когда опять пройдетъ молодой мужчина.... Такимъ образомъ она просидѣла до вечера, однако никто не являлся. Наконецъ, когда подали огонь, она отошла отъ окна и цѣлый вечеръ была печальна и задумчива; она досадовала, что ей не удалось повторить опыта надъ своимъ сердцемъ.

На другой день Маша, только-что проснулась, тотчасъ вскочила съ постели, поспѣшно умылась, одѣлась, помолилась Богу и сѣла къ

окну. Взоры ея устремлены были въ ту сторону, откуда наканунѣ шелъ незнакомецъ. Наконецъ она его увидѣла; глаза его еще издали ее искали, — а когда подошелъ онъ ближе, взоры ихъ какъ будто нечаянно встрѣтились. Маша, забывшись, приложила руку къ сердцу, чтобъ узнать, бьется ли оно?... Молодой человекъ, замѣтивъ сіе движеніе, и вѣроятно не понимая, что оно значитъ — тоже приложилъ руку къ сердцу.... Маша опомнилась, покраснѣла и отскочила назадъ. Послѣ того она цѣлый день уже не подходила къ окну, опасаясь увидѣть молодаго человека. — Не смотря на то, онъ не выходилъ у нея изъ памяти; она старалась думать о другихъ предметахъ, но усилія ея были напрасны.

Чтобъ разбить мысли, она вздумала ввечеру идти въ гости къ одной вдовѣ, жившей съ ними въ сосѣдствѣ. Входя къ ней въ комнату, къ крайнему удивленію, увидѣла она того самаго незнакомца, котораго тщетно забыть старалась. Маша испугалась, покраснѣла, потомъ поблѣднѣла и не знала, что сказать. Слезы заблестали у ней въ глазахъ. Незнакомецъ опять ее не понялъ.... онъ печально ей покло-

нился, вздохнулъ — и вышелъ вонъ. Она еще болѣе смѣшалась и съ досады заплакала. Встреченная сосѣдка посадила ее возлѣ себя, и съ участіемъ спросила о причинѣ ея огорченія. Маша сама не ясно понимала, о чемъ плакала, и потому не могла объявить причины; внутренно же она приняла твердое намѣреніе, сколько можно убѣгать незнакомца, который довелъ ее до слезъ. Эта мысль ее поуспокоила. Она вступила въ разговоръ съ сосѣдкой и начала ей рассказывать о домашнихъ своихъ дѣлахъ, и о томъ, что они, можетъ быть, скоро переѣдутъ въ Лафертовскую часть. — «Жаль мнѣ,» сказала вдова — «очень жаль, что лишусь добрыхъ сосѣдей; и не я одна о томъ жалѣть буду. Я знаю одного человѣка, который очень огорчится, когда узнаетъ эту новость». Маша опять покраснѣла; хотѣла спросить, кто этотъ человѣкъ, — но не могла выговорить ни слова. — Услужливая сосѣдка вѣрно угадала мысли ея, ибо она продолжала такъ: «Вы не знаете молодаго мужчину, который теперь вышелъ изъ комнаты? Можетъ быть, вы даже и не замѣтили, что онъ вчера и сего дня проходилъ мимо вашего дома; но онъ васъ видѣлъ и на-

рочно зашелъ ко мнѣ, чтобъ спросить у меня объ васъ. Не знаю, ошибаюсь ли я или нѣтъ, а мнѣ кажется, что вы крѣпко задѣли бѣдное его сердечко! Что тутъ краснѣть?» прибавила она, замѣтивъ, что у Маши разгорѣлись щеки. «Онъ человѣкъ молодой, пригожій и если нравится Машинькѣ, то, можетъ быть, скоро дойдетъ дѣло и до свадьбы».

При сихъ словахъ Машинька невольно вспомнила о бабушкѣ. Ахъ! сказала она сама себѣ, не это ли женихъ мнѣ назначенный? Но вскорѣ мысль эта уступила мѣсто другой, не столь пріятной. Не можетъ быть, подумала она, чтобъ такой пригожій молодецъ имѣлъ короткую связь съ покойницею. Онъ такъ милъ, одѣтъ такъ щеголевато, что вѣрно не умѣлъ бы удвоить бабушкина клада! — Между тѣмъ сосѣдка продолжала ей рассказывать, что онъ хотя изъ мѣщанскаго состоянія, но поведенія хорошаго и трезваго, и сидѣльцемъ въ суконномъ ряду. Денегъ у него большихъ нѣтъ; за то жалованье получаетъ изрядное, и кто знаетъ? можетъ быть, хозяинъ когда-нибудь приметъ его въ товарищи! — И такъ, прибавила она — послушайся добраго совѣта: не отка-

зывай молодцу. Деньги не дѣлають счастья! Вотъ бабушка твоя, — прости Господи мое согрѣшеніе! — денегъ у нея было невѣдь сколько; а теперь куда все это дѣвалось?.... И черный котъ, говорятъ, провалился сквозь землю — и деньги туда же! —

Маша внутренно очень согласна была съ мнѣніемъ сосѣдки; — и ей также показалось, что лучше быть бѣдною и жить съ любезнымъ незнакомцемъ, нежели богатой и принадлежать — Богъ знаетъ кому! Она чуть-было не открылась во всемъ; но вспомнивъ строгія приказанія матери и опасаясь собственной своей слабости, поспѣшно встала и простилась. Выходя уже изъ комнаты, она однако не могла утерпѣть, чтобъ не спросить объ имени незнакомца. «Его зовутъ Уліяномъ» отвѣчала сосѣдка.

Съ этого времени Уліянь не выходилъ изъ мыслей у Маши: все въ немъ, даже имя, ей нравилось. Но чтобъ принадлежать ему, надобно было отказаться отъ сокровищъ, оставленныхъ бабушкою. Уліянь былъ не богатъ, и вѣрно, думала она, ни батюшка, ни матушка не согласятся за него меня выдать! — Въ этомъ

мнѣніи еще болѣе она увѣрилась тѣмъ, что Ивановна безпрестанно твердила о богатствѣ, ихъ ожидающемъ, и о счастливой жизни, которая тогда начнется. И такъ, страшась гнѣва матери, Маша рѣшилась не думать больше объ Уліанѣ: она остерегалась подходить къ окну, избѣгала всякихъ разговоровъ съ сосѣдкою и старалась казаться веселою; но черты Уліяна твердо врѣзались въ ея сердцѣ.

Между тѣмъ насталъ день, въ который должно было переѣхать въ Лафертовской домъ. Онуфричъ заранѣе туда отправился, приказавъ женѣ и дочери слѣдовать за нимъ съ пожитками, уложенными еще наканунѣ. Подѣхали двое роспусковъ; извозчики, съ помощію сосѣдей, вынесли сундуки и мебель. Ивановна и Маша, каждая взяла въ руки по большому узлу и — маленькій караванъ тихимъ шагомъ потянулся къ Проломной заставѣ. Проходя мимо квартиры вдовы-сосѣдки, Маша невольно подняла глаза: у открытаго окошка стоялъ Уліанъ съ поникшею головою; глубокая печаль изображалась во всѣхъ чертахъ его. Маша какъ будто его не замѣтила и отворотилась

въ противную сторону; но горькія слезы градомъ покатились по блѣдному ея лицу.

Въ домѣ давно уже ожидалъ ихъ Онуфричъ. Онъ подалъ мнѣніе свое, куда поставить привезенную мебель, и объяснилъ имъ, какимъ образомъ онъ думаетъ расположиться въ новомъ жилищѣ. «Въ этомъ чуланѣ» — сказалъ онъ Ивановнѣ — «будетъ наша спальня; подлѣ нея, въ маленькой комнатѣ, поставятся образа; а здѣсь будетъ и гостиная наша и столовая. Маша можетъ спать наверху въ свѣтлицѣ. «Никогда» продолжалъ онъ «не случилось мнѣ жить такъ на просторѣ; но не знаю, почему у меня сердце не на мѣстѣ. Дай Богъ! чтобъ мы здѣсь были также счастливы, какъ въ прежнихъ тѣсныхъ комнатахъ!» — Ивановна невольно улыбнулась. Дай срокъ! подумала она; въ такихъ ли мы будемъ жить палатахъ!

Радость Ивановны однако въ тотъ же день гораздо поуменьшилась: лишь только насталъ вечеръ, какъ пронзительный свистъ раздался по комнатамъ и ставни застучали. — Что это такое? — вскричала Ивановна. «Это вѣтеръ» хладнокровно отвѣчалъ Онуфричъ; — «видно ставни не плотно запираются; завтра надобно

будетъ починить.» Она замолчала и бросила значительный взглядъ на Машу; ибо въ свистѣ вѣтра находила она сходство съ голосомъ старухи.

Въ это время Маша смиренно сидѣла въ углу и не слыхала ни свисту вѣтра, ни стуку ставней — она думала объ Уліянѣ. Ивановнѣ страшнѣе показалось то, что только ей одной слышался голосъ старухи. Послѣ ужина она вышла въ сѣни, чтобъ спрятать остатки отъ умереннаго ихъ стола; подошла къ шкафу, поставила подлѣ себя на полъ свѣчку и начала устанавливать на полки блюда и тарелки. Вдругъ услышала она подлѣ себя шорохъ, и кто-то легонько ударилъ ее по плечу... Она оглянулась.... за нею стояла покойница, въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ ее похоронили!.... Лице ея было сердито; она подняла руку и грозила ей пальцемъ. Ивановна, въ сильномъ ужасѣ, громко вскричала. Онуфричъ и Маша бросились къ ней въ сѣни. «Что съ тобою дѣлается?» закричалъ Онуфричъ, увидя, что она была блѣдна, какъ полотно и дрожала всѣми членами. «Тетушка!» сказала она трепещущимъ голосомъ.... Она хотѣла продол-

жать, но тетушка опять явилась предъ нею....
лице ея казалось еще сердитѣе — и она еще
строже ей грозила. Слова замерли на устахъ
Ивановны.... «Оставь мертвыхъ въ покоѣ» от-
вѣчалъ Онуфричъ, взявъ ее за руку и вводя
обратно въ комнату. «Помолись Богу и грѣза
отъ тебя отстанетъ. Пойдемъ, ложись въ по-
стель; пора спать!» Ивановна легла, но покой-
ница все представлялась ея глазамъ въ томъ
же сердитомъ видѣ. Онуфричъ, спокойно раз-
дѣвшись, громко началъ молиться, и Иванов-
на замѣтила, что по мѣрѣ того, какъ она вслу-
шивалась въ молитвы, видъ покойницы стано-
вился блѣднѣе, блѣднѣе — и наконецъ совсѣмъ
исчезъ.

И Маша тоже безпокойно провела эту ночь.
При входѣ въ свѣтлицу, ей представилось,
будто тѣнь бабушки мелькала передъ нею, —
но не въ томъ грозномъ видѣ, въ которомъ
являлась она Ивановнѣ. Лице ея было весело
и она умильно ей улыбалась. Маша перекре-
стилась — и тѣнь пропала. Сначала она сочла
это игрою воображенія, и мысль объ Уліянѣ
помогла ей разогнать мысль о бабушкѣ; она
довольно спокойно легла спать и вскорѣ засну-

ла. Вдругъ, около полуночи, что-то ее разбудило. Ей показалось, что холодная рука гладила ее по лицу.... она вскочила. Передъ образомъ горѣла лампада и въ комнатѣ невидно было ничего необыкновеннаго; но сердце въ ней трепетало отъ страха: она внятно слышала, что кто-то ходитъ по комнатѣ и тяжело вздыхаетъ.... Потомъ какъ будто дверь отворилась и заскрипѣла.... и кто-то сошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Маша дрожала, какъ листъ. Тщетно старалась она опять заснуть. Она встала съ постели, поправила свѣтильную лампады и подошла къ окну. — Ночь была темная. Сначала Маша ничего не видала; потомъ показалось ей, будто на дворѣ, подлѣ самага колодца, вспыхнули два небольшіе огонька. Огоньки эти попеременно то погасали, то опять вспыхивали; — потомъ они какъ будто ярче загорѣли и Маша ясно увидѣла, какъ подлѣ колодца стояла покойная бабушка и манила ее къ себѣ рукою... За нею на заднихъ лапахъ сидѣлъ черный котъ и оба глаза его, въ густомъ мракѣ, свѣтились, какъ огни. Маша отошла прочь отъ окна, бросилась на постель и крѣпко закутала

голову въ одѣяло. Долго казалось ей, будто бабушка ходитъ по комнатѣ, шарить по угламъ, и тихо зоветъ ее по имени. — Одинъ разъ ей даже представилось, что старушка хотѣла сдернуть съ ней одѣяло; Маша еще крѣпче въ него завернулась. Наконецъ все утихло; но Маша во всю ночь уже не могла сомкнуть глазъ.

На другой день рѣшилась она объявить матери, что откроетъ все отцу своему и отдастъ ему ключъ, полученный отъ бабушки. Ивановна, во время вечерняго страха, и сама бы рада была отказаться отъ всѣхъ сокровищъ; но когда поутру взошло красное солнышко и яркими лучами освѣтило комнату, то и страхъ исчезъ, какъ будто его никогда не бывало. На мѣсто того, веселыя картины будущей счастливой жизни опять заняли ея воображеніе. Не вѣчно же будетъ пугать меня покойница, думала она; выйдетъ Маша за мужъ, и старуха успокоится. Да и чего теперь она хочетъ? Ужъ не за то ли она гнѣвается, что я никакъ не намѣрена сберегать ея сокровища? Нѣтъ, тетушка! гнѣвайся, сколько угодно; а мы протремъ глаза твоимъ рублевикамъ! —

Тщетно Маша упрашивала мать, чтобъ она

позволила ей открыть отцу ихъ тайну. «Ты насильно отталкиваешь отъ себя счастье» отвѣчала Ивановна. «Погоди еще хотя дня два; — вѣрно скоро явится женихъ твой, и все пойдетъ на ладъ.» — Дня два! повторила Маша; я не переживу и одной такой ночи, какова была прошедшая. — «Пустое» сказала ей мать; «можетъ быть и сего дня все дѣло придетъ къ концу.»

Маша не знала, что дѣлать. Съ одной стороны, она чувствовала необходимость рассказать все отцу; съ другой — боялась разсердить мать, которая никогда бы ей этого не простила. Будучи въ крайнемъ недоумѣніи, на что рѣшиться, вышла она со двора и въ задумчивости бродила долго по самымъ уединеннымъ улицамъ Лафертовской части. Наконецъ, не придумавъ ничего, воротилась домой. Ивановна встрѣтила ее въ сѣняхъ. «Маша!» сказала она ей — «скорѣй поди вверхъ и пріодѣнься: ужъ болѣе часу сидитъ съ отцемъ женихъ твой и тебя ожидаетъ.» У Маши сильно забилося сердце, и она пошла къ себѣ. Тутъ слезы ручьемъ полились изъ глазъ ея. Уліянъ представился ея воображенію въ томъ печальномъ видѣ, въ которомъ она видѣла его въ послѣд-

ній разъ. Она забыла наряжаться. Наконецъ, строгій голосъ матери прервалъ ея размышленіе. «Маша! долго ли тебѣ прихорашиваться?» кричала Ивановна снизу. «Сойди сюда!»

Маша поспѣшила внизъ въ томъ же платьѣ, въ которомъ вошла въ свою свѣтлицу. Она отворила дверь и оцѣпенела!... На скамьѣ, подлѣ Онуфрича, сидѣлъ мужчина небольшого росту, въ зеленомъ мундирномъ сертукѣ; — то самое лице устремило на нее взоръ, которое нѣкогда видѣла она у чернаго кота. Она остановилась въ дверяхъ и не могла идти далѣе. «Подойди поближе» сказалъ Онуфричъ; «что съ тобою сдѣлалось?» — Батюшка! это бабушкинъ черный котъ — отвѣчала Маша, забывшись и указывая на гостя, который страннымъ образомъ повертывалъ головою и умильно на нее поглядывалъ, почти совсѣмъ зажмуривъ глаза. «Съ ума ты сошла!» вскричалъ Онуфричъ съ досадою. «Какой котъ? Это Г. Титулярный Совѣтникъ Аристархъ Фалелѣичъ Мурлыкинъ, который дѣлаетъ тебѣ честь и проситъ твоей руки.»

При сихъ словахъ Аристархъ Фалелѣичъ всталъ, — плавно выступая, приблизился къ

ней и хотѣлъ поцѣловать у нея руку. Маша громко закричала и подалась назадъ. Онуфричь съ сердцемъ вскочилъ съ скамейки. «Что это значитъ?» закричалъ онъ. «Эдакая ты неучтивая; точно деревенская дѣвка!...» Однакожъ Маша его не слушала. — Батюшка! — сказала она ему внѣ себя — воля ваша! это бабушкинъ черный котъ! Велите ему скинуть перчатки; вы увидите, что у него есть когти. — Съ сими словами она вышла изъ комнаты и убѣжала въ свѣтлицу.

Аристархъ Фалелѣичъ тихо что-то ворчалъ себѣ подъ носъ. Онуфричь и Ивановна были въ крайнемъ замѣшательствѣ; но Мурлыкинъ подошелъ къ нимъ, все также улыбаясь. «Это ничего, сударь,» сказалъ онъ, сильно картавя; «ничего, сударыня, прошу не прогнѣваться! Завтра я опять приду; завтра дорогая невѣста лучше меня приметъ.» Послѣ того онъ нѣсколько разъ имъ поклонился, съ пріятностію выгибая круглую свою спину и вышелъ вонъ. Маша смотрѣла изъ окна и видѣла, какъ Аристархъ Фалелѣичъ сошелъ съ лѣстницы и тихо передвигая ноги, удалился; но дошедъ до конца дома, онъ вдругъ повернулъ за уголъ и

пустился бѣжать, какъ стрѣла. Большая сосѣдская собака, съ громкимъ лаемъ, во всю прыть кинулась за нимъ, однако не могла его догнать.

Ударило двѣнадцать часовъ; настало время обѣдать. Въ глубокомъ молчаніи всѣ трое сѣли за столъ, и никому не хотѣлось кушать. Ивановна, отъ времени до времени, сердито взглядывала на Машу, которая сидѣла съ потупленными глазами. Онуфричъ тоже былъ задумчивъ. Въ концѣ обѣда принесли Онуфричу письмо; онъ распечаталъ — и на лицѣ его изобразилась радость. Потомъ онъ всталъ изъ за стола, поспѣшно надѣлъ новый сертукъ, взялъ въ руки шляпу и трость, и готовился идти со двора. «Куда ты идешь, Онуфричъ? спросила Ивановна. — Я скоро ворочусь—отвѣчалъ онъ, и вышелъ.

Лишь только онъ затворилъ за собою дверь, какъ Ивановна начала бранить Машу. «Негодная!» сказала она ей — «такъ-то любишь и считаешь ты мать свою? Такъ-то повинешься ты родителямъ? Но я тебѣ говорю, что приму тебя въ руки! Только смѣй опять подурачиться, когда пожалуетъ къ намъ зав-

тра Аристархъ Фалелѣичъ!» — Матушка! — отвѣчала Маша со слезами — я во всемъ рада слушаться, только не выдавайте меня за бабушкина кота! — «Какую дичь ты опять запорола?» сказала Ивановна. «Стыдись, сударыня; всѣ знаютъ, что онъ Титулярный Совѣтникъ.» — Можетъ быть и такъ, матушка — отвѣчала бѣдная Маша, горько рыдая; — но онъ котъ, право котъ! — Сколько не бранила ее Ивановна, сколько ее ни уговаривала; но она все твердила, что никакъ не согласится выйти за мужъ за бабушкина кота; — и наконецъ, Ивановна въ сердцахъ выгнала ее изъ комнаты. Маша пошла въ свою свѣтлицу и опять принялась горько плакать.

Спустя нѣсколько времени, она услышала, что отецъ ея воротился домой, и немного погодя, ее кликнули. Она сошла внизъ; Онуфричъ взялъ ее за руку и обнялъ съ нѣжностію. «Маша!» сказалъ онъ ей — «ты всегда была добрая дѣвушка и послушная дочь!» Маша заплакала и поцѣловала у него руку. «Теперь ты можешь доказать намъ, что ты насъ любишь! Слушай меня со вниманіемъ. Ты, я думаю, помнишь о маркитантѣ, о кото-

ромъ я часто вамъ рассказывалъ и съ которымъ свелъ я такую дружбу во время Турецкой войны: онъ тогда былъ бѣдный, и я имѣлъ случай оказать ему важныя услуги. Мы принуждены были разстаться, и поклялись вѣчно помнить другъ друга. Съ того времени прошло болѣе тридцати лѣтъ, и я совершенно потерялъ его изъ виду. Сегодня за обѣдомъ получилъ я отъ него письмо; онъ недавно пріѣхалъ въ Москву и узналъ, гдѣ я живу. Я поспѣшилъ къ нему; — ты можешь себѣ представить, какъ мы обрадовались другъ другу. Пріятель мой имѣлъ случай вступить въ подряды, разбогатѣлъ и теперь пріѣхалъ сюда жить на покоѣ. Узнавъ, что у меня есть дочь, онъ обрадовался; мы ударили по рукамъ, и я просваталъ тебя за его единственнаго сына. Старики не любятъ терять времени — и сегодня ввечеру они оба у насъ будутъ.»

Маша еще горьче заплакала; она вспомнила объ Уліянѣ. «Послушай, Маша!» сказалъ Онуфричъ: «сегодня поутру сватался за тебя Мурлыкинъ; онъ человѣкъ богатый, котораго знаютъ всѣ въ здѣшнемъ околоткѣ. Ты за него выдти не захотѣла; и признаюсь, — хотя я

очень знаю, что Титулярный Совѣтникъ не можетъ быть котомъ, или котъ Титулярнымъ Совѣтникомъ, — однако мнѣ самому онъ показался подозрительнымъ. Но сынъ пріятеля моего — человѣкъ молодой, хорошій, и ты не имѣешь никакой причины ему отказать. И такъ, вотъ тебѣ мое послѣднее слово: если не хочешь отдать руку свою тому, котораго я выбралъ; то готовся завтра поутру согласиться на предложеніе Аристарха Фалелѣича Поди и одумайся.»

Маша въ сильномъ огорченіи возвратилась въ свою свѣтлицу. Она давно рѣшилась, ни для чего въ свѣтѣ не выходить за Мурлыкина; но принадлежать другому, а не Уліяну — вотъ что показалось ей жестокимъ! Немного погодя, вошла къ ней Ивановна. «Милая Маша!» сказала она ей: «послушайся моего совѣта. Все равно, выходить тебѣ за Мурлыкина или за маркиганта: откажи послѣднему и ступай за перваго. Отецъ хотя и говорилъ, что маркигантъ богатъ; но вѣдь я отца твоего знаю! У него всякой богатъ, у кого сотня рублей за пазухой. Маша! подумай, сколько у насъ будетъ денегъ . . . а Мурлыкинъ, право,

не противень. Хотя онъ уже не совсѣмъ молодъ, но за то какъ вѣжливъ, какъ ласковъ! Онъ будетъ тебя носить на рукахъ.»

Маша плакала, не отвѣчая ни слова; а Ивановна, думая, что она согласилась, вышла вонъ, дабы мужъ не замѣтилъ, что она ее уговаривала. Между тѣмъ Маша, скрѣпя сердце, рѣшилась принести отцу на жертву любовь свою къ Уліяну. Постараюсь его забыть, сказала она сама себѣ: пускай батюшка будетъ счастливъ моимъ послушаніемъ. Я и такъ передъ нимъ виновата, что противъ его воли связалась съ бабушкой! —

Лишь только смерклось, Маша тихонько сошла съ лѣстницы — и направила шаги прямо къ колодезю. Едва вступила она на дворъ, какъ вдругъ вихрь поднялся вокругъ нея, и казалось, будто земля колеблется подъ ея ногами . . . Толстая жаба съ отвратительнымъ крикомъ бросилась къ ней прямо на встрѣчу; но Маша перекрестилась и съ твердостію пошла впередъ. Подходя къ колодезю, послышался ей жалостный вопль, какъ будто выходящій съ самага дна. Черный котъ печально сидѣлъ на срубѣ и мяукалъ унылымъ голо-

сомъ. Маша отвортилась и подошла ближе; твердою рукою сняла она съ шеи снурокъ и съ нимъ ключъ, полученный отъ бабушки. «Возьми назадъ свой подарокъ!» — сказала она. «Ненадо мнѣ ни жениха твоего, ни денегъ твоихъ; возьми и оставь насъ въ покоѣ.» Она бросила ключъ прямо въ колодезь; черный котъ завизжалъ и кинулся тудаже; вода въ колодезѣ сильно закипѣла . . . Маша пошла домой. Съ груди ея свалился тяжелый камень.

Подходя къ дому, Маша услышала незнакомый голосъ, разговаривающій съ ея отцемъ, Онуфричъ встрѣтилъ ея у дверей и взялъ за руку. «Вотъ дочь моя!» сказалъ онъ, подводя ее къ почтенному старику съ сѣдою бородою, который сидѣлъ на лавкѣ. Маша поклонилась ему въ поясъ. — «Онуфричъ!» сказалъ старикъ: «познакомь же ее съ женихомъ.» Маша робко оглянулась — подлѣ нея стоялъ Уліянъ! Она закричала и упала въ его объятія . . .

Я не въ силахъ описать восхищенія обоихъ любовниковъ. Онуфричъ и старикъ узнали, что они уже давно познакомились — и радость ихъ удвоилась. Ивановна утѣшилась, узнавъ, что у будущаго свата нѣсколько сотъ тысячъ

чистыхъ денегъ въ Ломбардѣ. Уліанъ тоже удивился этому извѣстію; ибо онъ никогда не думалъ, чтобъ отецъ его былъ такъ богатъ. Недѣли чрезъ двѣ послѣ того ихъ обвѣнчали.

Въ день свадьбы, ввечеру, когда за ужиномъ въ домѣ Уліяна веселые гости пили за здоровье молодыхъ, вошелъ въ комнату извѣстный будочникъ и объявилъ Онуфричу, что въ самое то время, когда вѣнчали Машу, потолокъ въ Лафертовскомъ домѣ провалился и весь домъ разрушился. «Я и такъ не намѣренъ былъ долѣе въ немъ жить» сказалъ Онуфричъ. «Садись съ нами, мой прежній товарищъ; налей стаканъ Цимлянскаго и пожелай молодымъ счастья и — многія лѣта!»

«Эта повѣсть» сказалъ Двойникъ «болѣе мнѣ нравится, чѣмъ Изидоръ и Анюта; напрасно однакожь вы не прибавили развязки. Иной и въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что Машина бабушка была колдунья.»

— Для суевѣрныхъ людей развязокъ не напасешься — отвѣчалъ я. — Впрочемъ, кто непре-

мѣнно желаетъ знать развязку моей повѣсти, тотъ пускай прочитаетъ Литературныя Новости 1825 года. Тамъ найдетъ онъ развязку, сочиненную почтеннымъ Издателемъ Инвалида, которую я для того не пересказалъ вамъ, что не хочу присвоивать чужаго добра. Да не ужъ-то вы не вѣрите гаданію на картахъ и на кофейной гущѣ? —

«Виноватъ, дражайшій Антоній; ни мало не вѣрю. Изъ любопытства я нарочно знакомился со всѣми ворожеями и ворожейками, которыхъ только отыскать могъ, — и каждое новое такого рода знакомство болѣе и болѣе меня утверждало въ моемъ невѣріи.»

— Согласитесь однако, что иногда отгадываютъ будущее по картамъ! —

«Соглашаюсь, любезный другъ; но это ничего не доказываетъ. — Что мудренаго, если, часто гадая, что нибудь и отгадаешь? Самому записному вралю иногда случается сказать правду; но за то не перестаетъ онъ быть вралемъ.»

— Но — прервалъ я Двойника — вамъ, вѣрно, не случалось встрѣчать настоящихъ ворожеекъ, а потому вы и не вѣрите гаданію. Что, на пр., скажете вы о Г-жѣ le Normand, кото-

рая, говорятъ, предсказала судьбу первой супругѣ Наполеона, Императрицѣ Іозефинѣ, тогда, когда Наполеонъ и не помышлялъ еще о разводѣ? —

«Я имѣлъ честь лично познакомиться съ Г-ю le Normand, въ бытность мою въ Парижѣ. Іозефина была еще въ свѣжей памяти у Парижанъ, и я точно помню, что носились слухи, будто бы le Normand ей предсказывала, что она умретъ на соломѣ. — Вы знаете, что пророчество это не сбылось. Между тѣмъ ворожея лѣтъ десять послѣ того воспользовалась давно забытыми слухами и напечатала, что она когда-то предсказывала Іозефинѣ участь, ее постигшую... Въ то время новыя и важнѣйшія произшествія занимали Французовъ и изгладили изъ памяти ихъ бѣдную Іозефину съ мнимымъ предсказаніемъ le Normand; и никто не счелъ за нужное противорѣчить ея хвастовству. — Что касается до меня, то познакомившись съ нею, я удосто- вѣрился въ томъ, въ чемъ и прежде не сомнѣвался, а именно: что она не что иное, какъ обыкновенная шарлатанка. Я опишу вамъ въ подробности наше знакомство.

Въ одно утро я на площади Лудовика XV

взялъ фіакръ и приказалъ ему ѣхать къ le Normand. Жилище ея извѣстно всѣмъ извозчикамъ въ Парижѣ, и потому фіакръ мой, не требуя дальнѣйшихъ объясненій, привезъ меня прямо къ ея квартирѣ. При входѣ въ переднюю, горничная встрѣтила меня съ таинственнымъ видомъ и спросила, что мнѣ угодно? Я отвѣчалъ, что желаю посовѣтоваться съ знаменитою ея Госпожею. «Покорнѣйше прошу подождать немного» — сказала она, отворяя дверь въ гостиную; — «барыня теперь занята.» Я вошелъ въ гостиную и подходя къ окну увидѣлъ, что горничная уже успѣла выбѣжать на улицу, и весьма прилѣжно разговариваетъ съ моимъ кучеромъ, который, вѣроятно, немогъ доставить ей никакихъ обо мнѣ свѣдѣній.

Меня заставили довольно долго дожидаться, и я отъ скуки принялся разсматривать комнату, въ которой находился. Она была убрана въ новѣйшемъ вкусѣ: на камелькѣ и столахъ бронзы, на стѣнахъ картины, а на окнахъ фарфоровые горшки съ цвѣтами. Прохаживаясь вдоль и поперекъ по комнатѣ, я замѣтилъ, что зеленая занавѣсь, которая закрывала стеклянную дверь, ведущую во внутренніе покои, отъ вре-

мѣни до времени шевелилась, и одинъ разъ мнѣ удалось на одно мгновеніе увидѣть два большіе черные глаза, которые, какъ я послѣ удосто- вѣрился, принадлежали самой волшебницѣ. На- конецъ таже горничная пришла мнѣ объявить, что Г-жа le Normand меня ожидаетъ. Отвори- ли стеклянную дверь и я вступилъ въ храмъ Пиѳіи, которая присѣла передо мною новѣй- шимъ манеромъ. Я увидѣлъ женщину лѣтъ за сорокъ, средняго роста, довольно дородную, съ большими черными глазами и такими же бро- вями. Горничная подала мнѣ стулъ и вышла вонъ.

На столѣ, среди комнаты, стояли небесные глобусы и лежали разные математическіе ин- струменты; а между ними набитыя чучелы: небольшой крокодилъ, ящерица и змѣя. По стѣ- намъ развѣшаны были картины, представляю- щія разныя магическія фигуры. — Въ одномъ углу стоялъ человѣческій скелетъ, завѣшен- ный чернымъ флеромъ; въ другомъ замѣтилъ я на полкѣ три или четыре стеклянныя банки съ уродами въ спиртѣ. На просьбу мою, от- крыть мнѣ будущую судьбу, она отвѣчала во- просомъ: На какихъ картахъ я хочу, чтобъ она

загадала, на большихъ или на маленькихъ? — «Какая между ними разница?» спросилъ я. — Гаданіе на маленькихъ картахъ стоитъ пять франковъ, а на большихъ десять. — «Въ такомъ случаѣ прошу загадать на большихъ.» Волшебница взяла колоду картъ, — которыя дѣйствительно были весьма большаго размѣра, съ странными изображеніями и магическими знаками, — помѣшала ихъ, пошептала надъ ними, также какъ и у насъ въ Россіи это дѣлается, и потомъ разложила ихъ на столѣ. Тутъ начала она рассказывать мнѣ многое, о которомъ могу объявить вамъ только, что ничего изъ сказаннаго со мною не сбылось.

Окончивъ гаданіе, волшебница встала, опять присѣла передо мною, и весьма милостиво приняла отъ меня десять франковъ. Потомъ спросила: Не хочу ли я, чтобъ она написала мой гороскопъ, въ которомъ означено будетъ все, что со мною должно случиться въ теченіе жизни? — «Очень хорошо» отвѣчалъ я. — Какой гороскопъ прикажете, большой или маленькой? — «А какая между ними разница?» — Большой стоитъ два луйдора, а маленькой одинъ; но за то въ большомъ гораздо болѣе

подробностей. — «Ну, такъ напишите мнѣ большой; я люблю подробности.» — Дней чрезъ нѣсколько я заѣхалъ опять къ ней, получилъ подробный гороскопъ, и заплатилъ два луидора... Вотъ вамъ вѣрное и точное описаніе моего знакомства съ знаменитою Г-жею le Normand.

— А гороскопъ? — спросилъ я у Двойника.

«Гороскопъ, какъ гороскопъ» отвѣчалъ онъ. «Въ немъ весьма подробно описано все, что должно было со мною случиться; но къ несчастію, волшебница на письмѣ также ошиблась, какъ на словахъ, т. е. ни одно изъ предсказаній ея не сбылось. Если вы собираете рукописи знаменитыхъ людей, то я готовъ подарить вамъ этотъ гороскопъ, который сначала до конца писанъ рукою Г-жи le Normand.»

— Покорно благодарю. Расскажите мнѣ лучше, отъ чего такъ часто встрѣчаются между умными и образованными людьми такіе, кои вѣрятъ гаданію, волшебству и колдовству? —

«Отъ того, любезный Антоній, что — какъ справедливо говорится пословица — на каждого мудреца довольно простоты. Кстати припоми-

наю я теперь, что между многими другими родами ума и душевныхъ недостатковъ, непомѣщенными въ сдѣланномъ мною выше исчисленіи, забыто также *легковѣріе*, которое между тѣмъ очень часто играетъ не маловажную роль въ дѣяніяхъ людскихъ. Впрочемъ, правду сказать, нынѣшній свѣтъ скорѣе упрекать можно въ невѣріи, нежели въ легковѣріи. Въ древнія времена это было совсѣмъ напротивъ. Геродотъ и Діодоръ Сицилійскій, Цицеронъ и Плиній, Юлій Кесарь и Юліанъ вѣрили волшебству, колдовству и привидѣніямъ. Извѣстнѣйшіе древніе Авторы, и между ними самъ Платонъ, говорятъ объ этихъ предметахъ, какъ о вещахъ весьма обыкновенныхъ. Въ средніе вѣки еще болѣе преданы были этому суевѣрію. Ужасъ меня беретъ всякій разъ, когда я читаю, сколько въ то время пострадало невинныхъ людей за мнимое волшебство, — сколько сожжено и казнено вѣдьмъ и колдуновъ! И это случалось не только въ Испаніи, которую привыкли мы обвинять за ея Инквизицію, но въ учтивой Франціи и въ важной Германіи, и тогда уже славившихся просвѣщеніемъ! Въ царствованіе Генриха IV, во Франціи, по приговорамъ Судовъ и

Парламентовъ, сожжено множество колдуновъ, вѣдьмъ и оборотней. Въ 1628 году Дебордъ (Desbordes), камердинеръ Герцога Лотарингскаго Карла IV, обвиненъ былъ въ колдовствѣ. Рассказываютъ, что Герцогъ возымѣлъ на него подозрѣніе съ того времени, какъ камердинеръ сей, будучи съ нимъ на охотѣ, далъ ему и всей многочисленной компаніи великолѣпный пиръ, безъ малѣйшихъ къ тому приготовленій и не имѣя при себѣ ничего, кромѣ маленькаго ящичка, изъ котораго онъ бралъ все, что нужно было для пиршества. Въ тотъ же день Дебордъ приказалъ тремъ казненнымъ ворами, которыхъ трупы висѣли на висѣлицахъ, сойти съ оныхъ и потомъ опять возвратиться на прежнія мѣста. Въ другой разъ онъ велѣлъ, изображеннымъ на обояхъ лицамъ, отдѣлиться отъ стѣнъ и стать посреди комнаты. Бѣднаго Деборда судили формальнымъ порядкомъ и публично сожгли на кострѣ. — Преслѣдованія колдуновъ продолжались еще въ царствованіе Лудовика XIV и послѣ онаго. Въ Германіи также, и уже послѣ того, какъ возникла Реформація, во время тридцати-лѣтней войны и даже долгое время послѣ оной, во всѣхъ концахъ,

у Католиковъ и Лютеранъ, публично жгли вѣдьмъ, — и число сихъ жертвъ самага непростительнаго суевѣрія, теперь кажется намъ неимовѣрнымъ! Древніе не такъ жестоко поступали съ колдунами, хотя и у нихъ встрѣчаемъ мы примѣры людей, осужденныхъ на смерть за волшебство. Тацитъ рассказываетъ, что Тиберій обучался Магіи, и потомъ осудивъ на смерть всѣхъ волшебниковъ, вмѣстѣ съ ними велѣлъ умертвить и учителя своего Орасивула. — Во времена Клавдія также казнили одного Римлянина за волшебство. Павзаній говорить, что въ Аѣинахъ учреждено было особенное судилище для отысканія и наказанія волшебниковъ. Но примѣры смертныхъ казней у нихъ не такъ были часты, хотя суевѣріе это для нихъ, погруженныхъ во мракъ идолопоклонничества, извинительнѣе было, нежели для насъ. Признаюсь, что я имѣю нѣкоторое пристрастіе къ древнимъ; и потому, можетъ быть, повѣсти Римлянъ и Грековъ о вѣдьмахъ и привидѣніяхъ для меня несравненно занимательнѣе всего, что въ теперешнее время о томъ пишутъ и рассказываютъ.»

— Часто ли, спросилъ я у Двойника, въ

ихъ твореніяхъ встрѣчаются подобные рассказы? —

«Весьма часто» отвѣчалъ онъ. «Въ то время вовсе не знали такъ называемыхъ крѣпкихъ умовъ (*ésprits forts*). Какъ подумаешь, любезный Антоній, какъ съ тѣхъ поръ свѣтъ перемѣнился! Тогда славнѣйшіе мудрецы боялись отвергать то, чего не понимали; а теперь — посмотрите на дѣтей, едва изъ школы вышедшихъ: они никому и ничему не вѣрятъ, — никого и ничего не боятся; — а что касается до отвлеченныхъ предметовъ, такъ имъ море по колено!»

— Не вѣрьте этому, почтенный Двойникъ! не вѣрьте, пожалуйста! Бѣдныя дѣти принимаютъ только на себя видъ крѣпкихъ умовъ, между тѣмъ, какъ у нихъ совсѣмъ иное на душѣ. Виноваты не онѣ, а родители и воспитатели, которые не умѣютъ ни укрощать самолюбія ихъ, ни давать правильное направленіе неопытному и пылкому ихъ уму. Но я прервалъ начатой вами разговоръ о древнихъ. Весьма бы мнѣ пріятно было, если бъ вы рассказали какое нибудь древнее происшествіе о привидѣніяхъ или колдовствѣ. —

— «Вы уже слышали отъ меня» отвѣчалъ Двойникъ — «приключеніе двухъ Аркадянъ, о которомъ повѣствуетъ Цицеронъ. Оно почерпнуто имъ изъ Спевзиппа. Ту же самую исторію рассказываетъ Валерій Максимъ съ небольшими отступленіями. Вообще сказать можно, что въ рѣдкомъ авторѣ не найдете вы чего либо касательно сего предмета. Геродотъ — кромѣ другихъ этаго рода анекдотовъ — рассказываетъ о привидѣніи, являвшемся два раза Ксерксу предъ войною Персовъ съ Греками. — Плутархъ, Аппіанъ и Флоръ упоминаютъ о явленіи, которое видѣлъ Брутъ. Плиній рассказываетъ даже, что къ одному изъ собственныхъ его невольниковъ неоднократно лазило привидѣніе въ окно, для того, чтобъ остричь ему волосы... Приключенія съ мертвецами, которые беспокоятъ живыхъ, потому, что кости ихъ не погребены, также очень часто у нихъ встрѣчаются. Тотъ же Плиній съ большими подробностями рассказываетъ случившееся съ Философомъ Аѳенодоромъ, который прибывъ въ Аѳины, нанялъ за весьма дешевую цѣну домъ, остававшійся долгое время безъ жильцовъ, по той причинѣ, что въ полночь приходило туда

привидѣніе, въ образѣ сухаго и угрюмаго старика въ цѣпяхъ, съ длинною бородою и включенными волосами. — Аѳенодоръ переѣхалъ жить въ тотъ домъ и узналъ отъ старика, что кости его зарыты на дворѣ. На другой день ихъ отрываютъ, погребаютъ торжественно — и съ того времени въ домѣ сдѣлалось спокойно.

«Если вы желаете имѣть свѣденія о тогдашнихъ вѣдьмахъ» продолжалъ Двойникъ — «то можете оныя почерпнуть также изъ твореній древнихъ авторовъ. — Читали ль вы, золотого осла Апулеева?»

— Нѣтъ — отвѣчалъ я.

«Жаль,» сказалъ Двойникъ: «эта книга весьма любопытна во многихъ отношеніяхъ. На Русскомъ языкѣ есть переводъ Кострова, напечатанный въ Москвѣ 1780 года. Переводъ этотъ довольно хорошъ, но писанъ языкомъ грубымъ и нынѣ обветшалымъ. — Если когда нибудь вздумаютъ сдѣлать новое изданіе, то надобно будетъ, кромѣ исправленій касательно языка, выпустить нѣсколько неблагопристойныхъ сценъ и выраженій. — Въ Апулеѣ найдете вы, кромѣ любопытныхъ подробностей о жизни древнихъ, объ Элевзинскихъ таинствахъ

и проч., множество страшныхъ исторій, которыя даже годились бы для балладъ. Если вамъ угодно, я расскажу изъ него повѣсть объ одномъ купцѣ, по имени Сократъ, зарѣзанномъ вѣдьмою, которая заткнула потомъ рану его грецкою губкою... Бѣдный Сократъ не замѣтивъ этого, ходилъ еще нѣсколько часовъ и разговаривалъ съ своими товарищами. Наконецъ онъ почувствовалъ жажду, и лишь только выпилъ воды, какъ губка намокла, выпала изъ раны и онъ безъ дыханія упалъ на землю... Я долженъ однако предварить васъ, что исторія эта ужасна!»

— Такъ лучше не рассказывайте — прервалъ я Двойника. Я не люблю ужасныхъ исторій. —

«Въ такомъ случаѣ расскажу вамъ другую повѣсть, тоже изъ Апулея. Телефронъ на пиршествѣ у Биррены повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ: Въ молодости моей отправился я изъ Милета, чтобъ видѣть Олимпійскія игры, и осмотрѣть всѣ достопамятности славной вашей области. — Прошедъ всю Θεσσαлію, прибылъ я, къ несчастію моему, въ городъ Лариссу, гдѣ бродилъ по улицамъ и старался сы-

скать себѣ пропитаніе, будучи весьма бѣденъ и не имѣя даже насущнаго хлѣба. — Нечаянно пришелъ я на площадь и увидѣлъ старика высокаго роста, которой стоялъ на камнѣ и громкимъ голосомъ кричалъ народу: «Если кто согласенъ стеречь мертваго, тотъ пусть со мною торгуется о цѣнѣ.» — Съ удивленіемъ спросилъ я у одного изъ проходящихъ, что это значитъ? Не уже ли, сказалъ я ему, въ странѣ вашей мертвецы уходятъ? «Молчи, молодой чело-вѣкъ!» отвѣчалъ онъ. «Ты видно иностранецъ и не помышляешь о томъ, что находишься среди Фессаліи, гдѣ волшебницы обыкновенно обезображиваютъ лице у мертвыхъ и уносятъ нѣкоторые части тѣла для своихъ чаръ!» Слова эти еще болѣе возбудили мое любопытство и я опять спросилъ у него: Скажи, пожалуй, какимъ же образомъ у васъ стерегутъ мертвыхъ? — «Во первыхъ, отвѣчалъ онъ, должно цѣлую ночь стоять на караулѣ, не смыкая глазъ, и пристально смотрѣть на лежащій передъ тобою трупъ, ни подъ какимъ видомъ не оглядываясь ни на одну минуту; въ противномъ случаѣ эти проклятыя старухи, превратившись въ какое нибудь животное, такъ искусно и про-

ворно подкрадываются, что даже солнце не могло бы ихъ примѣтить. Онѣ обыкновенно принимаютъ на себя видъ собакъ, мышей, птицъ, а иногда даже мухъ; между тѣмъ, силою волшебства своего, стараются погрузить въ глубокій сонъ того, кто охраняетъ тѣло. Однимъ словомъ, невозможно описать всѣхъ хитрыхъ уловокъ, употребляемыхъ волшебницами для достиженія своей цѣли... Не смотря на то, за эту опасную должность рѣдко платятъ болѣе пяти или шести золотыхъ статировъ. — Но я забылъ упомянуть еще объ одномъ важнѣйшемъ обстоятельствѣ, а именно: если обязавшійся стеречь тѣло, по утру не возвратитъ онаго въ совершенной цѣлости, то у него самого насильно отрѣзываютъ тѣ части, которыя во время ночи украдены будутъ у мертваго.»

Узнавъ обо всемъ обстоятельно, я смѣло подошелъ къ старику и сказалъ ему рѣшительно: Полно тебѣ кричать; я готовъ стеречь твоего мертвеца, — скажи только, много ли я за то получу? — «Шесть золотыхъ статировъ» отвѣчалъ онъ. «Но послушай, юноша! — не забывай, что тебѣ поручено будетъ стеречь сына такого человѣка, который въ цѣломъ городѣ счи-

тается изъ первыхъ, и потому непремѣнно ты долженъ охранить его отъ проклятыхъ Гарпій.» — Экой вздоръ! отвѣчалъ я смѣясь; развѣ ты не видишь, что я человѣкъ неустомимый и неусыпный. Увѣряю тебя, что взоръ самага Аргуса не быстрѣе моего. —

Старикъ не сказавъ на это ни слова, повелъ меня въ одинъ домъ, у котораго большія ворота были заперты. Мы вошли на дворъ чрезъ маленькія заднія дверцы, и онъ ввелъ меня въ темный покой, гдѣ всѣ окна были закрыты. Тамъ увидѣлъ я женщину въ черномъ платьѣ, обливающуюся слезами. Къ ней подвелъ меня старикъ, сказавъ, что я берусь охранять тѣло ея мужа. Она откинула на обѣ стороны длинныя волосы, закрывавшіе лицо, которое, не смотря на печаль и смущеніе, показалось мнѣ прекраснымъ, посмотрѣла на меня пристально и сказала: Прошу тебя убѣдительно, старайся какъ можно тщательнѣе исполнить принятую тобою обязанность! — «Объ этомъ не безпокойтесь» отвѣчалъ я: «обѣщайтесь только дать мнѣ еще сколько нибудь сверхъ договоренной цѣны.» Она согласилась и немедленно повела меня въ другой покой, гдѣ лежало тѣло ея му-

жа, покрытое бѣлою пеленою. Открывъ его, она подозвала приглашенныхъ нарочно для сего свидѣтелей и показала имъ, что тѣло нисколько не повреждено: носъ на своемъ мѣстѣ, глаза не испорчены, уши и губы цѣлы и подбородокъ таковъ, какъ былъ прежде. Одинъ изъ свидѣтелей между тѣмъ записывалъ всѣ ея слова на таблицѣ, къ которой приложила она печать свою и удалилась.

«Милостивая Государыня!» закричалъ я въ слѣдъ за нею. «Прикажите дать мнѣ все нужное!»—А что тебѣ надобно?—былъ ея отвѣтъ. «Мнѣ нужна» сказалъ я — «во первыхъ, большая лампада, съ достаточнымъ количествомъ масла на всю ночь; потомъ, нѣсколько кружекъ вина и что нибудь изъ кушанья, оставшагося отъ ужина.»—Какъ тебѣ не стыдно!—прервала она меня съ досадою. Ты требуешь остатковъ отъ ужина въ такомъ домѣ, гдѣ съ отчаянія уже нѣсколько дней о кушаньѣ и не помышляли. Или ты думаешь, что тебя сюда на пиръ позвали? Пристойнѣе бы тебѣ плакать и горевать вмѣстѣ съ нами.—Потомъ подозвавъ служанку, — Миррена! — сказала она ей: подай сюда тотчасъ лампаду съ масломъ.—

Послѣ того заперли меня съ мертвымъ тѣломъ, и удалились въ другую часть дома.

Оставшись одинъ для охраненія покойника, я хорошенько протеръ себѣ глаза, чтобъ приготовиться къ новой своей должности, и от скуки началъ пѣть, прохаживаясь по комнатѣ. Между тѣмъ день склонился къ вечеру, настала ночь, и повсюду водворилось глубокое молчаніе. — Наконецъ, когда наступила полночь, вдругъ объялъ меня страхъ и ужасъ! Я увидѣлъ маленькаго звѣрька, подобнаго куніцѣ, который вбѣжавъ въ комнату, сталъ прямо противъ меня и такъ пристально вперилъ на меня острые глаза свои, что дерзость этой маленькой твари привела меня въ смущеніе. «Убирайся отсель, мерзкая тварь!» закричалъ я — «убирайся въ свою нору, пока не ушибу тебя!» Звѣрокъ тотчасъ убѣжалъ и скрылся отъ моихъ взоровъ. Потомъ вдругъ объялъ меня такой сильный и непреодолимый сонъ....» —

Тутъ вспомнилъ я обѣщаніе, данное нами другъ другу, и хотя противъ желанія, прервалъ Двойника. — «Повѣсть ваша весьма любопытна,» сказалъ я — «и мнѣ бы очень хотѣлось знать, что происходило послѣ того, какъ Телефронъ за-

снулъ ; но мы обѣщались взаимно напоминать другъ другу, какъ скоро заговоримъ о подобныхъ предметахъ, и я долженъ исполнить свое обѣщаніе. Прошу васъ однако, на этотъ только разъ, сдѣлать исключеніе изъ правила.»

— Нѣтъ, любезный Антоній! отвѣчалъ Двойникъ.—Вы знаете Русскую пословицу: не давши слова крѣпись, а давши держись; и потому никакъ на то не могу согласиться. А чтобъ вы болѣе меня не просили, я теперь же вамъ откланяюсь.... Прощайте! —

ВЕЧЕРЪ ШЕСТОЙ.

«Сегодня» началъ Двойникъ при свиданіи нашемъ въ слѣдующій вечеръ — «разкажу я вамъ истинное приключеніе, случившееся съ однимъ Москвичемъ, моимъ пріятелемъ. Я тогда же написалъ оное съ собственныхъ его словъ. Вотъ оно:

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ДИЛИЖАНСѢ.

Однажды вечеромъ, въ дружеской бесѣдѣ, разговоръ зашелъ объ учрежденныхъ по Петербургскому тракту дилижансахъ. Нѣкоторые изъ пріятелей моихъ, собственнымъ опытомъ

дознавшіе пользу и выгоды этого учрежденія, хвалили оное; а молодой Р., котораго пламенная привязанность ко всему Русскому иногда доводитъ до несправедливыхъ сужденій, утверждалъ, что дилижансы наши гораздо превосходятъ тѣхъ, какіе существуютъ въ чужихъ краяхъ. «Кареты—говорилъ онъ—несравненно покойнѣе, проводники учтивѣе. Главное же преимущество нашихъ дилижансовъ предъ иностранными состоитъ въ скорой ѣздѣ. Если дорога изрядная, то путешествіе отъ Москвы до Петербурга не продолжается болѣе трехъ сутокъ; и вы согласитесь со мною, что такая скорость въ чужихъ краяхъ, особливо въ Германіи, показалась бы невѣроятною. Можетъ ли быть» — продолжалъ онъ — «что нибудь скучнѣе и утомительнѣе Нѣмецкихъ дилижансовъ? Вообразите себѣ огромную повозку, запряженную высокими, длинными, тучными аргамаками, которые отъ рожденія своего никогда не бѣгали даже маленькою рысью. — Нѣтъ! я однажды только испыталъ такое путешествіе, да и то не радъ былъ жизни. Сидя въ огромномъ этомъ ящикѣ, едва едва подвигающемся впередъ, я воображалъ, что нахо-

жусь въ лазаретной фурѣ.... Въ самомъ дѣлѣ, молчаливые мои спутники походили на больныхъ, которыхъ везутъ въ гошпиталь, и одно только разно-голосное ихъ храпѣнье, когда они спали, свидѣтельствовало о томъ, что я ѣду не съ покойниками.»

— Полно, братецъ! — прервалъ я Р. — *Qui dit trop, ne dit rien*. Я не ѣзжалъ въ Русскихъ дилижансахъ, но иностранные довольно мнѣ извѣстны. Правда, что они двигаются немного медленно, но медленность эта вознаграждается такими выгодами, которыя едва ли можно найти въ Россіи. —

«А чѣмъ бы именно?» спросилъ Р.

— Пріятнымъ обществомъ, весьма нерѣдко встрѣчаемымъ въ иностранныхъ дилижансахъ, — отвѣчалъ я. Мнѣ неоднократно случилось путешествовать въ Германіи, и скажу безпристрастно, что не проходило ни одного раза, чтобъ не познакомился я съ какимъ нибудь человѣкомъ, занимательнымъ по уму, просвѣщенію, или по крайней мѣрѣ по оригинальности. Иногда встрѣчались и такія знакомства, которыхъ пріятное впечатлѣніе и теперь, по

вдругъ обратился ко мнѣ; на лицѣ его изображалось безпокойство. — «Милостивый Государь!» сказалъ онъ: «позвольте мнѣ спросить, не будетъ ли вамъ противно, если фонари останутся не зажженными?»

Вопросъ этотъ немного удивилъ меня, но я отвѣчалъ ему на Французскомъ языкѣ: — Ни мало не противно, Государь мой; для меня все равно. —

«Мнѣ весьма пріятно, что вы говорите по-Французски» сказалъ Полковникъ: «я свободнѣе могу объясняться съ вами. Вы такъ снисходительны, что я осмѣливаюсь еще просить васъ, чтобы вы сами приказали проводнику не зажигать фонарей. Онъ васъ, вѣрно, охотнѣе послушается.»

Я тотчасъ исполнилъ его желаніе; не смотря однако на настоятельныя мои просьбы, проводникъ никакъ не согласился. «Я долженъ оберегать экипажъ и пассажировъ» былъ его отвѣтъ. «Ночь темная и если случится какое несчастіе, то мнѣ бѣда будетъ.»

Сопутникъ мой, по видимому, слушалъ разговоръ нашъ съ возрастающимъ безпокойствомъ. Замѣтивъ наконецъ, что всѣ старанія

напрасны , онъ тяжело вздохнулъ и сказалъ печальнымъ голосомъ : «Чувствительно благодарю васъ за принятый трудъ ; вижу , что дѣлать нечего !» Пожелавъ мнѣ покойнаго сна, онъ опять прижался въ уголъ.

Сколь ни показалось мнѣ странною просьба о незажиганіи фонарей , но я не могъ никакъ рѣшиться спросить о причинѣ оной. Въ лицѣ Полковника , въ словахъ его и во всей его наружности заключалось что-то таинственное , чего проникнуть я никакими догадками не могъ, но что сильно увеличило желаніе мое познакомиться съ нимъ короче. При слабомъ свѣтѣ фонарей , я видѣлъ , что товарищъ мой сильно былъ встревоженъ. Я слышалъ, что тяжелые вздохи вырывались изъ его груди ; меня самого объяло уныніе. — Не много погодя, онъ привсталъ и оборотился ко мнѣ. Мнѣ показалось , что онъ всматривается , сплю ли я ? и я закрылъ глаза. Онъ вынулъ карманные часы, —они пробили двѣнадцать. «Боже мой!» сказалъ онъ въ полголоса : «какая страшная ночь!» Притворившись спящимъ , я наблюдалъ за нимъ цѣлую ночь : онъ провелъ ее въ непрестанномъ безпокойствѣ; передъ разсвѣтомъ

онъ успокоился и заснулъ. Тщетно старался я послѣдовать его примѣру; не смотря на усталость мою, сонъ убѣгалъ меня упорно.

Тверская мостовая разбудила моего товарища. Онъ пристально взглянулъ на меня.—«Вы почти не спали прошлую ночь» сказалъ я ему. «Вы, конечно, не здоровы?»

— Нездоровъ? отвѣчалъ онъ. Дай Богъ, чтобы я былъ нездоровъ! По несчастію, ничто меня не беретъ; здоровье у меня желѣзное!... Государь мой! — продолжалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи, замѣтивъ мое удивленіе — поступки мои должны казаться вамъ странными, и если я васъ обезпокоилъ, то надѣюсь, что вы меня простите. Это совершенно было противъ моей воли. Я очень знаю, что общество мое должно для васъ и для каждаго быть тягостнымъ, — и потому я никакъ бы не рѣшился ѣхать въ дилижансѣ, если бъ не полагалъ навѣрное, что буду одинъ. Въ конторѣ мнѣ сказали, что мѣста ни кѣмъ не заняты; увидѣвъ васъ, я подумалъ, что вы, можетъ быть, займете которое нибудь изъ наружныхъ мѣстъ; а когда вы сѣли со мною въ карету, то поздно уже было воротиться. —

Я началъ было увѣрять его, что онъ напрасно считаетъ сообщество свое для меня непріятнымъ; но онъ прервалъ меня на первыхъ словахъ. — Убѣдительно прошу васъ оставить комплименты — сказалъ онъ. Я знаю самого себя. Если достанетъ у васъ терпѣнія выслушать меня до конца, то вы, надѣюсь, обо мнѣ пожалѣете.... Мы другъ съ другомъ незнакомы; внутренній голосъ говоритъ мнѣ однако, что вы добрый человѣкъ и примите во мнѣ участіе. Довѣренность моя къ вамъ самого меня удивляетъ; я никому на свѣтѣ совершенно не открывался. Но видно такъ угодно судьбѣ. —

«Полковникъ!» вскричалъ я, съ жаромъ схвативъ его руку. «Не сомнѣвайтесь въ томъ, что довѣренность ваша относиться будетъ къ человѣку, умѣющему ее цѣнить; и если въ чемъ нибудь я могу вамъ быть полезнымъ, то за особенное почту счастіе.»...

— Я увѣренъ въ вашей искренности, — отвѣчалъ Полковникъ; но никакая человѣческая сила не въ состояніи помочь моему горю. Повремените немного, — вы все узнаете! Если не ошибаюсь, мы здѣсь должны перемѣнить лошадей. Разсказъ мой будетъ длиненъ, и чтобъ

намъ не помѣшали, я начну его, какъ скоро опять пустимся въ дорогу. —

Читатель легко себѣ можетъ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ минуты, которая должна была сблизить меня съ человекомъ, возбудившимъ во мнѣ живѣйшее участіе, не смотря на недавнее знакомство наше.

Лишь только экипажъ нашъ подвинулся опять впередъ, товарищъ мой началъ свое повѣствованіе. — Вы видите предъ собою, сказалъ онъ — человека, который безспорно назвать себя можетъ несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Но вы удивитесь, когда я скажу вамъ, что несчастіе мое происходитъ отъ обезьяны! —

«Отъ обезьяны?» вскричалъ я съ изумленіемъ. «Вы, конечно, шутите!»

— Отъ обезьяны — повторилъ Полковникъ съ тяжелымъ вздохомъ: отъ обезьяны, которой судьба тѣсно сопряжена съ моею... Увы! сколько уже прошло тому лѣтъ, какъ шутки не приходятъ мнѣ на умъ! Выслушайте меня, и странность эта объяснится:

Я родился на островѣ Борнео. Отецъ мой, прослужившій лучшую часть жизни Республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, взялъ нако-

нецъ отставку и рѣшился послѣдніе свои дни провести въ Борнео, гдѣ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ женился. Я былъ младшій изъ дѣтей и отъ роду имѣлъ не болѣе нѣсколькихъ недѣль, когда отецъ мой, оставя службу, поселился въ небольшомъ помѣстьѣ. Домъ нашъ съ одной стороны имѣлъ видъ на море, а съ другой прилегалъ къ густому лѣсу, простирающемуся до неизвѣстныхъ странъ, лежащихъ посреди Борнео. — И понынѣ еще ни одинъ Европейецъ не проникалъ въ тѣ мѣста. Подвигъ этотъ предоставленъ, можетъ быть, будущимъ вѣкамъ; но до сего времени не удавалось никому преодолѣть препятствія, повсюду встрѣчающія смѣльчаковъ, которые отваживаются углубиться въ непроходимые лѣса сего острова. На каждомъ шагу бездонныя пропасти и ревущіе потоки останавливаютъ путешественника. Дикіе звѣри грозятъ ему смертію со всѣхъ сторонъ, — и во мракѣ непроницаемыхъ лѣсовъ каждый шагъ можетъ пробудить ядовитыхъ змѣй, скрывающихся въ густой, высокой травѣ. Однимъ словомъ, многократныя покушенія Правительства побѣдить препятствія, которыми природа ог-

радила внутренность острова, до сего времени не имѣли инаго послѣдствія, кромѣ гибели большаго числа людей.

Но ужаснѣйшіе и лютѣйшіе враги Европейцевъ, отваживающихся на отчаянное это предприятие, суть большаго рода обезьяны, которыми наполнены дремучіе лѣса острова. Животныя эти — въ совершенную противоположность прочимъ звѣрямъ, которые болѣе или менѣе боятся человѣка — нападаютъ на людей, не страшась даже огнестрѣльнаго оружія. Одаренныя неимовѣрнымъ инстинктомъ, они нападенія свои производятъ какъ будто по обдуманному плану. Самыя сильныя изъ нихъ, вооружившись толстыми дубинами, составляютъ главную линію атаки, между тѣмъ, какъ безчисленное множество прочихъ со всѣхъ сторонъ бросаютъ въ непріятелей камнями, и такъ мѣтко, что ни одинъ не пролетаетъ даромъ. Иногда обезьяны, скрывшись въ самыхъ дальнихъ вѣтвяхъ необозримой вышины деревъ, допускаютъ пройти мимо своего убѣжища, потомъ съ быстротою стрѣлы опускаются на землю, вскакиваютъ на плечи,

острыми кохтями выдирають глаза и грызутъ голову.

Вотъ, любезнѣйшій другъ, каковы обезьяны въ моемъ отечествѣ! Всѣ природные жители острова и большая часть простолюдиновъ изъ Европейцевъ твердо увѣрены, что обезьяны эти суть особенный родъ дикихъ людей, одаренныхъ умомъ; и въ этомъ мнѣніи они тѣмъ болѣе утверждаютъ, что животныя сіи, столь лютыя противъ взрослыхъ мужчинъ, оказываютъ особенную привязанность къ женщинамъ и дѣтямъ, которыхъ рѣдко убиваютъ, но стараются увлечь съ собою во глубину непроходимыхъ лѣсовъ своихъ. Многіе, и весьма ученые, испытатели природы послѣднее это обстоятельство сначала поставляли въ числѣ басенъ, но теперь никто не сомнѣвается въ справедливости онаго, и я самъ, по несчастію, могу служить неопровергаемымъ тому доказательствомъ. —

Полковникъ Фанъ-деръ К... замолчалъ; печальныя воспоминанія, казалось, сильно волновали его душу; наконецъ онъ ободрился и продолжалъ: — Я сказывалъ вамъ, что мнѣ было не болѣе нѣсколькихъ недѣль, ког-

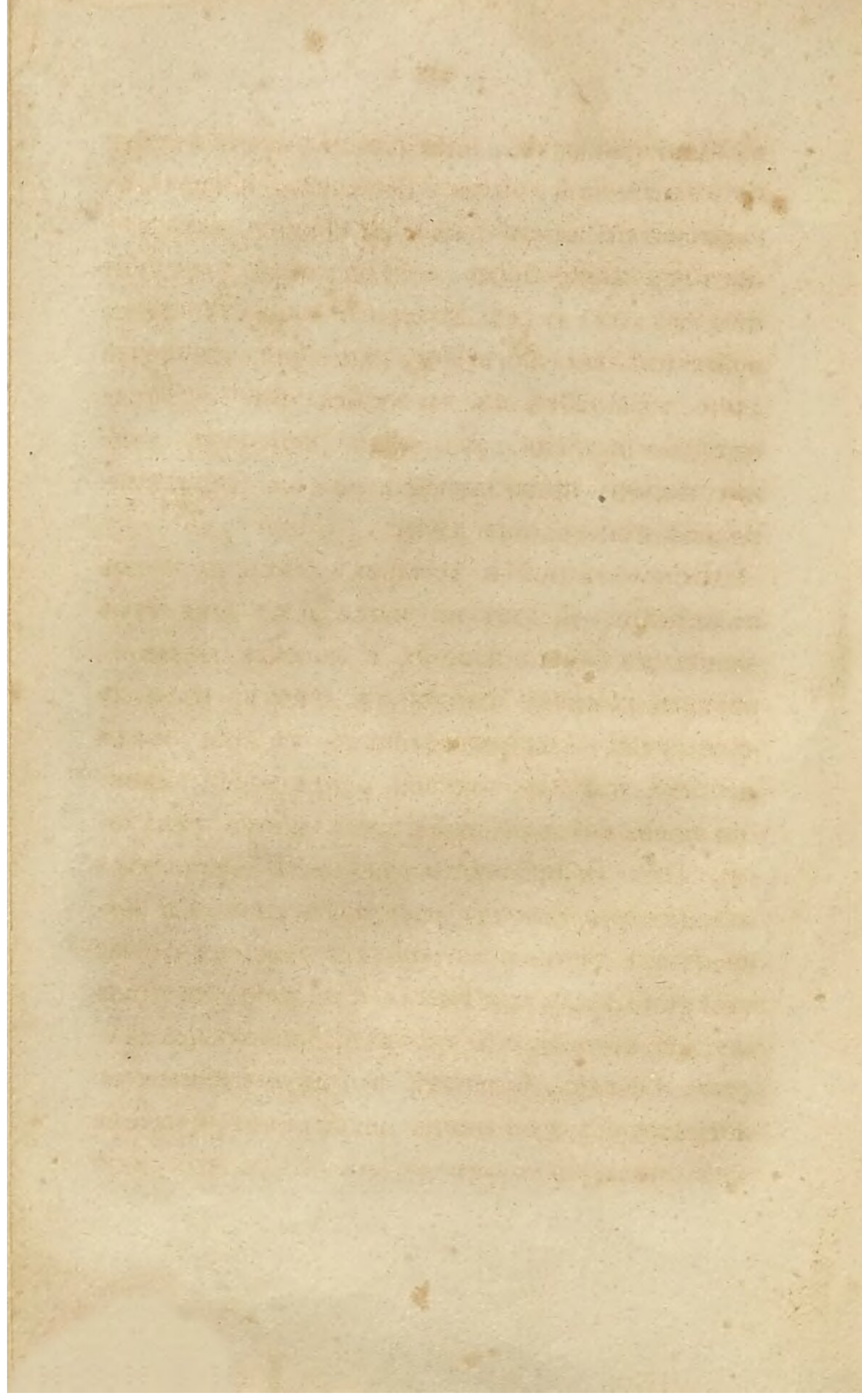
да отецъ мой поселился въ помѣстьѣ своемъ. — Первые четыре года жизни моей не оставили никакого впечатлѣнія въ моей памяти, и отъ того единственно я могу назвать ихъ счастливыми; ибо всѣ безъ исключенія воспоминанія мои, какъ острые ножи, раздираютъ мое сердце. Мнѣ минуло четыре года. — Въ одно утро, когда я игралъ недалеко отъ родительскаго дому подъ присмотромъ няньки, — толпа обезьянъ незапно показалась изъ лѣсу и насъ окружила. На жалостный вопль уstraшенной няни моей, служители бросились къ намъ, но уже поздно! Хищники увлекли насъ далеко въ лѣсъ, и вскорѣ крикъ служителей совершенно потерялся изъ моего слуха. Участь няни моей осталась въ неизвѣстности. Я не могу вспомнить ни времени, ни обстоятельствъ разлуки нашей. Сей первый періодъ въ жизни моей покрытъ для меня туманомъ, и мнѣ только представляется, какъ давно видѣнный сонъ, — что похитители мои съ удивительною скоростію бѣжали со мною. Обезьяна, державшая меня въ лапахъ, вѣроятно, всячески старалась меня беречь; ибо когда, вскорѣ потомъ, вся толпа остановилась на лужайкѣ,

окруженной густымъ лѣсомъ, меня, ничѣмъ неповрежденнаго, посадили на мягкую траву. — Помнится мнѣ, что животныя эти подняли громкій визгъ и крикъ и что, при появленіи одной большой обезьяны, всѣ утихли. — Обезьяна эта взяла меня въ лапы и унесла съ собою.

Не знаю, что происходило со мною въ первые дни моего похищенія. Воспоминанія мои сливаются въ живыя и ясныя картины около того только времени, когда я уже совсѣмъ привыкъ къ новому образу жизни. Память моя представляетъ мнѣ пространную и покойную пещеру, гдѣ я жилъ съ обезьяною. Набросанный въ углу мягкій мохъ составлялъ для насъ покойное ложе, и воспитательница моя холила и лелѣяла меня съ чрезвычайною нѣжностію.

Не знаю, будутъ ли вамъ понятны чувства, поселившіяся тогда въ душѣ моей... Не покажется ли вамъ страннымъ, если я вамъ признаюсь, что за нѣжность воспитательницы моей я платилъ взаимною любовію? что на ласки ея отвѣчалъ я ласками? Не забудьте, что мнѣ не болѣе было четырехъ лѣтъ, и что въ этомъ

нѣжномъ возрастѣ, едва развивающаяся душа не имѣетъ еще той разборчивости, которая въ послѣдствіи столь рѣзко отличаетъ насъ отъ прочихъ животныхъ. — Посмотрите со вниманіемъ на дитя, котораго вскармливаютъ рожкомъ: вы замѣтите, что оно нѣжность свою обращаетъ къ этому бездушному предмету, — и тогда вамъ менѣе покажется удивительнымъ привязанность моя къ твари, одаренной нѣкоторымъ умомъ.

Я провелъ болѣе четырехъ лѣтъ въ этомъ положеніи. Вскорѣ научился я съ легкостію лазить на самыя гладкія и высокія пальмы, сбивать камнями плоды съ деревъ, прыгать чрезъ рвы, — однимъ словомъ, въ прогулкахъ нашихъ я рѣдко отставалъ отъ воспитальницы моей, которая любовалась моими успѣхами. Она не препятствовала мнѣ отлучаться изъ пещеры одному, радовалась, когда я возвращался домой и награждала меня нѣжными ласками, когда приносилъ я добычу, состоявшую въ кокосовыхъ орѣхахъ, бананахъ и другихъ плодахъ. Странно, что другія обезьяны, встрѣчавшіяся со мною, никогда не причиняли мнѣ ни малѣйшаго вреда; — казалось, что дикій

народъ этотъ , такъ сказать , усыновилъ меня изъ уваженія къ моей воспитательницѣ.

Я совершенно забылъ говорить ; воспитательницу мою , не знаю самъ почему , я прозвалъ Туту, — и она знала свое имя. Это былъ единственный звукъ , уподобляющійся человѣческому языку.— Впрочемъ , я во всемъ подражалъ моей воспитательницѣ : я визжалъ и пищалъ , какъ она. Во все время пребыванія моего съ нею , родительскій домъ вовсе не приходилъ мнѣ на умъ ; я былъ счастливъ. Туту моя ни на одну минуту не измѣнялась въ привязанности своей ко мнѣ ; — я не понималъ языка ея , но нѣжныя ласки и горячая ко мнѣ любовь ея , понятны были сердцу младенца !... Не помню въ ней ни капризовъ , ни другихъ признаковъ дурнаго или избалованнаго нрава. Скажу болѣе : въ продолженіе цѣлой жизни моей , я мало встрѣчалъ женщинъ такого кроткаго и добраго характера , такой не принужденной любезности и ни чѣмъ непоколебимой веселости. — Увы ! нравственные совершенства этой доброй твари усугубляютъ ужасную вину , которая до конца бѣдственной

жизни моей, а можетъ быть и долѣе, будетъ тяготить мою душу!...

Въ одно утро, по обыкновенію, я отправился за добычею. Все, что въ этотъ роковой день со мною приключилось, со всѣми подробностями, навсегда впечатлѣлось въ моей памяти. Когда я пробѣжалъ довольно большое пространство, изощренный навывкомъ взоръ мой открылъ на самой вершинѣ высокой пальмы птичье гнѣздо. Увидѣть оное и взлѣсть на дерево, было дѣло одного мгновенія. Но какъ изобразить вамъ удивленіе, меня поразившее при видѣ, открывшемся предо мною! Глазамъ моимъ представилось море во всемъ своемъ величіи. Необыкновенное это зрѣлище съ перваго взгляда поглотило все мое вниманіе. Я забылъ о птичьемъ гнѣздѣ... Темныя и для меня еще непонятныя картины тѣснились въ умѣ моемъ. — Нечаянно обратилъ я взоръ немного въ сторону, и новый предметъ съ быстротою молніи зажегъ въ душѣ моей лучъ воспоминанія о прежнемъ бытіи. — Это былъ родительскій домъ! Какая-то непобѣдимая сила заставила меня слѣзть съ дерева и повлекла ближе, ближе къ незнакомому предмету... Вы-

шедъ изъ лѣса и подошелъ къ дому, я увидѣлъ дѣтей, сидящихъ передъ онымъ и занимающихся невинными играми. Я остановился въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи; они меня не замѣчали. Наконецъ я подошелъ еще ближе; — жалостный вопль вырвался изъ груди моей, и я невольно протянулъ къ нимъ руки. «Маминька, маминька!» вскричала вдругъ младшая сестра моя, дѣвочка лѣтъ семи. «Подите скорѣй сюда; посмотрите, посмотрите!...»

Голосъ человѣческій, голосъ сестры моей, слово: маминька! разбудили въ спящей душѣ моей давно забытыя чувства; но я не могъ еще понять оныхъ. Добрая мать моя, на крикъ дѣтей, къ намъ вышла, и увидѣвъ меня предъ ними съ распростертыми руками — «Милосердый Богъ!...» вскричала она: «это Фрицъ!» и бросилась ко мнѣ! Въ одно мгновеніе окружили меня братья, сестры, отецъ, мать, служители. — Матушка крѣпко прижала меня къ сердцу; но я не умѣлъ отвѣчать на ея ласки. Разказы родителей, въ послѣдствіи времени, дополнили въ памяти моей понятіе о томъ, что со мною происходило; но

тогда я не понималъ ничего... я стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ вкопанный, какъ бездушный. Темныя воспоминанія о прежнемъ существованіи боролись во мнѣ съ привычкою къ дикой жизни, съ привязанностію къ воспитательницѣ моей. Неизъяснимая горестъ, соединенная съ невольнымъ страхомъ, вдругъ стѣснила мое сердце. — Слабая искра давнихъ воспоминаній, едва только во мнѣ взгорѣвшая, потухла отъ сильнаго натиска дикихъ чувствованій, къ которымъ привыкъ я въ лѣсу. «Туту, Туту!» вскричалъ я, вырвался изъ объятій матери и больно укусилъ ее въ руку... Съ трудомъ меня схватили, связали мнѣ руки и ноги и отнесли въ домъ, гдѣ чрезъ нѣскольکو времени я успокоился.

Новое перерожденіе мое въ человека совершалось хотя постепенно, но довольно быстро. Въ первую недѣлю я уже началъ понимать слова родственниковъ моихъ; вскорѣ послѣ того я самъ по немногу началъ объясняться и тѣмъ несказанно обрадовалъ матушку, которая, по заботливой своей ко мнѣ нѣжности, опасалась, что я навсегда лишился способности говорить. По прошествіи трехъ или четы-

рехъ мѣсяцевъ , по возвращеніи моемъ въ родительскій домъ , не осталось во мнѣ никакихъ слѣдовъ дикости , кромѣ необыкновенной въ лѣтахъ моихъ силы, проворства и ловкости.

Долговременное пребываніе мое въ лѣсу не имѣло вреднаго вліянія даже на умственные мои способности. Казалось, что судьба желала вознаградить съ лихвою потерянное время ; ибо успѣхи мои въ ученіи такъ были велики и быстры , что вскорѣ я далеко превзошелъ всѣхъ дѣтей одного со мною возраста. — При всемъ томъ, въ глубинѣ сердца моего сохранялась сильная привязанность къ дикой воспитательницѣ моей ; но я до сего времени не понимаю , по какому тайному побужденію я всегда старался скрыть чувство это отъ моихъ родителей ? Можетъ быть , это происходило отъ того , что родители мои при всякомъ случаѣ показывали сильнѣйшую ненависть къ обезьянамъ. Несчастныя эти твари внушаютъ такой ужасъ всѣмъ вообще жителямъ острова Борнео , что убіеніе одной изъ нихъ считается благополучнымъ происшествіемъ. Какъ часто младенческій умъ мой трево-

жимъ былъ мыслію, что добрая моя Туту огорчается моимъ отсутствіемъ и ищетъ меня повсюду : въ любимыхъ дуплахъ нашихъ, въ пещерахъ и ямахъ , которыя часто были свидѣтелями взаимной нашей привязанности ! Я ужасался, помышляя , что въ поискахъ своихъ она можетъ приблизиться къ жилищу нашему ; что жестокая пуля пронзитъ вѣрное сердце ея , и что я увижу неодушевленный трупъ ея , съ торжествомъ влекомый къ намъ въ домъ... Воображенію моему представлялось , что , въ глазахъ моихъ , благодѣтельницу мою — вторую мою мать — терзаютъ безжалостно и окровавленные члены ея бросаютъ на сѣденіе голоднымъ собакамъ... Въ эти минуты отчаяніе сжимало юное мое сердце ; я дѣлался молчаливъ и не способенъ къ ученію и любимыя мои игрушки не въ состояніи были меня развеселить ! Мнѣ слышался знакомый голосъ любезной моей Туту ; мнѣ казалось , что она манитъ меня къ себѣ — и я почти тотовъ былъ возвратиться въ лѣсъ.

Прошло около трехъ лѣтъ послѣ возвращенія моего къ родителямъ. Въ одинъ вечеръ

все семейство наше, собравшись на прелестный лугъ передъ домомъ, наслаждалось благообразованнымъ воздухомъ. Передъ нами, не болѣе какъ въ четверть версты, разстилался лѣсъ, какъ густая зеленая занавѣсъ. — Вдругъ пронзительный крикъ раздался къ намъ изъ лѣсу... Я вздрогнулъ; сердце мое узнало голосъ бѣдной Туту. — «Что это за крикъ?» спросила матушка. — «Съ нѣкоторыхъ поръ» — отвѣчалъ мой родитель — «проклятыя обезьяны опять являются около дому нашего. Но я взялъ свои мѣры: у насъ всегда въ готовности заряженные ружья!»

Я ужаснулся, — морозъ подиралъ меня по кожѣ, — волосы стали дыбомъ... Я бы радъ былъ пожертвовать жизнью, чтобы только предостеречь мою воспитательницу; но за мною строго присматривали. Приблизиться къ лѣсу мнѣ не было никакой возможности; а если бъ и удалось обмануть бдительный надзоръ всѣхъ домашнихъ, то какъ бы я могъ объяснить ей опасность, которой она подвергалась? Отчаянье овладѣло мною при мысли о моемъ безсиліи, и я горько заплакалъ! — Отецъ мой взглянулъ на меня внимательно, шепнулъ

что-то матушкѣ на ухо... меня отвели домой и уложили спать. Кровать моя стояла подлѣ самаго окна;— я слышалъ, какъ спустили съ цѣпи собаку, — какъ слуги ходили около дому и бренчали ружьями. Подъ самымъ окномъ моимъ одинъ изъ нихъ остановился, — стукъ шомпола и щелканье курка раздались въ ушахъ моихъ. По мнѣ выступилъ холодный потъ... Съ растерзаннымъ сердцемъ я сложилъ руки и цѣлую ночь молился о спасеніи бѣдной моей Туту.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней не представляли стеречь обезьяну. Не могу описать вамъ мучительнаго положенія, въ которомъ я находился. Я долженъ былъ скрывать свои чувствованія;—никто бы ихъ не понялъ; всѣ съ ужасомъ и омерзѣніемъ говорили о предметѣ, наполнявшемъ мое сердце. Наконецъ родители мои, по видимому, перестали опасаться; ночной карауль не такъ уже сталъ строгъ и потомъ во все прекратился.

Однако я долго не могъ успокоиться; мысль, что несчастная воспитательница моя будетъ поймана или убита, безпрестанно меня тревожила,—и всякой разъ, когда я ложился спать,

я прислушивался съ трепетомъ, не услышу ли знакомаго голоса. Въ одну ночь показалось мнѣ, что кто-то тихо царапается въ окно; я привсталъ съ постели и при свѣтѣ луны узналъ мою воспитательницу. Какъ изобразить, что я почувствовалъ?... Радость ее видѣть, опасеніе, чтобъ ее не поймали, попеременно волновали мою душу. — Тихонько отворилъ я окно, она протянула ко мнѣ лапу; съ жаромъ схватилъ я ее и прижалъ къ груди. Нѣжныя ласки напомнили мнѣ счастливую и беззаботную жизнь, которую проводилъ я въ лѣсу. — Въ сердцѣ моемъ, какъ дальній отголосокъ, отозвалось желаніе возвратиться въ пещеру; но любовь моя къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ одержала верхъ надъ этимъ желаніемъ. Мнѣ тогда уже было одиннадцать лѣтъ; я начиналъ понимать свое достоинство и не смотря на привязанность мою къ бѣдной Туту, я чувствовалъ различіе, существующее между человѣкомъ и обезьяною. Осыпавъ ее ласками, я старался объяснить ей знаками, чтобъ она удалась. Она какъ будто поняла меня, — съ быстротою стрѣлы побѣжала прочь и вскорѣ скрылась изъ моихъ глазъ.

Съ этого времени добрая Туту каждую ночь посѣщала меня, и долго свиданія наши происходили безъ малѣйшаго препятствія. Обыкновенно, я ожидалъ ея прибытія; проницательный взоръ мой еще издали узнавалъ ее, не смотря на темную ночь, и я заблаговременно отворялъ окно. Иногда сонъ преодолевалъ меня; — тогда Туту легонько отворяла окошко, котораго никогда я не запиралъ задвижкой, протягивала ко мнѣ лапу и осторожно меня будила. Увы! сердце мое не предчувствовало ужаснаго происшествія, долженствовавшаго прекратить наши свиданія!

Въ одинъ вечеръ я много рѣзвился съ братьями и сестрами и отъ усталости крѣпко заснулъ, лишь только легъ въ постель. Говорятъ, что сны предвѣщаютъ намъ будущее и что душа наша, такъ сказать, отдѣляясь отъ тѣла, имѣетъ способность открывать намъ то, что на яву отъ насъ бываетъ скрыто. — Можетъ быть, это справедливо; но я, по крайней мѣрѣ въ тотъ день не испыталъ прозорливости души моей. Еще понынѣ живо помню тогдашній мой сонъ. Мнѣ снилось, будто я играю съ братьями и сестрами и будто Туту уча-

ствуетъ въ нашихъ играхъ. Мнѣ представилось , что никто изъ родныхъ моихъ не чувствуетъ къ ней той ненависти, которая столько ужасала меня наяву ; напротивъ того всѣ ласкали бѣдную Туту , и душа моя плавала въ восхищеніи. — Упоенный столь сладостнымъ зрѣлищемъ , я бросился въ объятія батюшки и со слезами благодарилъ его за оказываемую любовь.... Вдругъ страшный крикъ раздался въ ушахъ моихъ ; я проснулся и вскочилъ съ постели! Предо мною стоялъ батюшка; ярость изображалась во всѣхъ его чертахъ ; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ зажженный фонарь, въ правой обнаженную саблю. Въ дали слышалъ я жалостный вопль, который постепенно становился слабѣе и слабѣе.... я узналъ голосъ бѣдной моей Туту ! — Съ трепетомъ взглянулъ я на батюшку. «Мнѣ не удалось убить проклятую обезьяну» сказалъ онъ ; — «надѣюсь однако, что впредь она не будетъ тревожить твоего сна.»

Матушка вошла въ комнату. — Что это значитъ ? вскричала она : одѣяло Фрица въ крови! — Она бросилась ко мнѣ. — «Это ничего» отвѣчалъ батюшка. «Проходя мимо его комнаты,

мнѣ слышалось, что кто-то отворяетъ окно; я выглянулъ изъ дверей и, при свѣтѣ луны, увидѣлъ большую обезьяну, стоящую у Фрицова окна. — Я побѣжалъ къ себѣ, взялъ саблю и фонарь и, къ счастью, успѣлъ возвратиться въ самую ту минуту, какъ обезьяна, отворивъ окно, протягивала лапу къ Фрицу.... Изъ всѣхъ силъ ударилъ я саблею, и отрубленная лапа отлетѣла прочь, а обезьяна скрылась въ лѣсъ. Думаю, что у нея пройдетъ охота посѣщать Фрица!»

Долго не могъ я опомниться и не понималъ, что со мною дѣлалось; — рассказъ батюшкинъ все объяснилъ.... Съ ужасомъ взглянулъ я на одѣяло — отрубленная лапа бѣдной Туту лежала у ногъ моихъ.... Я пришелъ въ иступленіе! Батюшка концемъ сабли поднялъ лапу и бросилъ ее въ открытое окно.

Не помню, что со мною далѣе происходило; думаю, что я упалъ въ обморокъ...

На другой день батюшка и матушка всячески старались разогнать грусть, меня терзавшую, — но я не отвѣчалъ на ихъ ласки. Въ сердцѣ моемъ возродилось какое то чувство, которое какъ-бы отталкивало меня отъ нихъ. Мнѣ

кажется, что я уже не такъ нѣжно любилъ отца моего.... Я не могъ не видѣть въ немъ гонителя доброй моей Туту, которую я привыкъ почитать своею благодѣтельницею! Ввечеру я вышелъ на крыльцо; воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ стѣсняло мое сердце, — я хотѣлъ подышать чистымъ воздухомъ. На лугу передъ домомъ большая дворная собака наша играла съ какимъ-то предметомъ, котораго различить я не могъ. Самъ не понимаю, почему пришло мнѣ въ голову закричать: *апортъ!* и собака, пріученная къ повиновенію, тотчасъ принесла ко мнѣ въ зубахъ — обгложенную лапу бѣдной моей Туту.... я узналъ ее, и безъ чувствъ упалъ на землю.

Печальное это происшествіе сдѣлало глубокое впечатлѣніе на нравъ мой; я пересталъ быть ребенкомъ, дѣтскія игры нимало меня не забавляли. Я учился хорошо; но когда, въ часы отдохновенія, братья и сестры мои предавались веселости, свойственной ихъ лѣтамъ, я сидѣлъ одинъ въ задумчивости, и всѣ старанія родителей моихъ меня разсѣять были тщетны. О бѣдной моей Туту я не имѣлъ

никакого извѣстія и не зналъ, пережила ли она послѣднее наше свиданіе.

Такимъ образомъ протекло нѣсколько годовъ. Сестры мои вышли замужъ, братья вступили въ службу. Мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ, когда отецъ мой скончался; матушка вскорѣ за нимъ послѣдовала и я остался одинъ — одинъ съ своею тоскою.... Я убѣгалъ знакомства съ сосѣдями; во всей окрестности меня знали подъ именемъ молчаливаго Фрица. — Время мое дѣлилось между чтеніемъ и обработываніемъ сада моего. Иногда я ходилъ гулять и всегда одинъ; на плечѣ у меня висѣло ружье, но единственно потому, что на островѣ Борнео всѣ жители такимъ образомъ вооружены. Впрочемъ въ этихъ уединенныхъ прогулкахъ никогда мнѣ не случалось употреблять свое оружіе. Часто я углублялся въ лѣсъ, но и тамъ бродилъ въ совершенной безопасности. Казалось, будто между мною и страшными для прочихъ жителей обезьянами заключенъ былъ тайный союзъ, который препятствовалъ имъ нападать на меня.

Однажды я сѣлъ отдохнуть подъ высокое кокосовое дерево. Мнѣ слышался шорохъ,

происходящій на самой вершинѣ. Я поднялъ голову и увидѣлъ большую обезьяну, медленно спускающуюся ко мнѣ. Зрѣлище это, которое всякаго другаго привело бы въ ужасъ, нимало меня необеспокоило. Я пристальнѣе сталъ всматриваться, — сердце мое сильно билось.... Я замѣтилъ, что у обезьяны не доставало одной лапы, и всѣ сомнѣнія мои исчезли: это была Туту! Бѣдная тварь меня узнала; она бросилась ко мнѣ, визжала, прыгала и всячески старалась изъяснить свою радость. Я отвѣчалъ на ея ласки и не могъ удержать слезъ, видя ее изувѣченною и вспомнивъ, что привязанность ко мнѣ была причиною ея несчастія. —

Полковникъ немного помолчалъ, и печально взглянулъ на меня. Замѣтивъ; что я растроганъ его рассказомъ, онъ пожалъ мнѣ руку и продолжалъ: — Я увѣренъ, что вы не осудите меня, если я вамъ признаюсь, что встрѣчу эту я считалъ величайшимъ для себя благомъ. Лишенный родителей, разлученный съ родственниками, не имѣя ни друзей, ни знакомыхъ, могъ ли я быть равнодушнымъ къ этому добродушному животному, которое за меня такъ жестоко

пострадало и, не смотря на то, любило меня съ прежнею горячностію?

Всякой день ходилъ я въ лѣсъ для свиданія съ бѣдною Туту: я видѣлъ въ ней единственное существо, принимающее во мнѣ участіе, и привязанность моя къ ней день отъ дня увеличивалась. — Но теперь я приближаюсь къ такой эпохѣ жизни моей, которой воспоминаніе раздираетъ мое сердце... дайте мнѣ время собраться съ духомъ. — — —

Глубокая печаль выражалась въ мужественныхъ чертахъ Полковника; я самъ чрезвычайно былъ тронутъ. — Разсказъ спутника моего перенесъ воображеніе мое какъ будто въ новый міръ, въ которомъ все являлось мнѣ въ странномъ и необыкновенномъ видѣ. При всемъ томъ, взаимная другъ къ другу привязанность Полковника и Туту, для меня была понятна. — Я вспомнилъ, какъ часто случалось мнѣ видѣть, до какой степени можетъ простираться въ человѣкѣ страсть къ лошадямъ, собакамъ, кошкамъ и другимъ животнымъ! И страсть эта, иногда поглощающая священныя чувства родства и дружбы, обыкновенно не основана на тѣхъ побудительныхъ причинахъ, которыя

привязанность Фанъ-деръ К... къ обезьянѣ содѣлывали достойною уваженія. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я продолженія; но Полковникъ весь тотъ день провелъ въ унылой задумчивости; которую прервать не имѣлъ я духу.— Эта ночь еще была безпокойнѣе первой. Я наблюдалъ за нимъ со вниманіемъ; мнѣ казалось, что онъ видитъ предъ собою какой нибудь предметъ, его ужасающій. Онъ что-то говорилъ въ полголоса;—я не могъ различить словъ его, но мнѣ слышалось неоднократно имя его воспитательницы—бѣдной Туту.

На другой день товарищъ мой продолжалъ рассказъ свой такимъ образомъ:

Сколь искренно ни любилъ я добрую Туту, сколь ни казалось для меня утѣшительною привязанность единственного существа въ мірѣ, которое принимало во мнѣ участіе; однако она не могла удовлетворить вполнѣ требованій души моей.—Я достигъ уже тѣхъ лѣтъ, когда сердце юноши начинаетъ биться инымъ противъ прежняго размѣромъ;—когда воркованье горлицы и страстная пѣснь соловья для него становятся понятными;—когда журчанье водъ, шорохъ листьевъ, аромат цвѣтовъ го-

ворять ему языкомъ таинственнымъ и вмѣстѣ съ сладкою тоскою вливають новую, еще неразгаданную жизнь въ алчущую грудь его. И во мнѣ возродились чувства, дотолѣ неизвѣстныя, и волненія одинокаго сердца моего повлекли меня къ людямъ, которыхъ прежде убѣгалъ я упорно!....

На островѣ Борнео, 20-го Феврала, въ день Льва Катанскаго, празднуютъ ежегодно собраніе плодовъ, которые въ это время бываютъ обильнѣе, нежели въ прочія времена года. Въ этотъ день большая часть жителей собирается на берегу моря, на пространномъ лугу, усѣянномъ тѣнистыми деревьями. Съ самага восхожденія солнца молодые люди обоего пола въ прохладной сѣни занимаются разными играми, или при звукѣ музыки кружатся въ веселыхъ пляскахъ. Старики и старухи, сидя на мягкой муравѣ, смотрятъ на веселую безпечность дѣтей своихъ, съ удовольствіемъ вспоминая о протекшей молодости. — Настаетъ время обѣда, и общество раздѣляется на разныя группы. Богатые, разноцвѣтные ковры разстилаются по зеленой нивѣ, и заботливыя

хозяйки разставляютъ привезенные съ собою съѣстные припасы.

Молодые люди посѣщаютъ разсѣянные по всему лугу семейственные круги, и вездѣ ихъ принимаютъ съ непринужденнымъ гостепріимствомъ. — Со всѣхъ сторонъ слышны радостныя пѣсни. Весь тотъ день посвященъ веселости, и вы не увидите ни одного печальнаго лица. — У кого грусть на сердцѣ, тотъ или забываетъ ее на время, или остается дома. Когда солнце начнетъ склоняться къ западу, и вечерняя прохлада разстилается по воздуху; тогда всѣ собираются въ полукругъ; — посреди онаго возвышается высокій гладкій шестъ, на вершинѣ котораго блеститъ вызолоченный деревянный орелъ съ распростертыми крыльями.

Пылкіе юноши, побуждаемые нетерпѣливымъ желаніемъ отличиться, на перерывъ стараются показать свое искусство передъ зрителями, и изъ самопаловъ бросаютъ въ орла тупыя стрѣлы. Вскорѣ орелъ разлетается на части; голова, крылья, ноги, хвостъ упадаютъ на землю и на шестѣ остается крѣпко утвержденное туловище птицы. Тутъ начинаются другаго рода игры. Должно съ одного пріема взлѣсть

на гладкій и зыбкій шестъ, снять съ вершины остатокъ орла и съ нимъ спуститься на землю. Дѣйствіе это требуетъ особенной ловкости и силы, и рѣдко кому удастся. Побѣдитель изъ рукъ прекрасной дѣвушки, при радостномъ крикѣ зрителей, получаетъ вѣнокъ, сплетенный изъ цвѣтовъ и сопровождаемый поцѣлуемъ.

Настало 20-е число Февраля. Съ утра мнѣ не приходило въ голову участвовать въ общемъ праздникѣ. По обыкновенію моему я бродилъ по лѣсу, стараясь разогнать грусть, меня терзавшую. Нечаянно приблизился я къ лугу... Издали слышанъ былъ громкій крикъ и радостныя пѣсни веселящагося народа; во мнѣ родилась мысль идти далѣе. Долго желаніе это боролось съ робостію; наконецъ я рѣшился подойти ближе и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ одной веселой группы. Мнѣ показалось, что приходъ мой изумилъ всѣхъ; — начали шептывать между собою, и я хотѣлъ было возвратиться назадъ въ лѣсъ, — какъ вдругъ одна дама, не молодыхъ уже лѣтъ, отдѣлилась отъ другихъ и подошла ко мнѣ. «Это вы, Фрицъ?» сказала она, взявъ меня за руку, и я узналъ въ ней пріятельницу дома нашего,

которая при жизни матушки, часто у насъ бывала и знала меня въ малолѣтствѣ. Воспоминаніе о доброй моей матери, которая такъ нѣжно насъ всѣхъ любила, и чувство теперешняго моего сиротства и одиночества, меня чрезвычайно растрогали. — Слезы навернулись на глазахъ моихъ; я поцѣловалъ у нея руку и не въ силахъ былъ противиться приглашенію, занять мѣсто въ веселомъ кругу ея семейства. Всѣ приняли меня съ непринужденною учтивостію; — дѣвицы привѣтствовали новаго гостя съ ласковымъ добросердечіемъ; между ними была младшая дочь хозяйки, прелестная Амалія... Ахъ, другъ мой! за чѣмъ жестокая судьба въ тотъ день, противъ воли, привела меня въ кругъ людей, которыхъ до того времени избѣгалъ я по какому-то унылому предчувствію! За чѣмъ взоры мои, при первой встрѣчѣ съ Амаліей, невольно искали ея взоровъ? За чѣмъ голосъ ея, и только одинъ ея голосъ, при первомъ пораженіи слуха моего, привелъ мое сердце въ трепетъ и наполнилъ его неизъяснимымъ чувствомъ сладостной грусти? —

Я сѣлъ подлѣ нея... Мой другъ! вы имѣете чувствительное сердце; вы, вѣрно, любили!

Увольте меня отъ описанія того робкаго недоумѣнія, той сладостной надежды и страстнаго восхищенія, которыя попеременно наполняли и волновали мою душу! Я мало говорилъ съ Амаліей, но мы скоро поняли другъ друга...

Начались обыкновенныя игры. Всѣ собрались въ пространнѣй полукругъ около шеста. Амаліи назначено было вручить вѣнокъ счастливому побѣдителю. Молодые люди, вооруженные самопалами, съ примѣтнымъ рвеніемъ спѣшили окружить шестъ. Я горѣлъ нетерпѣніемъ присоединиться къ нимъ; робость меня удерживала. Одинъ разъ я схватилъ самопаль, но руки мои задрожали, и я принужденъ былъ отдать его другому. Вскорѣ орелъ разлетѣлся на куски. На вершинѣ шеста осталось одно туловище... Счастливецъ, которому удастся его снять, долженъ получить изъ рукъ Амаліи вѣнокъ, сопровождаемый поцѣлуемъ! — Я въ первый разъ видѣлъ Амалію; но кто, кромѣ меня, могъ имѣть право на этотъ вѣнокъ — на этотъ поцѣлуй? Я твердо рѣшился лѣзть на шестъ, — но ноги мои прикованы были къ землѣ. Я внутренно рвался съ досады на самого себя, — но не въ силахъ былъ преодолѣть свою

робость. Между тѣмъ молодой человѣкъ, прекрасный собою, приближается; онъ скидаетъ съ себя кафтанъ, бросаетъ страстный взглядъ на Амалію — и смѣло обѣими руками хватается за шестъ. И я взглянулъ на Амалію — и задрожалъ отъ ревности... Я посмотрѣлъ опять на шестъ; молодой человѣкъ поднимался къ верху... Голова моя закружилась, я блѣднѣлъ и краснѣлъ попеременно... Вотъ ужъ онъ приблизился къ самой вершинѣ; онъ протягиваетъ руку, дотрогивается до орла... Глаза мои затмились, я не могъ смотрѣть долѣе... я ничего не видѣлъ. — Вдругъ раздался крикъ зрителей. Поднимаю глаза... соперникъ мой не могъ удержаться на верху, и быстро скользилъ къ землѣ... Орелъ еще былъ на шестѣ. — Опять я взглянулъ на Амалію и она глядѣла на меня, улыбаясь. Улыбка эта меня оживила; — я страшился, чтобъ кто нибудь другой меня не предупредилъ. Одно мгновеніе — и я стою у шеста; еще одинъ взглядъ на Амалію — и я поднимаюсь къ верху... Чрезъ нѣсколько секундъ достигъ я вершины, снялъ орла и спустился съ нимъ внизъ. — Тутъ встрѣтили меня рукоплесканія зрителей; но они едва касались слуха

моего и не доходили до сердца; оно занято было однимъ только чувствомъ... предощущеніемъ поцѣлуя Амаліи! — Я бросился къ ея ногамъ; она упала въ мои объятія, — мы оба забыли о вѣнкѣ...

Съ этого роковаго вечера началась совершенно новая для меня жизнь. На другое утро рано я былъ уже въ домѣ Амаліи: меня приняли ласково, какъ стариннаго друга, какъ близкаго родственника. Не прошло еще двухъ недѣль, какъ я сдѣлался женихомъ Амаліи; свадьбѣ нашей назначено быть чрезъ два мѣсяца.

Дни протекшаго счастія! Вы, какъ молнія, пролетѣли мимо меня и въ быстромъ полетѣ своемъ навсегда истребили спокойствіе моей души!.. За чѣмъ не разрушили вы и памяти моей? за чѣмъ не увлекли съ собою воспоминанія, что я нѣкогда былъ счастливъ?...

Мой другъ! я дѣйствительно тогда былъ счастливъ. Весь день проводилъ я съ Амаліею, кромѣ нѣсколькихъ минутъ по восхожденіи солнца, посвящаемыхъ той, которая, послѣ Амаліи, для меня всего дороже была въ мірѣ. — Вы отгадаете, что я говорю о бѣдной Туту. Всякое утро ходилъ я въ лѣсъ; всякое утро

Туту меня тамъ встрѣчала. Казалось, что она меня еще болѣе любила съ тѣхъ поръ, какъ я, познакомившись съ Амаліею, не такъ долго, какъ прежде, оставался съ нею. Одна мысль меня тревожила, — одного только не доставало къ совершенному моему благополучію: Амалія не знала связи моей съ Туту, и я не могъ рѣшиться ей о томъ сказать.

Я имѣлъ случай замѣтить, что и она питала такую же ненависть, такое же отвращеніе къ большимъ обезьянамъ, какъ прочіе жители острова Борнео. Однако я ласкалъ себя надеждою, что любовь ея ко мнѣ преодолѣетъ это предубѣжденіе, и при первомъ удобномъ случаѣ намѣренъ былъ поговорить съ нею.

Однажды, когда пришелъ я къ Амаліи, мнѣ показалось, что она не такъ ласково меня приняла, какъ обыкновенно. — Не зная, чему приписать это, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда мы будемъ одни. Она, казалось, и сама того желала, ибо вскорѣ потомъ пошла въ садъ, куда и я за нею послѣдовалъ. Лишь только мы вошли въ уединенную аллею, Амалія обратилась ко мнѣ. «Фрицъ!» сказала она; «мы недавно знакомы другъ съ другомъ, но я

люблю васъ нѣжно, — вы это знаете! Скоро настанетъ день, въ который священный обрядъ долженъ соединить насъ неразрывными узами. Теперь еще время одуматься, — тогда будетъ поздно...»

— Что вы говорите, Амалія? прервалъ я ее съ жаромъ. — Что съ вами сдѣлалось? —

«Выслушайте меня спокойно» отвѣчала она. — «Мы дали слово принадлежать другъ другу; но я скорѣй соглашусь отъ васъ отказаться, нежели быть виною вашего несчастія... Дайте мнѣ договорить, Фрицъ! Я знаю, что вы любите другую...»

У меня не стало терпѣнія ее выслушать. — Амалія! — вскричалъ я — любезная Амалія! Я васъ не понимаю. Кто могъ внушить вамъ такое гнусное мнѣніе обо мнѣ? Какъ! я люблю другую?.. —

«Неоткровенность эта» сказала Амалія со слезами «почти обиднѣе для меня, нежели невѣрность ваша. — Не думайте обманывать меня долѣе; я докажу вамъ, что мнѣ извѣстно все... Я знала, что вы всякое утро одни ходите въ лѣсъ, и любопытство побудило меня стараться узнать, какія вы къ тому имѣете причины. Се-

го дня, еще до свѣта, я уже была близъ дома вашего; солнце взошло и я увидѣла, какъ вы приближались къ лѣсу, — какъ оглядывались на всѣ стороны, опасаясь, чтобъ васъ ктонибудь не примѣтилъ; — я слѣдовала за вами и спряталась за дерево. Ахъ, Фрицъ! я увидѣла, что вы съ нетерпѣніемъ кого-то ожидали; на лицѣ вашемъ написано было безпокойство... Я дрожала, какъ листъ, отъ страха и отъ мучительной неизвѣстности... Наконецъ вы увидѣли кого-то въ дали, и печаль ваша превратилась въ восхищеніе. «Вотъ она!» вскричали вы громко, бросились далѣе въ лѣсъ и скрылись изъ глазъ моихъ... Слово: *она* — открыло мнѣ тайну вашу, Фрицъ!... Вы меня обманули!»

— Милая, любезная Амалія! — вскричалъ я и упалъ къ ея ногамъ. Теперь настала минута совершенно открыть вамъ мое сердце; но не вините меня въ невѣрности! Вы все узнаете... Та, съ которою имѣлъ я сего дня свиданіе, которую посѣщаю всякое утро въ лѣсу, не женщина! —

«Что вы говорите, Фрицъ? Возможно ли?»

— Точно такъ, любезная Амалія! Выслу-

шайте меня съ терпѣніемъ; давно желалъ я открыть вамъ эту тайну. —

Мой другъ! мы сѣли на дерновую скамью, и я рассказалъ Амаліи происшествія жизни моей съ того времени, какъ обезьяны меня похитили и утащили въ лѣсъ. — Я старался описать ей живѣйшими красками всѣ добрыя качества Туту, чтобъ возбудить въ ней участіе къ бѣдной этой твари. Я не могъ удержаться отъ слезъ, когда говорилъ о томъ, какъ она пострадала за привязанность свою ко мнѣ; наконецъ я рассказалъ, какъ послѣ долговременной разлуки, мы опять увидѣлись, — какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Туту была единственнымъ предметомъ, наполнявшимъ мое сердце. — О Амалія! сказалъ я, кончивъ мой рассказъ: вы добры и чувствительны; вы не пожелаете, чтобъ я заплатилъ гнусною неблагодарностію за оказанныя мнѣ благодѣянія и любовь; вы не будете препятствовать моимъ свиданіямъ съ Туту, а можетъ быть, со временемъ, я столько буду счастливъ, что вы согласитесь ее видѣть. Нѣжная, добрая Туту достойна любви вашей. —

«Нѣтъ!» вскричала Амалія, съ ужасомъ

вскочивъ съ скамейки. «Нѣтъ, Фрицъ! это уже слишкомъ много. Видѣть вашу Туту?... Я думаю, я умерла бы отъ страха. — Фрицъ!» — продолжала она, замѣтивъ мое смущеніе — «разсказъ вашъ такъ меня поразилъ, что я не знаю, что вамъ отвѣчать. Дайте мнѣ опомниться; — я должна собраться съ мыслями, съ духомъ... Прошу васъ, оставьте меня сегодня одну. Завтра мы будемъ продолжать разговоръ нашъ. Я, право, думаю, что я нездорова, — мнѣ надобно отдохнуть.»

Я не могъ выговорить ни слова; поцѣловалъ у нея руку и тихими шагами пошелъ домой. — Мой другъ! это былъ послѣдній поцѣлуй, послѣднее свиданіе мое съ Амаліею...

Нѣсколько часовъ спустя послѣ того, мнѣ принесли записку отъ Амаліи. Записка эта — я долженъ признаться — дышала любовію; но между тѣмъ Амалія требовала, — рѣшительно требовала, чтобъ я совсѣмъ отказался отъ Туту... Она описывала мнѣ ужасъ и омерзѣніе, которые съ малыхъ лѣтъ ей внушены были къ этимъ обезьянамъ. «Никогда» — говорила она — «никогда, Фрицъ, я не буду въ силахъ равнодушно смотрѣть на эту связь. Вся-

кой разъ, когда ты отъ меня удалишься, я буду думать, что ты спѣшишь къ Туту, которая, не смотря на романическую твою привязанность, все таки не что иное, какъ гнусная обезьяна! — Одну изъ насъ ты долженъ непременно оставить! Избирай между нами... Если ты хотя немного меня любишь, Фрицъ, то выборъ этотъ для тебя не будетъ затруднителенъ. Неужели ты промѣняешь меня на обезьяну?»

Мой другъ! Вамъ извѣстно, чѣмъ я былъ обязанъ бѣдной Туту; — скажите, могъ ли я согласиться на то, чтобы ее покинуть?... Но я страстно любилъ Амалію; представьте же, въ какомъ я находился положеніи! — Я бросился въ домъ Амаліи; тамъ приняла меня ея мать. Я все знаю — сказала она; — говорите, на что вы рѣшились? «Я пришелъ просить Амалію сжалиться надъ бѣдною Туту!»... — Государь мой! отвѣчала она: еслибъ дочь моя была столько слаба, что согласилась бы дѣлить любовь вашу съ обезьяною, то я бы до того не допустила. Чего не должна я опасаться впередъ, когда и теперь уже вы для невѣсты не можете пожертвовать такою мерзкою

тварью? Нѣтъ, государь мой! вы не увидите съ Амаліей до тѣхъ поръ, пока не дадите честнаго слова, что связь ваша съ обезьяной навсегда прекратилась? — Она ушла, а я съ отчаяніемъ въ сердцѣ возвратился домой.

Остатокъ дня того провелъ я въ мучительномъ безпокойствѣ. Сдѣлаться неблагодарнымъ, противъ моей воспитательницы, мнѣ казалось не возможнымъ; да и какъ могъ я ее оставить? — Я твердо былъ увѣренъ, что Туту, какъ скоро я прекращу свиданья наши, рѣшится выйти изъ лѣсу; — и тогда она подвергнется неминуемой гибели... Съ другой стороны, какъ могъ я отказаться отъ Амаліи, которую любилъ я страстно, которую неоднократно клялся любить вѣчно?... Ахъ, другъ мой! я былъ въ ужаснѣйшемъ положеніи!

Во всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ ни на одну минуту. — Рано поутру, лишь только солнце озарило островъ, я всталъ съ своего ложа, по обыкновенію моему накинулъ ружье на плечо и пошелъ въ лѣсъ. Тамъ встрѣтила меня Туту. Бѣдная Туту старалась веселыми прыжками и ужимками показать, какъ она рада была меня видѣть! Но я стоялъ передъ нею,

какъ вкопанный, съ поникшею головою. Туту не привыкла видѣть меня въ такомъ положеніи; она еще болѣе начала ко мнѣ ласкаться и нечаянно дернула лапою за шнурокъ, на которомъ висѣлъ у меня на шеѣ портретъ Амаліи; — онъ упалъ на землю... Мой другъ! я взглянулъ на прелестныя черты ея; потомъ невольно посмотрѣлъ на Туту, и въ эту минуту Амалія въ сердцѣ моемъ взяла верхъ надъ обезьяною. Я поднялъ портретъ и въ первый разъ въ жизни оттолкнулъ отъ себя Туту; потомъ отворотился отъ нея и хотѣлъ выйти изъ лѣсу. Я намѣренъ былъ идти къ Амаліи. — Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я оглянулся... Туту тихонько шла за мною; я закричалъ на нее съ досадою, — еще сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, — опять оглянулся и увидѣлъ, что она все за мною слѣдуетъ... Тутъ бѣшенство овладѣло мною... Я представилъ себѣ, что она въ состояніи сыскать меня даже у Амаліи... Мысли мои помутились... Я самъ не зналъ, что дѣлалъ. — Ружье было заряжено; — одно мгновеніе — раздался выстрѣлъ... бѣдная Туту пала къ ногамъ моимъ, — и я въ тоже время упалъ на землю, лишенный памяти...

Не знаю, сколько времени продолжался мой обморокъ. — Когда я пришелъ опять въ себя, Туту лежала подлѣ меня, плавая въ крови. Угасающій взоръ ея встрѣтился съ моимъ взоромъ... Я бросился къ ней, чтобъ перевязать ея рану. Увы! уже было поздно! Она еще разъ полизала мою руку — руку своего убійцы, и умерла въ моихъ объятіяхъ. — Тутъ Фуріи отчаянія овладѣли мною... Я убилъ благодѣтельницу мою, вторую мою мать!... Я ожидалъ, что земля разверзется подо мною; я недостойнъ былъ жить на свѣтѣ. — Сердце мое наполнилось ненавистью къ Амаліи; я стыдился и вмѣстѣ ненавидѣлъ всѣхъ. Мнѣ показалось страшно быть въ отцовскомъ домѣ: я боялся, чтобъ онъ не обрушился надъ моею головою. — Все меня пугало, — все внушало мнѣ ужасъ. Куда ни бросалъ я взоры, умирающая Туту представлялась моимъ глазамъ; вездѣ я слышалъ ея голосъ... На другой день я отправился на Французскомъ кораблѣ въ Европу. —

Не буду рассказывать вамъ подробно дальнейшихъ походовъ моей жизни... Я вступилъ въ службу Французской республики, надеясь въ пылу кровавыхъ битвъ забыть Туту

и заглушить упреки совѣсти моей. Я искалъ смерти, но она упорно меня убѣгала... Вездѣ, вездѣ тѣнь убитой Туту меня преслѣдовала! Въ пылу сраженія, когда пули летали мимо ушей моихъ, свистъ ихъ казался мнѣ визгомъ бѣдной обезьяны. — Ночью, когда товарищи отдыхали на бивакахъ около огня, я одинъ лежалъ съ открытыми глазами; образъ Туту показывался мнѣ и въ темной дали, и въ дыму, клубящемся надъ огнемъ бивакъ, и въ уединенномъ облакѣ, отдѣляющемся отъ темнаго неба. Когда утомленные вѣжди мои смыкались, — я незапно пробуждался и видѣлъ лежащую подлѣ меня Туту, плавающую въ крови и лижущую мои руки... Ахъ, мой другъ! вы мнѣ, вѣрно, не повѣрите — да и собственный мой разумъ тому противится, — но я не могу не думать, что тѣнь, меня преслѣдующая, есть тѣнь моей бѣдной Туту. Иногда, особливо въ глухую полночь, я вижу ясно образъ моей Туту; я ощущаю ея ласки; — мнѣ кажется... нѣтъ! мнѣ не кажется, а я точно чувствую, что она лижетъ мою кровожадную руку. — — —

Такъ кончилъ рассказъ Полковникъ Фанъ-

деръ К... — Я не отвѣчалъ ему ни слова. Тогда день клонился къ вечеру и мнѣ самому показалось, что кромѣ насъ обоихъ, въ каретѣ находится еще третье существо, котораго глаза мои различить не могли. — Настала полночь и мнѣ слышалось, что кто-то царапаетъ по стеклу окна... Я прижался въ уголъ, закрылъ глаза; однако заснуть не могъ. — Во всю ночь тяжкіе вздохи Полковника и визгъ бѣдной Туту, раздавались въ ушахъ моихъ.

На другой день, рано по утру, мы прибыли въ Петербургъ; я расстался съ Фанъ-деръ-К... и съ тѣхъ поръ не видалъ его. — Говорятъ, что онъ вскорѣ потомъ поѣхалъ въ Новую Голландію, гдѣ съѣденъ былъ дикими... Миръ тѣни его! Лучше быть съѣдену дикими, нежели мучиться угрызеніями совѣсти. —

—

«Разсказанную вами теперь повѣсть» сказалъ я Двойнику «охуждать я не буду, какъ изъ свойственной мнѣ учтивости, такъ и потому, что она дѣйствительно показалась мнѣ довольно занимательною. При всемъ томъ,

не могу не замѣтить, что всѣ рассказы ваши немного отзываются какою-то оригинальностью, которая не всякому понравится. Намѣднн говорили вы о Графѣ, который помѣшался въ умѣ отъ того, что влюбился въ куклу. А теперь и того лучше... Полковникъ, — военный человѣкъ, привыкшій къ ужасамъ войны, — сходить съ ума отъ того, что когда-то застрѣлил обезьяну!... Воля ваша, почтенный Двойникъ, а такія происшествія что-то не въ природѣ!»

— Не въ природѣ? вскричалъ Двойникъ: я вижу, любезный Антоній, что вы не очень внимательно наблюдали природу человѣка. Нѣтъ дѣяній столь безумнаго, до котораго не могъ бы доведенъ быть человѣкъ, не умѣющій обуздать своего воображенія... Это говорю я относительно похожденій Графа N. — Что же касается до Полковника Фанъ-деръ K..., то безуміе его (если такъ назвать это можно) происходило отъ иныхъ причинъ. Фанъ-деръ K... мучила совѣсть — этотъ вѣрный и строгій Аргусъ, котораго сто глазъ бдительно надсматриваютъ за всѣми поступками нашими, пока мы сами не усыпили его. Страданія Пол-

ковника проистекали отъ неблагодарности его къ Туту; — а неблагодарность, любезный Антоній, есть преступленіе, столь гнусное, что чувствительный человѣкъ, имѣвшій несчастіе поступить такъ безчеловѣчно съ благодѣтельницей своей — хотя бы она была и обезьяна, — никогда не можетъ быть покоенъ, если не найдетъ средствъ загладить вину свою! Въ свѣтѣ, на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ людей неблагодарныхъ; но порокъ этотъ отъ того не менѣе гнусенъ, что онъ обыкновененъ. —

«Согласенъ, почтенный Двойникъ, что смотря съ этой точки на мученіе Фанъ-деръ К..., ихъ понять не трудно. Не буду спорить съ вами также и о томъ, что неблагодарность часто въ свѣтѣ встрѣчается. Но согласитесь же и вы со мною, что, съ другой стороны, столь же не рѣдко встрѣчаемъ мы людей, требующихъ благодарности, не имѣя ни малѣйшаго на то права. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ слышать упреки въ неблагодарности, и я часто удивлялся безстыдству нѣкоторыхъ людей, кои или требуютъ неистощимой признательности за самыя маловажныя услуги, или даже называютъ себя благодѣтелями за то, что въ

такомъ-то случаѣ не столько намъ вредили, сколько, по мнѣнію ихъ, они имѣли къ тому возможности!»...

— И то и другое не хорошо, любезный Антоній; и для того-то поставьте себѣ за правило: за оказанныя вамъ благодѣянія или услуги считайте себя вѣчнымъ должникомъ, хотя бы вы имѣли счастье воздать за оныя во сто кратъ; — собственныя же ваши услуги и благодѣянія, какъ бы онѣ ни были велики, считайте всегда бездѣлками. — Но пора намъ разстаться; мы сего дня просидѣли долѣе обыкновеннаго. —

«Прощайте, почтенный Двойникъ! Если бъ вы не такъ устали, то я бы желалъ узнать отъ васъ: въ самомъ ли дѣлѣ обезьяны на островѣ Борнео таковы, какъ изображаетъ ихъ Фанъ-деръ К...?»

— Охотно удовлетворю ваше любопытство. Но оставимъ до зав... тра... э... тотъ... раз... го... воръ... Про... щай... те!... —

Двойникъ исчезъ, — и послѣднія слова его такъ уже были невняты, что я до сихъ поръ еще не знаю, точно ли онъ ихъ произнесъ, или мнѣ только такъ показалось.

Конецъ.

такого-то случая не только нам, а и

суду, по мнению их, они были не

в состоянии...

— И то я думаю не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

тогда и так-то не только, но и

МАГНЕТИЗЁРЪ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА.)

ГЛАВА I.

Пермской губерніи, въ городѣ Екатеринбургѣ, въ одномъ домѣ — котораго мѣстоположеніе по извѣстнымъ мнѣ причинамъ я означить не намѣренъ, — ввечеру часу въ восьмомъ, на большомъ четвероугольномъ столѣ, покрытомъ Ярославскою алою съ бѣлыми узорами скатертью, дымился огромный самоваръ изъ красной мѣди. На самоварѣ стоялъ большой серебряный чайникъ старинной чеканной работы, съ выгнутымъ круглымъ носикомъ. Подлѣ самовара, на большомъ овальномъ жестяномъ подносѣ, на которомъ довольно искусно изобра-

жено было красками изгнаніе изъ рая Адама и Евы, установлено было нѣсколько чашекъ бѣлаго фарфора, съ нарисованными на нихъ тюльпанами, незабудками и розами. Тутъ же, подлѣ фарфороваго молочника съ густыми желтыми сливками, лежало ситечко изъ плоской серебряной проволоки. Немного подалше, блестящій хрустальный графинъ, съ лучшимъ Ямайскимъ ромомъ, стоялъ подлѣ серебрянаго стакана, въ которомъ вправлены были Русскія медали, выбитыя въ память различныхъ знаменитыхъ произшествій. Большая серебряная корзина рѣзной работы наполнена была сухарями.

Всѣ сіи предметы освѣщены были двумя сальными свѣчами въ серебряныхъ шандалахъ, а самый столъ, на которомъ все это было разставлено, стоялъ передъ диваномъ краснаго дерева, обтянутымъ чернымъ сафьяномъ, въ иныхъ мѣстахъ немного потертымъ, и обитымъ гвоздичками съ круглыми мѣдными головками.

На диванѣ противъ самовара сидѣла женщина среднихъ лѣтъ, довольно дородная. Брови у нея были черныя дугою, глаза большіе голубые, обыкновенно потупленные въ землю,

что придавало ей видъ скромности. Голова ея была повязана голубымъ шелковымъ платкомъ съ бахромчатою каймою, уши украшены длинными сергами изъ мѣлкаго жемчугу. На плеча накинута былъ черный атласный салопъ съ воротникомъ, обшитымъ широкими кружевами. Подлѣ нея, противъ серебрянаго стакана, сидѣлъ мужчина лѣтъ пятидесяти, въ кафтанѣ изъ тонкаго синяго сукна: на груди его, изъ подъ широко-разчесанной темнорусой бороды, свѣтлѣлась золотая медаль на алой лентѣ; красный носовой платокъ съ синими полосками и Тульская серебряная табакерка съ чернью лежали подлѣ него на диванѣ. Въ рукахъ держалъ онъ тоненькую книжку въ цвѣтной оберткѣ, и казалось, читалъ съ большимъ вниманіемъ.

Противъ нихъ на стулѣ сидѣла молодая прекрасная дѣвушка лѣтъ девятнадцати. Она одѣта была просто — впрочемъ по новѣйшей модѣ; но въ ушахъ ея блистали брилліанты высокой цѣны, лилейная шея украшалась нѣсколькими рядами крупнаго, ровнаго жемчугу, а длинные каштановые волосы сдерживаемы были на головѣ гребнемъ, драгоценными ка-

меньями украшеннымъ. Всѣ приемы и вообще наружность ея показывали тонкую образованность, приобретаемую въ обществахъ Петербурга и Москвы. Увидѣвъ ее въ настоящемъ положеніи, иной подумалъ бы, что она въ глухой Сибирскій край и въ этотъ домъ перенесена изъ столицы какою нибудь волшебною силою. Она погружена была въ задумчивость и не замѣчала нѣжныхъ взглядовъ, бросаемыхъ на нее отъ времени до времени дородною женщиною, которая, казалось, любовалась ея красотою. Внимательный наблюдатель тотчасъ узналъ бы въ этихъ двухъ особахъ мать и дочь.

— «Полно тебѣ читать, Анисимъ Аникѣвичъ,» сказала дородная женщина. «Ужъ мнѣ, право, эти Петербургскіе журналы!... Какъ прійдетъ почта, такъ дня два къ нему и приступу нѣтъ. Смотри, ужъ самоваръ скоро выкипитъ; чай настоялся, какъ пиво доброе, а ты и не принимался еще пить!

— «Тотчасъ, Гавриловна!» — вымолвилъ Анисимъ Аникѣвичъ, не сводя глазъ съ книжки и подавая ей серебряный стаканъ. —

«Пашенька», продолжалъ онъ, «сочкни-ка со свѣчки.»

Молодая дѣвушка поспѣшила исполнить его приказаніе. «Вѣрно что-нибудь интересное, батюшка!» сказала она.

— «Да такое интересное,» — отвѣчалъ съ жаромъ Анисимъ Аникѣевичъ, положивъ на диванъ раскрытую книгу, а на нее серебряную табакерку съ чернью, — «такое интересное, что я отъ-роду не слыхивалъ, да и во снѣ мнѣ не грѣзилось! —

— «Ахъ, мои матушки!» вскричала Степанида Гавриловна: «ужь не опять ли было наводненіе въ Питерѣ?»

— «Не наводненіе, матушка, а наважденіе, если это, прости Господи, не враки! Дѣло идетъ о какомъ-то Магнетизмѣ. Слыхала ли ты про него, когда была въ Петербургѣ, Пашенька?» —

Пашенька вздрогнула, какъ будто вспомнила о чемъ-то страшномъ и отвратительномъ. «Слыхала, батюшка!» сказала она въ полголоса.

— «Разсказывай, что такое?» — вскричалъ Анисимъ Аникѣевичъ, и опять поставилъ на

столь серебряный стаканъ, поднесенный уже къ губамъ.

«Года четыре тому назадъ», начала рассказывать Пашенька, «когда только-что взяли меня изъ пансіона, я часто бывала въ домъ Графини N^{***}. У нихъ была горничная дѣвушка, которая вдругъ впала въ странную и необыкновенную болѣзнь. Звали ее Катериной. Катерина, сначала рѣдко, потомъ чаще, наконецъ раза два или три въ день получала припадки, во время которыхъ она плакала, смѣялась, говорила, Богъ знаетъ что, чего послѣ сама никакъ не помнила! Припадки эти оканчивались обыкновенно конвульсіями...

— «А что это такое, конвульсіи?» спросила Степанида Гавриловна.

— «Конвульсіи,» отвѣчалъ Анисимъ Анисимовичъ съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ, — «не-что иное какъ кривлянья, — вотъ какъ ты кривляешься, когда страдаешь животомъ...

— «Конвульсіи не то, что кривлянье», подхватила Паша, вступая за мать: «это родъ судорогъ... —

— «Знаю, мой другъ, знаю,» прервалъ ее отецъ, качая головою. «Продолжай, Пашенька».

— «Припадки Катерины обыкновенно оканчивались конвульсіями, на которыя страшно было смотрѣть! Мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть эти конвульсіи и отъ одного воспоминанія у меня на головѣ волосы шевелятся! Вообразите себѣ, батюшка, что въ продолженіе этихъ конвульсій двое мужчинъ не въ состояніи были ее удержать; она такъ изгибалась, что никто не могъ смотрѣть на нее безъ ужаса! — Иногда голова ея заворачивалась назадъ, такъ, что сходилась почти съ ногами...

— «Упаси Господи!» вскричала Гавриловна. «Пашенька! да она вѣрно была бѣспнующаяся?»

— «И въ Петербургѣ многіе такъ полагали,» — сказала Паша.

— «Вотъ видишь, Анисимъ!» опять вскричала Гавриловна: «стало быть, я еще не совсемъ пошлая дура! И въ Петербургѣ вѣрятъ бѣспнующимся...

— «Ахъ, матушка! кто говоритъ, что ты дура?» — сказалъ съ досадою Аникѣевичъ. — «Я знаю, что ты умна, черезъ чуръ умна! (Надоѣла, какъ горькая рѣдка, проворчалъ онъ себѣ подъ-носъ). Продолжай, Пашенька!

«Лучшіе Петербургскіе Доктора сѣзжались

въ домъ Графини N** и увѣряли, что это не что иное, какъ нервическіе припадки, истерика; но никто между тѣмъ не въ силахъ былъ помочь Катеринѣ. День отъ дня припадки становились чаще и сильнѣе, не смотря на капли, порошки и ванны. Графиня наконецъ согласилась призвать одну извѣстную ворожею, которая тогда жила въ Коломнѣ у Харламова моста. Она пріѣхала, много говорила, выпила нѣсколько чашекъ кофею и обѣщалась непременно вылечить больную. Во время припадка, она надъ нею шептала, на нее плевала, чѣмъ-то ее опрыскивала; а бѣдной Катеринѣ все-таки не дѣлалось лучше! Наконецъ прогнали ворожею и опять принялись за докторскія капли, которыя, впрочемъ, по прежнему, нимало не помогали. Въ то время пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Неаполя одинъ Итальянецъ, Маркизь, и принятъ былъ въ лучшія общества. Онъ посѣщалъ и домъ Графини. Однажды случайно упомянули о болѣзни Катерины... Маркизь слушалъ рассказъ о ней съ необычайнымъ вниманіемъ. — «Нельзя ли видѣть вашу больную?» сказалъ онъ наконецъ. — «Для чего?» спросила Графиня. — «Можетъ быть я въ силахъ ей помочь,» отвѣ-

чалъ Маркизь. Графиня сначала не знала, на что рѣшиться; но не находя никакого препятствія въ исполненіи желанія Маркиза, согласилась на оное и сама повела его къ Катеринѣ. Они вошли къ ней въ самую ту минуту, какъ больная изнемогала отъ мученій одного изъ ужаснѣйшихъ ея припадковъ. Случайно я была тогда у нея. Маркизь, при входѣ въ комнату, устремилъ проницательный взоръ свой прямо на больную, подошелъ къ кровати, схватилъ руку — и больная задрожала, потомъ успокоилась; всѣ члены ея пришли опять въ естественное свое положеніе; она нѣсколько разъ тяжело вздохнула, послѣ того открыла глаза... Конвульсіи совершенно прекратились и въ тотъ день она была здорова, хотя очень слаба. Видъ этого Итальянца, съ перваго на него взгляда, сдѣлалъ непріятное на меня впечатлѣніе; но когда увидѣла я, что онъ однимъ наложеніемъ руки своей прекратилъ страданія бѣдной Катерины, то я не могла удержаться отъ невольнаго восклицанія. Маркизь вдругъ повертилъ голову ко мнѣ... изъ черныхъ, пламенныхъ глазъ своихъ онъ бросилъ на меня взоръ... мнѣ показалось, что взоръ этотъ осуществился и въ

видѣ огненной стрѣлы вонзился въ мое сердце. Я почувствовала невольный страхъ; я почувствовала, что ноги мои подгибаются и чрезъ силу могла выйти изъ комнаты».

Пашенька замолчала, робко оглянулась на всѣ стороны, и казалось, какъ будто чего-то страшилась... — «Что жь, вылечилъ ли онъ Катерину?» — спросила Степанида Гавриловна, не замѣчая смущенія дочери.

Паша вздрогнула и отвѣчала тихо: «Говорятъ, что онъ ее совсѣмъ вылечилъ; но за то я страдала долгое время послѣ того...

— «Какъ? чѣмъ? Мы объ этомъ ничего не знали!» — вскричали въ одинъ голосъ отецъ и мать.

— «Болѣзнь эта не препятствовала мнѣ писать къ вамъ съ каждою почтою,» продолжала Пашенька, «и я не хотѣла васъ беспокоить. Впрочемъ тогдашнее положеніе мое не совсѣмъ можно назвать болѣзнію, хотя страданія мои были чрезмѣрны. Я не могла безъ содраганія думать о Маркизѣ; но въ иное время мнѣ на-противъ того казалось, что онъ одинъ можетъ избавить меня отъ этой несносной тоски, отъ этого неизъяснимаго унынія, которыя иногда

совсѣмъ неожиданно и непонятнымъ для меня образомъ, пробуждались въ душѣ моей и терзали ее. Я не могу описать тогдашнихъ ощущеній моихъ; но увѣряю васъ, что и теперь еще, при одномъ воспоминаніи, на меня находитъ ужасъ. —

— «Плюнь на дьявола!» — вскричала Степанида Гавриловна, и при сихъ словахъ сама плюнула въ сторону.

— «Перекрестись, Пашенька!» сказалъ Анисимъ Аникѣевичъ, и самъ перекрестился.

Паша то же перекрестилась съ сердечнымъ умиленіемъ; потомъ, смиренно сложивъ руки и устремивъ взоръ прямо предъ собою, продолжала начатый разговоръ: «Припадки эти дѣлались со мною рѣже, когда въ слѣдующую послѣ того весну, мы поѣхали въ Ревель. Прелестныя мѣстоположенія, блagоразтворенный воздухъ, веселое общество, можетъ быть и купанье въ морѣ, меня разсѣяли; и я возвратилась въ Петербургъ, совершенно выздоровѣвъ. Вскорѣ послѣ того я отправилась въ Екатеринбургъ, къ вамъ, любезные родители, и здѣсь до нынѣшняго вечера не чувствовала никакихъ признаковъ прежней болѣзни. Теперь только,

кажется, какъ будто чувствую что-то похожее на тогдашнее мое положеніе. Но надѣюсь, что это пройдетъ къ завтраму. Меня клонитъ сонъ; позвольте мнѣ пожелать вамъ покойной ночи.»

Паша встала со стула, поцѣловала руку у батюшки и у матушки, которые благословили ее, и отправилась въ свою комнату въ сопровожденіи встревоженной матери.

Анисимъ Аникѣвичъ въ глубокомъ раздумьи остался на диванѣ. Нѣсколько времени спустя послѣ того, вошла опять Гавриловна: «Проклятые журналы!» сказала она, входя въ комнату. «Если бъ ты не говорилъ объ этомъ Магатизѣ или, какъ его зовутъ, то и Пашенька бы не занемогла...»

— «Полно браниться, Гавриловна!» отвѣчалъ ей мужъ: «у меня не то на умѣ! Какова Пашенька? —

— «Пашенька, слава Богу, заснула, только что легла въ постель; однако дай же мнѣ договорить.

— «Такъ и намъ спать пора,» — прервалъ ее Анисимъ Аникѣвичъ. — «Помолись-ка Богу, да ложись!» —

Они пошли въ спальню. Степанида Гавриловна давно уже храпѣла, когда Анисимъ Анискѣвичъ все еще стоялъ передъ кивотомъ и клалъ поклоны Николаю Чудотворцу.

ГЛАВА П.

Анисимъ Аникѣевичъ Фесюринъ родился въ Москвѣ. Отецъ его — хозяинъ мѣлочной лавочки въ Нѣмецкой слободѣ, — по мѣрѣ возможности старался дать ему хорошее воспитаніе, и на восьмомъ еще году началъ посылать его въ народное училище. Анисимъ былъ мальчикъ смышленной и прилежный, и потому въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ научился всему, чему въ то время можно было научиться въ народныхъ училищахъ; онъ читалъ и писалъ хорошо и зналъ Ариѳметику до тройнаго правила. Притомъ онъ былъ добронравенъ, проворенъ и дѣятеленъ, и потому сдѣлался весьма полез-

нымъ отцу своему, который ввѣрилъ ему всю счетную часть по небольшой своей торговлѣ. Замѣтили даже, что съ тѣхъ поръ, какъ пригожій, краснощекой Аниска (у котораго шелковыя кудри, въ кружокъ остриженные, всегда были порядочно вычесаны, лице и руки умыты, а синій кафтанъ не замаранъ ни пухомъ, ни саломъ) сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой лавочкѣ, число покупателей значительно умножилось. Всѣ кухарки изъ сосѣдства брали соленые огурцы и квасъ охотнѣе у него, чѣмъ у другихъ, а горничныя дѣвушки сахаръ и кофе, у него покупаемый, предпочитали всякому другому. Аниска, такъ сказать, вошелъ въ моду; а когда въ послѣдствіи мягкій пушокъ пробился на верхней губѣ его и глаза ярче начали свѣтиться, то число покупательницъ отъ того не уменьшилось: напротивъ того многія изъ сосѣдственныхъ барынь гораздо чаще стали бранить своихъ дѣвушекъ за безпрестанное бѣганье въ лавочку. Барыни не подозрѣвали, что причиною всѣхъ сихъ домашнихъ безпорядковъ былъ нашъ Аниска, котораго тогда нѣкоторыя начинали уже чѣстить Анисимомъ Анискѣвичемъ.

По улицѣ, гдѣ была лавочка Анисима, часто проходилъ одинъ разнощикъ, торговавшій старыми книгами, и всякой разъ заходилъ въ эту лавочку. Анисимъ всегда былъ ему радъ, потому что разнощикъ позволялъ ему перелистывать книги, между тѣмъ какъ самъ, разположившись на скамьѣ, лакомился кусочкомъ паисной икры или балыкомъ. Такимъ образомъ въ Анисимѣ возбудилась охота къ чтенію и онъ часто съ сожалѣніемъ помышлялъ о томъ, какъ бы для него пріятно было, если бъ отецъ его, вмѣсто мѣлочной лавки, имѣлъ книжную. Отъ прозорливыхъ глазъ букиниста не скрылась сія охота Анисима и онъ разговорами своими еще болѣе возпламенялъ воображеніе молодого лавочника, стараясь переманить его къ себѣ въ товарищи. Отецъ Анисима имѣлъ довольно хорошее состояніе, и букинисту весьма выгоднымъ казалось найти въ Анисимѣ не только дѣятельнаго товарища, но и средства къ разпространенію небольшой своей торговли....

НОВАЯ ТЯЖБА О БУКВѢ Ъ.

JOHN TERRY O'NEILL

Пребываніе Барона Гумбольдта въ Россіи есть важная эпоха въ воспоминаніяхъ нашего просвѣщенія. Мы видѣли въ немъ высокій примѣръ истинно ученаго и образованнаго чело-вѣка, который, посвятя жизнь и всѣ способно-сти свои на изученіе и развитіе одной изъ от-раслей человѣческихъ познаній, не чуждается всѣхъ другихъ отраслей и любопытнымъ взгля-домъ окидываетъ всѣ запросы, любопытные для ума человѣческаго вообще, и для ума на-роднаго частно. Всеобъемность размышленій и разговоровъ его изумительна. Вѣроятно, никто лучше его не знаетъ науки, избранной имъ

цѣлью постоянныхъ усилій своихъ, и никто короче его не знаетъ Вселенны. Въ этомъ выраженіи нѣтъ увеличенія.

Съ равною свободою, съ равнымъ свѣдѣніемъ будетъ онъ вамъ говорить о тайнствахъ подземнаго міра, объ обширныхъ подробностяхъ пустыни Новаго Свѣта и о мѣлкихъ, но блестящихъ частностяхъ гостинныхъ Парижскихъ, въ которыхъ жизнь стѣсняется въ ограниченный, но не менѣе того любопытный кругъ; о духѣ младенствующаго человѣчества и о распрѣ классицизма съ романтизмомъ между Бауръ-Лорміаномъ и Викторомъ Гюго. Въ Россіи, столь еще богатой для наблюденій разнообразныхъ, столь еще свѣжей для изысканій, открылось обширное поле предъ испытательнымъ умомъ его. Языкъ, сіе живое знаменіе бытія народа, языкъ нашъ, столь незнакомый чужестранцамъ, столь мало знакомый намъ самимъ, долженъ былъ обратить на себя вниманіе ученаго Путешественника, слышавшаго на вѣку своемъ звуки языковъ большей части міра извѣстнаго: въ краткое пребываніе свое у насъ онъ учился ему. Особенности его подвергались изслѣдованіямъ его: буква ъ имѣла эту участь.

Однажды въ Петербургѣ, въ одномъ домѣ, изъ-явилъ онъ мнѣніе свое о безполезности существованія ея въ нашей азбукѣ. Одинъ изъ присутствовавшихъ написалъ къ нему на другой день челобитную отъ буквы з, на Французскомъ языкѣ, но самъ скрылъ свое имя, такъ, что Баронъ Гумбольдтъ и не узналъ его, но по своимъ соображеніямъ отвѣчалъ на полученную грамоту къ другому лицу, которое почиталъ Авторомъ ея. Надѣясь на снисходительное разрѣшеніе обоихъ Писателей, предлагаемъ читателямъ нашимъ сію маленькую тяжбу, которая тѣмъ занимательнѣе, что возникла между свѣтскими учеными въ Петербургской гостиной, на сценѣ, въ которой мало заботятся у насъ о буквахъ з и ь и вообще о Рускихъ письменахъ.

ПИСЬМО КЪ БАРОНУ ГУМБОЛЬДТУ.

Милостивый Государь!

Слава, которую глубокія и разнообразныя познанія и важныя творенія ваши доставили вамъ, была не чужда намъ задолго до вашего прибытія въ Россію; и удивленіе, встрѣтившее васъ на всемъ пространствѣ сей Имперіи, было

только однимъ изъ старинныхъ завоеваній обширнаго вашего ума. Сіе чувствованіе, казалось, уже достигло высшей степени; но совсѣмъ тѣмъ, личныя ваши достоинства еще болѣе усилили оное: ваша снисходительность, ваша обязательная вѣжливость, ваше свободное и блестящее краснорѣчіе, родили во всѣхъ, имѣвшихъ честь узнать васъ, искреннее уваженіе и привязанность, кои, можетъ быть, лестнѣе самаго удивленія.

Для чего, Милостивый Государь, изъ среды сихъ единодушныхъ кликовъ восхищенія столь заслуженнаго, долженъ возвыситься голосъ, обвиняющій васъ въ несправедливости, голосъ существа, коего преклонныя лѣта должны были задобрить ваше снисхожденіе и коего старинныя заслуги пріобрѣли право на уваженіе общее? Увы, Милостивый Государь! это существо... я! — Считаю себя въ правѣ жаловаться на васъ, и въ тяжелой моей горести, мнѣ остается одно только утѣшеніе: надежда, что узнавъ меня покороче, вы разкаетесь въ нанесенной мнѣ обидѣ, и что великодушнымъ покровительствомъ вашимъ замѣните ту непріязнь, которую повидимому ко мнѣ питаете. Удостои-

те выслушать мое оправданіе, и да не помѣшаетъ вамъ моя мнимая незначительность внимательно склонить ко мнѣ слухъ вашъ.

Я буква ъ, и занимаю довольно важное мѣсто въ Руской азбукѣ. Около десяти вѣковъ протекло со дня моего рожденія, и никто не осмѣливался отвергать дѣйствительность мою и оспаривать тѣ заслуги, кои оказала я и донынѣ оказываю Россійскому языку. Только въ изходѣ минувшаго столѣтія нѣкоторые безвѣстные вводители новизны, искавшіе славы Эростратовъ, замышляли лишить меня правъ моихъ; но общее мнѣніе скоро произрело имъ правый судъ, и нападенія ихъ были заглушены окрикомъ нашихъ отличнѣйшихъ и ученѣйшихъ Литераторовъ. Что до меня касается, то я съ жалостію смотрѣла на моихъ ненавистниковъ, и никогда, ни на мигъ не поселили они во мнѣ страха о моемъ существованіи. Скоро даже я вовсе о нихъ позабыла; Россія также.

Но каково было мое удивленіе, когда я узнала недавно, что вы, Баронъ, раздѣляете несправедливое мнѣніе этихъ Господъ! Я тотчасъ поняла, что кто-либо оклеветалъ меня передъ вами, и что, по всей вѣроятности, скрыли отъ

вась мои заслуги. Я сильно была опечалена; но не попуская унынію овладѣть мною, рѣшилась изложить вамъ мое дѣло съ довѣренностію и прямодушіемъ. Такъ, Милостивый Государь, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему здравомыслию, и это уже меня успокоиваетъ! Преждевременное торжество враговъ моихъ будетъ не надолго; вы узнаете грубое сплетеніе ихъ клеветы: я приобрѣту въ вась покровителя и тогда останусь благонадежна въ моей безопасности на предбудущее время. Приступаю къ дѣлу.

Почти всѣ согласныя буквы въ Рускомъ языкѣ имѣютъ два явные звука: одинъ твердый, а другой мягкій. Я, ѣ, имѣю честь быть представительницей перваго, а двойчатка-сестра моя ъ, втораго.

Съ перваго взгляда можно бы подумать, что легко было бѣ исключить одну изъ насъ: тогда оставшаяся выражала бы звукъ, ей свойственный, а ея отсутствіе соотвѣтствовало бы знаку исключенному. То же думаютъ и мои гонители, кои однако же не осмѣлились посягать на существованіе сестры моей, которой необходимая польза казалась имъ ощутительнѣе моей. По сему-то я буду говорить собствен-

но о себѣ; а для большаго удобства и ясности, прошу позволенія говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Ъ, кромѣ обязанности своей придавать твердый выговоръ согласнымъ буквамъ, послѣ которыхъ находится, служитъ еще къ познанію словопроизводства. Люди, вникавшіе хотя нѣсколько въ языкъ Рускій, основательно думаютъ, что ъ есть не что иное, какъ сокращеніе буквы о. Весьма даже вѣроятно, что въ древнемъ Славянскомъ языкѣ ъ произносилось, какъ о короткое. Доказательства, что ъ и о въ собственномъ смыслѣ суть одна и та же буква, встрѣчаются поминутно въ Рускомъ языкѣ, равно какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Славянскія реченія: *како, тако*, пишутся и выговариваются по-Руски: *какъ, такъ*. Тамъ и тамо, *однакъ и однако*, суть совершенно слова однозначашія и безъ различія употребляются въ языкѣ Рускомъ. Предлоги: *въ, съ, предъ, изъ*, и пр. и пр. часто перемѣняются въ: *со, во, предо, изо*, и пр. Малороссійское слово *якъ*, есть явнымъ образомъ Славянское: *яко*. Первое лице множ. числа настоящ. времени изъяв. наклоненія всѣхъ Рускихъ глаголовъ, кончится

всегда на ъ, а Малороссійскихъ на о. На пр. *мы дѣлаемъ*, — *мы дѣлаемо*. То же и въ будущемъ времени: *мы сдѣлаемъ*, — *мы сдѣлаемо*. Легко можно бѣ было разплодить сіи примѣры до безконечности. Въ древнихъ Славянскихъ рукописяхъ находимъ даже, что многія слова, какъ то: *полкъ*, *волкъ*, *востокъ*, *борзый*, писались неотступно: *пѣлкѣ*, *вѣлкѣ*, *вѣстокѣ*, *бѣрзый* и т. д. Это въ особенности придаетъ великую вѣроятность вышеприведенному предположенію, что въ прежнія времена ъ выговаривалось всегда какъ о короткое, хотя и то возможное дѣло, что въ концѣ словъ буква сія заключала въ себѣ звукъ неопредѣленный, почти такой же, какъ Французское безгласное *e*, когда имъ оканчивается какое-либо слово; на пр. *tente*, *bande*, *chance*. Если мы не примемъ за правило, что ъ есть не что иное, какъ о, то какъ же мы объяснимъ его употребленіе въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ, каковы: *пѣлкѣ*, *вѣлкѣ* и т. п.? А словъ сихъ очень много. Самое начертаніе буквы ъ можетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ послужить доказательствомъ ея тожества съ буквой о; ибо весьма вѣроятно, что она писывалась первобытно такимъ образомъ: ѿ, для означенія,

что это о краткое, подобно какъ ѣ донынѣ означаетъ краткое и.

Правда, что для слуха нашего показалось бы очень страннымъ, когда бъ мы вздумали теперь замѣнить буквой о всѣ з, коими кончатся у насъ слова; но этимъ ничего не доказывается противъ тожества обѣихъ сихъ буквъ. Произношеніе, въ какомъ-либо языкѣ, не подвергается ли со временемъ еще большимъ и страннѣйшимъ измѣненіямъ? Правда и то, что многія слова, кончающіяся нынѣ въ Рускомъ и новомъ Славянскомъ языкахъ на з, въ древнемъ Славянскомъ оканчивались на ь. Таковая перемѣна послѣдовала, на примѣръ, со всѣми вообще глаголами. Третье лице настоящаго времени изъясн. наклоненія въ обоихъ числахъ неизмѣнно оканчивается на *тъ*, тогда какъ въ древнемъ Славянскомъ языкѣ его окончаніе было на *тъ*. Но сіи новѣйшія исключенія, измѣнившія старинное употребленіе буквы з, не могутъ уничтожить многочисленныхъ доказательствъ тожества ея съ буквою о. По сему буква з останется навсегда драгоцѣннымъ памятникомъ древняго произношенія Славянскаго языка, и въ семъ видѣ, будетъ всегда по

праву имѣть мѣсто въ азбукѣ Руской. Храненіе словопроизводныхъ памятниковъ языка, всегда почиталось предметомъ весьма важнымъ; и если Французы, Нѣмцы и другіе народы почли за нужное не замѣнять буквъ *ph* одною буквой *f*, въ словахъ: *philosophie*, *phase*, и т. п., если они по прежнему пишутъ: *athée* вмѣсто *atée*; то для чего же хотѣть, чтобы Русскіе отступили отъ сего правила, уничтоживъ свое *з*? Но кромѣ этилогической важности сей буквы, есть и другія немаловажныя причины, по какимъ сохраненіе оной становится необходимымъ.

Буква *з*, какъ представительница твердаго выговора согласныхъ буквъ въ Рускомъ языкѣ, ставится не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ оныхъ, и здѣсь-то всего болѣе необходимость оной кажется ясною даже и для тѣхъ, кои не имѣютъ никакого свѣдѣнія въ словопроизводствѣ Рускаго языка. Почти всѣ слова, въ составъ коихъ входятъ предлоги: *безъ*, *въ*, *возъ*, *въ*, *изъ*, *объ*, *отъ*, *подъ*, *предъ*, *разъ*, *съ*, и т. п., не могутъ обойтись безъ буквы *з*, когда предлоги сіи стоятъ предъ гласною буквой. Языкъ Рускій имѣетъ множество таковыхъ словъ, и если бы въ нихъ исключили *з*, тогда

бъ они совершенно измѣнились въ произношеніи, даже иногда и въ значеніи своемъ. Приведу нѣсколько примѣровъ, и постараюсь выразить произношеніе словъ Нѣмецкими буквами, болѣе для сего способными, нежели Французскія. Удержу при томъ Рускія буквы: *ж, щ, ы, я, ѣ*, коихъ звукъ весьма трудно изобразить письменно на другихъ языкахъ. Возьмемъ слова:

Взѣздъ (*die Einfahrt*), подземный мостъ (*die Zugbrücke*), изъясненіе (*die Bezeugung*), предъидущій (*der Vorgehende*), объѣдать (*abfressen, schmarren*), суженіе (*die Verengung*).

Когда *ѣ* въ нихъ находится (какъ и должно сему быть), тогда слова сіи выговариваются такимъ образомъ:

Wjes'd, pod-jem-nый, is'-ja-wle-ni-je, pred-ы-du-щій, ob-je-dat, sс-иже-ni-je.

Исключивъ же букву *ѣ*, должно бъ было произносить:

Wes'd, ро-dem-nый, i-sja-wle-ni-je, pre-di-du-щій, o-be-dat, sс-иже-ni-je.

Разность въ произношеніи, отъ того произходящая, ощутительна всякому, но для Рускаго она разительна. Въ нашемъ языкѣ есть зву-

ки, которые если не вовсе невозможно, то по крайней мѣрѣ очень трудно выразить буквами другаго языка. Таково, между прочими, я, когда передъ нимъ стоитъ согласная буква, не отдѣленная отъ него буквою ъ. Когда же, напротивъ того, я стоитъ само по себѣ, или отдѣлено буквою ъ отъ предшествовавшей согласной, тогда буквы ја выражаютъ его совершенно. Въ словѣ *изъявленіе*, слогъ *зѣ* можетъ весьма хорошо выразиться буквами *f'ja*; но отнявъ ъ, мы получили бы слогъ *зя*, который выговаривается совсѣмъ отлично, и коего звукъ не можетъ даже быть переданъ Нѣмецкими буквами. По сему никакъ не возможно обойтись безъ ъ въ словѣ: *изъявленіе*.

Слово *предъидущій*, также представляетъ собою особенность, о которой я должна упомянуть. Когда въ сложныхъ словахъ, ъ стоитъ предъ и, тогда сія послѣдняя буква выговаривается какъ *ы*; ибо *ы* есть не иное что, какъ обыкновенное *і*, сдѣлавшееся твердымъ чрезъ прибавку ъ. Это доказывается всѣми древними Славянскими рукописями, въ коихъ *ы* почти всегда изображалось такимъ образомъ: *yi*. Изъ сего явствуется, что выбросивъ ъ изъ слова:

предъидущій, мы бы совершенно измѣнили произношеніе сего слова.

Слова: *объѣдать* и *обѣдать*, не только различно произносятся, но имѣютъ и совершенно разное знаменованіе: *objēdat*, значитъ: *abfressen*, тогда какъ *obēdat* значитъ: *zu Mittag essen*.

Вотъ, Милостивый Государь, краткое изложеніе причинъ, кои всегда будутъ препятствіемъ къ исключенію буквы *ѣ* изъ Рускаго букваря. Смѣю надѣяться, что сего краткаго изложенія достаточно будетъ къ оправданію меня въ глазахъ вашихъ и къ доказательству, что я, не подвергаясь упреку въ излишнемъ самолюбіи, могу удерживать за собою право гражданства въ томъ языкѣ, въ которомъ я жила искони, и могу опереться въ томъ на тысячелѣтнюю давность. Примите вмѣстѣ съ симъ увѣренія мои, что я нисколько не досажую на васъ за то, что вы неосновательно знали права мои: я легко понимаю, что вы могли быть введены въ заблужденіе. Но что нѣкоторые изъ Рускихъ не признаютъ сихъ правъ, что они не вѣдаютъ того, что изгнаніемъ меня измѣнился бы совершенно духъ языка ихъ, — сего, по совѣсти, не могу я постигнуть! Признаюсь вамъ

откровенно, Баронъ, что кромѣ весьма естественнаго желанія оправдаться передъ вами, у меня была еще другая причина написать къ вамъ сіе письмо. Я боялась, чтобы опираясь на мнѣніе ваше, нѣкоторые изъ сихъ Господъ не вздумали снова поднять войну, обратившуюся нѣкогда ко вреду ихъ предшественниковъ. Недоумки, желая возвыситься надъ толпою, охотно цѣпляются даже за самыя заблужденія мужа знаменитаго. Иные изъ нихъ, оставлявшіе меня доселѣ въ покоѣ, и теперь уже пристають къ вашему мнѣнію, чтобъ очернить меня. Я увѣрена, что они не успѣютъ мнѣ повредить; но въ качествѣ соотечественницы, я желала бы даже избавить ихъ отъ стыда, наносимаго неудачею. Удостоивъ меня вашимъ покровительствомъ, вы наложите на нихъ молчаніе, а меня навсегда оградите отъ всякаго новаго нападенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и вѣчною преданностію имѣю честь быть

Милостивый Государь!

Покорнѣйшею вашею служницею

Буква Ъ.

С. Петербургъ,
28 Ноября 1829.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА КЪ БАРОНУ ГУМБОЛЬДУ.

MONSIEUR LE BARON!

La haute célébrité, que vos connaissances aussi profondes que variées et vos ouvrages importants vous ont acquise, avait depuis longtems devancé votre arrivée en Russie et l'admiration que vous avez rencontrée dans toute l'étendue de cet Empire, n'était qu'une des anciennes conquêtes de votre vaste génie. Croissant en même tems que votre gloire, ce sentiment paraissait parvenu à son comble, et cependant vos qualités personnelles l'ont rendu plus vif encore: votre aménité, votre prévenante urbanité, votre éloquence facile et brillante ont fait naître en tous ceux qui vous ont approché, cette estime et cet attachement sincère, plus flatteurs peut-être que l'admiration même.

Pourquoi faut-il, Monsieur le Baron, qu'au milieu de ce concert unanime d'acclamations si méritées, il s'élève une voix, qui ait à se plaindre de votre injustice? Pourquoi faut-il, que se soit celle d'un être, dont l'âge avancé aurait dû vous

inspirer de l'indulgence et dont les vieux services avaient droit à des égards? Cet être, Monsieur, hélas, c'est moi! j'ai à me plaindre de vous et dans ma profonde douleur il ne me reste qu'une consolation: c'est l'espoir qu'en me connaissant plus particulièrement vous vous repentirez de vos torts envers moi et qu'une généreuse protection remplacera cette inimitié que vous paraissez m'avoir vouée. Daignez entendre ma justification et que mon apparente insignifiance ne vous empêche point de m'écouter avec attention.

Je suis la lettre *z* et j'occupe une place assez marquante dans l'alphabet russe. Une dizaine de siècles s'étaient écoulés depuis ma naissance sans qu'on eût osé contester mon utilité et me disputer les services que j'ai rendus et que je rends encore à la langue russe. Ce n'est que vers la fin du siècle passé que quelques innovateurs obscurs, recherchant la gloire des Erostrate, concurent l'idée de me frustrer de mes droits; mais l'opinion publique en fit bientôt justice et leurs clameurs furent étouffées sous les huées de nos littérateurs les plus distingués et les plus savans. Quant à moi, je regardais ces Messieurs avec pitié et jamais ils ne m'ont fait craindre un seul instant pour mon exi-

stence. Je ne tardai même pas à les oublier entièrement et toute la Russie en fit autant.

Quel fut donc mon étonnement, lorsque j'appris depuis peu, que vous, Monsieur le Baron, vous partagiez l'opinion injuste de ces Messieurs à mon égard. Je compris aussitôt qu'on devait m'avoir calomniée auprès de vous et qu'on avait probablement réussi à cacher entièrement à vos yeux tous mes services. Ma douleur en fut profonde, mais loin de m'en laisser abattre, je résolus de vous exposer ma cause avec confiance et candeur. Oui, Monsieur le Baron, j'ose en appeler à votre sagacité et déjà cet appel me tranquillise ! Le triomphe prématuré de mes ennemis ne durera pas longtems, vous saurez reconnaître le tissu grossier de leur calomnies ; je gagnerai en vous un protecteur et dès-lors mon avenir sera assuré à jamais. J'entre en matière :

Presque toutes les consonnes de la langue russe ont deux sons distincts : l'un est dur, l'autre mou. Moi *ѣ* je suis le représentant du premier et ma soeur jumelle *е* l'est du second.

Au premier coup-d'oeil, l'on pourrait être tenté de croire qu'il serait facile de supprimer l'une de nous deux ; — alors celle qui resterait indiquerait

le son qui lui est propre et son absence équivalait au signe supprimé. Voilà ce que croient aussi mes détracteurs, qui cependant n'ont point osé attenter à l'existence de ma soeur, dont l'utilité indispensable leur a paru plus évidente que la mienne. C'est donc de moi particulièrement que je vais parler, et pour plus de facilité et de clarté je demande la permission de le faire à la troisième personne.

Le *z*, outre sa fonction de rendre dures les consonnes après lesquelles il se trouve, sert encore à l'étymologie. Ceux qui ont un peu approfondi la langue russe, pensent avec raison que le *z* n'est autre chose qu'une abréviation de l' *o*. Il est même probable que dans l'ancien slavon le *z* se prononçait comme un *o* bref. Les preuves que le *z* et le *o* ne sont proprement que la même lettre, se recontrent à chaque instant dans la langue russe de même que dans les autres dialectes slavons. Les mots slavons: *како* (comment) *такo* (ainsi) s'écrivent et se prononcent en russe: *какъ, такъ*. *Тамъ* et *тамо* (là) *однакъ* et *однако* (cependant) sont entièrement synonymes et s'emploient indifféremment en russe. Les prépositions *въ, съ, предъ, изъ*, etc. etc. (en, avec, devant, de etc.) se trans-

forment fréquemment en *co, во, предо, изъ*, etc. Le mot ukrainien *якъ* (comme) est évidemment le *яко* slavon. La première personne du pluriel, du présent de l'indicatif de tous les verbes russes se termine toujours par un *ъ* et en ukrainien toujours par un *о*. Par exemple: *мы дѣлаемъ* (nous faisons) *мы дѣлаемо*. Il en est de même du futur: *мы сдѣлаемъ* (nous ferons) *мы сдѣлаемо*. Il serait facile de multiplier ces exemples à l'infini. Dans les anciens manuscrits slavons: on trouve même que beaucoup de mots tels que *полкъ* (le régiment, la troupe), *волкъ* (le loup), *востокъ* (l'orient), *бързый* (vif, alerte), s'écrivaient constamment *пѣлкъ*, *вѣлкъ*, *вѣстокъ*, *бѣрзый*, etc. Ceci surtout rend extrêmement vraisemblable la supposition ci-dessus mentionnée, que jadis le *ъ* se prononçait toujours comme un *о* bref, quoiqu'il soit possible qu'à la fin des mots il produisit un son vague, à peu près comme l'e muet français, lorsqu'il termine un mot, par exemple: tente, bande, chance. Si nous n'admettons pas que le *ъ* n'est autre chose qu'un *о*, comment en expliquerons nous l'emploi dans des mots, tels que: *пѣлкъ*, *вѣлкъ* etc.? Et ces mots se trouvent en grand nombre. La figure même de la lettre *ъ* pourrait en quelque fa-

çon servir de preuve de son identité avec le *o*; car il est assez probable qu'on l'ait exprimé primitivement ainsi: *õ*, pour indiquer que c'est un *o* bref, comme le *ũ* indique encore actuellement un *u* bref.

Il est vrai que notre oreille serait étrangement choquée, si aujourd'hui nous voulions remplacer par un *o* tous les *z* qui terminent nos mots; mais cela ne prouverait rien contre l'identité de ces deux lettres. La prononciation d'une langue ne subit-elle pas, avec le temps, de changemens bien plus étranges encore? Il est vrai aussi que plusieurs mots qui en russe et en slavon moderne se terminent par un *z*, dans l'ancien slavon finissaient par un *ь*. C'est par exemple le cas avec les verbes en général: la troisième personne du présent de l'indicatif se termine dans les deux nombres constamment par un *тз*, tandis que dans l'ancien slavon, elle avait pour terminaison *ть*. Mais ces exceptions modernes qui ont fait dévier la lettre *z* de son antique emploi, ne peuvent pas détruire les preuves nombreuses de son identité avec le *o*. Le *z* restera donc toujours un monument précieux de l'ancienne prononciation de la langue slavonne, et comme tel aura toujours des droits à une place dans l'alphabet russe. La conservation des monu-

mens étymologiques d'une langue a toujours été considérée comme un objet des plus importants; et si les Français, les Allemands et d'autres nations ont cru ne pas devoir remplacer le *ph* par un *f* dans les mots *philosophie*, *phase*, etc., s'ils continuent d'écrire *Athée* au lieu d'*Atée*: pourquoi voudrait-on que les Russes s'écartassent de ce principe, en supprimant leur *з*? Mais outre l'importance étymologique de cette lettre, il existe encore des motifs majeurs qui en rendent la conservation indispensable.

Le *з*, comme représentant du son dur des consonnes russes, s'emploie non seulement à la fin des mots, mais aussi au milieu, et c'est là surtout que son indispensabilité absolue devient évidente pour ceux même qui n'ont aucune notion de l'étymologie de la langue russe. Tous les mots, dans la composition desquels entrent les prépositions: *безъ*, *въ*, *возъ*, *въ*, *изъ*, *объ*, *отъ*, *подъ*, *предъ*, *разъ*, *съ*, et d'autres, ne peuvent point se passer de la lettre *з* lorsque ces prépositions précèdent une voyelle. La langue russe possède quantité de mots semblables et si l'on y supprimait le *з*, tous changeraient totalement de prononciation et quelquefois même de signification. Je vais présenter

quelques exemples, en tachant d'exprimer la prononciation des mots par des lettres allemandes, plus propres à cet usage que les françaises. Je conserverai en même temps les lettres russes: *ж, ш, ы, я, ъ*, si difficiles à rendre dans les autres langues. Prenons le mots :

Въѣздъ (die Einfahrt), подземный мостъ (die Zugbrücke), изъяснение (die Bezeugung), предъидущий (der Vorgehende), объѣдать (abfressen, schmarröhen) сзужение (die Verengung).

Lorsque le *з* s'y trouve (comme cela doit-être) ces mots se prononcent ainsi :

Wjes'd, pod-jem-nый, is'-я-wle-ni-je, pred-ы-du-щій, ob-je-dat, ss-u-же-ni-je.

En supprimant le *з*, il faudrait prononcer :

Wes'd, po-dem-nый, i-s'-я-wle-ni-je, pre-di-du-щій, o-be-dat, ssu-же-ni-je.

La différence de prononciation qui en résulte est sensible pour tout le monde; mais pour un Russe elle est frappante. Il y a dans notre langue des sons, qu'il est sinon impossible, au moins très-difficile de figurer par les lettres d'une autre langue. Tel est, entre autres, le *я*, lorsqu'il est précédé d'une consonne sans l'interposition d'un *з*. Lorsqu'au contraire il est isolé ou que le *з* le

sépare de la consonne qui le précède, les lettres *ja* l'expriment parfaitement. Dans le mot *изъявление* par exemple «зъя» peut très-bien s'exprimer par *f'ja*; mais en ôtant le *з*, l'on obtiendrait la syllabe «зя», qui se prononce tout différemment et dont le son ne peut même pas être figuré par des lettres allemandes. Il est donc de toute impossibilité de ne pas le conserver dans le mot: *изъявление*.

Le mot *предъидущій* présente aussi une particularité, dont je dois faire mention. Toutes les fois que, dans un mot composé, le *з* précède un *и*, celui-ci se prononce comme *и*; car le *и* n'est autre chose qu'un *i* ordinaire, rendu dur par le *з*. Cela est prouvé par tous les anciens manuscrits slavons, où le *и* se trouve presque constamment figuré ainsi *з*. Il est donc évident qu'en retranchant le *зи* du mot *предъидущій*, l'on en dénaturerait totalement la prononciation.

Les mots *обзѣдать* et *обѣдать*, non seulement se prononcent différemment; mais ont en outre une signification tout à fait différente l'une de l'autre. *Objedat* signifie: *abfressen*, tandis que *obedat* veut dire: *zu Mittag essen*.

Voilà, Monsieur le Baron, un aperçu des rai-

sons que s'opposeront toujours au retranchement de la lettre *z* de l'alphabet russe. Cet exposé succinct suffira, j'ose l'espérer, pour me justifier à vos yeux et pour vous prouver que sans mériter d'être taxé d'un amour propre exagéré je puis prétendre à conserver mon droit de bourgeoisie dans une langue, au milieu de laquelle j'ai vécu pendant le long espace de mille ans. Veuillez en même tems être bien assuré, que je ne vous en veux nullement de n'avoir pas bien connu mes droits: je conçois aisément que vous ayez pû être induit en erreur. Mais que des Russes puissent les méconnaître, qu'ils puissent ignorer que mon expulsion changerait entièrement le génie de leur langue: voilà ce que je ne comprends pas! Je vous avoue franchement, Monsieur le Baron, qu'outre le desir si naturel de me justifier à vos yeux, j'ai eu encore un autre motif en vous adressant cette lettre. J'ai craint qu'encouragés par votre opinion, quelques-uns de ces Messieurs ne fussent tentés de renouveler une guerre qui avait si mal tourné pour leurs prédecesseurs. Les esprits vulgaires, pour se mettre au-dessus de la foule, se cramponnent volontiers même aux erreurs d'un homme illustre. Déjà certains individus, qui jusqu'à pré-

sent m'avaient laissée en paix, s'étaient de votre opinion pour chercher à me nuire. Ils ne parviendront surement pas à me faire du tort; mais en qualité de compatriote je voudrais même leur épargner la honte d'une défaite. En m'accordant votre protection vous leur fermeriez la bouche et me garantiriez pour toujours de toute nouvelle agression.

C'est avec les sentimens du plus profond respect, que j'ai l'honneur d'être.

Monsieur le Baron

de votre Excellence

la très-humble et très-obéissanté servante

la lettre z.

St.-Pétersbourg

le 28 Novembre 1829.

ОТВѢТЪ БАРОНА ГУМБОЛЬДА.

Милостивый Государь!

Особа, весьма остроумная, которую вы часто встрѣчаете въ свѣтѣ и удостоиваете своею благосклонностью, написала ко мнѣ письмо, исполненное наблюденій замысловатыхъ и глубокихъ объ *удареніи* и философіи Грамматики. Убѣдительно прошу Ваше Превосходительство изъяснить мою живѣйшую благодарность этой почтенной особѣ, коей полъ показался мнѣ сомнительнымъ, но между тѣмъ вѣроятно не принадлежащей къ тому, который мы именуемъ прекраснымъ, ибо она съ прямымъ чистосердечіемъ, хвалится преклонными лѣтами своими. Она немного сутуловата и доказываетъ, что не могла пользоваться благодѣяніями Господи Т*. Вы скажете, Мил. Госуд., что не имѣя болѣе права (благодаря добрымъ совѣтамъ вашимъ) нападать на нравственность ея, я малодушно нападаю на наружный ея видъ. Нѣтъ, М. Г., миръ заключенъ между нами навсегда! Если осмѣливаюсь говорить о наруж-

ности существа, покровительствуемаго вами, и о сходствѣ его слишкомъ великомъ съ родственникомъ, который слабѣе и щедушнѣе его, то это по худой привычкѣ Натуралиста, который пріучился разсматривать формы и по нимъ злословить о свойствѣ физіогноміи личной.

Примите увѣреніе въ высокомъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть

Милостивый Государь!
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Гумбольдтъ.

С. Петербургъ.

29 Ноября

11 Декабря

1829.

нось естества, порожняе естество, и
о естестве, что естество, в ро-
дственном, который естество и индустри-
то это по хитрой прихоти Натуры, но-
тотый прихоти разсуживает формы и по-
нимает естество о естестве естеством и индустри-
Примите естество в естество, естество,
с естеством, естество, естество, естество,

Милостивый Господи
Ваше естество
покорный естество
Твое естество

С. Петербург
29 Января
1820

ЧЕРНАЯ КУРИЦА

ИЛИ

ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ.

ВОЛШЕБНАЯ ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ПЕРВЫЕ ВЪЗРАЖЕНИЯ

НА

ПОДЗЕМНЫЕ ВОДЫ

ПОДЪЕМНЫМИ ВОДАМИ

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ С. Петербургѣ на Васильевскомъ Острову въ первой линіи, жилъ-былъ содержатель мужскаго пансіона, который еще и до сихъ поръ, вѣроятно, у многихъ остался въ свѣжей памяти; хотя домъ, гдѣ пансіонъ тотъ помѣщался, давно уже уступилъ мѣсто другому, ни сколько не похожему на прежній. Въ то время, Петербургъ нашъ уже славился въ цѣлой Европѣ своею красотою, хотя и далеко еще не былъ такимъ, каковъ теперь. — Тогда на проспектахъ Васильевскаго Острова не было веселыхъ тѣнистыхъ алей: деревянные подмости, часто изъ гнилыхъ досокъ сколоченные, заступали мѣсто

нынѣшнихъ прекрасныхъ тротуаровъ. — Иса-
кіевскій мостъ, — узкій, въ то время и неров-
ный, — совсѣмъ иной представлялъ видъ, неже-
ли какъ теперь; да и самая площадь Исакіев-
ская вовсе не такова была. — Тогда монументъ
Петра Великаго отъ Исакіевской церкви от-
дѣленъ былъ канавою; — Адмиралтейство не
было обсажено деревьями; — манежъ Конно-
гвардейскій не украшалъ площади прекрас-
нымъ нынѣшнимъ фасадомъ; — однимъ сло-
вомъ, Петербургъ тогдашній не то былъ, что
теперешній. — Города передъ людьми имѣютъ
между прочимъ то преимущество, что они ино-
гда съ лѣтами становятся красивѣе.... впро-
чемъ не о томъ теперь идетъ дѣло. Въ другой
разъ и при другомъ случаѣ я, можетъ быть,
поговорю съ вами пространнѣе о перемѣнахъ,
происшедшихъ въ Петербургѣ въ теченіе мо-
его вѣка, — теперь же обратимся опять къ пан-
сіону, который, лѣтъ сорокъ тому назадъ, на-
ходился на Васильевскомъ Острову, въ первой
линіи.

Домъ, котораго теперь — какъ уже вамъ ска-
зывалъ — вы не найдете, былъ о двухъ эта-
жахъ, крытый Голландскими черепицами.

Крыльцо, по которому въ него входили, было деревянное и выдавалось на улицу... Изъ сѣней довольно крутая лѣстница вела въ верхнее жилье, состоявшее изъ осьми или девяти комнатъ, въ которыхъ съ одной стороны жилъ содержатель пансіона, а съ другой были классы. Дортуары, или спальныя комнаты дѣтей, находились въ нижнемъ этажѣ по правую сторону сѣней, а по лѣвую жили двѣ старушки, Голландки, изъ которыхъ каждой было болѣе ста лѣтъ, и которыя собственными глазами видали Петра Великаго и даже съ нимъ говорили. Въ нынѣшнее время, врядъ ли въ цѣлой Россіи вы встрѣтите человѣка, который бы видалъ Петра Великаго: настанетъ время когда и наши слѣды сотрутся съ лица земнаго! Все проходитъ, все исчезаетъ въ бренномъ мірѣ нашемъ.... но не о томъ теперь идетъ дѣло!

Въ числѣ тридцати или сорока дѣтей, обучавшихся въ томъ пансіонѣ, находился одинъ мальчикъ, по имени Алеша, которому тогда было не болѣе 9 или 10 лѣтъ. Родители его, жившіе далеко, далеко отъ Петербурга, года за два передъ тѣмъ привезли его въ столицу, отдали въ пансіонъ, и возвратились домой, запла-

тивъ учителю условленную плату за нѣсколько лѣтъ впередъ. Алеша былъ мальчикъ умненькой, миленькой, учился хорошо, и всѣ его любили и ласкали;—однако, не смотря на то, ему часто скучно бывало въ пансіонѣ, а иногда даже и грустно. Особливо сначала, онъ никакъ не могъ пріучиться къ мысли, что онъ разлученъ съ родными своими; но потомъ, мало по малу, онъ сталъ привыкать къ своему положенію, и бывали даже минуты, когда, играя съ товарищами, онъ думалъ, что въ пансіонѣ гораздо веселѣе, нежели въ родительскомъ домѣ. Вообще дни ученія для него проходили скоро и пріятно; но когда наставала Суббота; и всѣ товарищи его спѣшили домой къ роднымъ, тогда Алеша горько чувствовалъ свое одиночество. По Воскресеньямъ и праздникамъ онъ весь день оставался одинъ, и тогда единственнымъ утѣшеніемъ его было чтеніе книгъ, которыя учитель позволялъ ему брать изъ небольшой своей библіотеки. Учитель былъ родомъ Нѣмецъ, а въ то время въ Нѣмецкой Литературѣ господствовала мода на рыцарскіе романы и на волшебныя повѣсти,—и библіотека, которою пользовался нашъ Але-

ша, большею частию состояла изъ книгъ сего рода.

И такъ Алеша, будучи еще въ десятилѣтнемъ возрастѣ, зналъ уже наизусть дѣянiя славнѣйшихъ рыцарей, по крайней мѣрѣ такъ, какъ они описаны были въ романахъ. Любимое его занятiе, въ длинные зимнiе вечера, по Воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ, было мысленно переноситься въ старинные, давно прошедшiе вѣки... Особливо въ вакантное время, какъ напримѣръ объ Рождествѣ или въ Свѣтлое Христово Воскресенье, — когда онъ бывалъ разлученъ надолго съ своими товарищами, когда часто цѣлые дни просиживалъ въ уединенiи, — юное воображенiе его бродило по рыцарскимъ замкамъ, по страшнымъ развалинамъ или по темнымъ дремучимъ лѣсамъ.

Я забылъ сказать вамъ, что къ дому этому принадлежалъ довольно пространный дворъ, отдѣленный отъ переулка деревяннымъ заборомъ изъ барочныхъ досокъ. Ворота и калитка, кои вели въ переулокъ, всегда были закрыты, и потому Алешѣ никогда не удавалось побывать въ этомъ переулкѣ, который сильно воз-

буждалъ его любопытство. Всякій разъ, когда позволяли ему въ часы отдохновенія играть на дворѣ, первое движеніе его было — подбѣгать къ забору. Тутъ онъ становился на цыпочки и пристально смотрѣлъ въ круглыя дырочки, которыми усѣянъ былъ заборъ. Алеша не зналъ, что дырочки эти происходили отъ деревянныхъ гвоздей, коими прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая нибудь добрая волшебница нарочно для него провертѣла эти дырочки. Онъ все ожидалъ, что когда нибудь эта волшебница явится въ переулкѣ, и сквозь дырочку подастъ ему игрушку, или талисманъ, или письмо отъ папеньки или маменьки, отъ которыхъ не получалъ онъ давно уже никакого извѣстія. — Но, къ крайнему его сожалѣнію, не являлся никто даже похожій на волшебницу.

Другое занятіе Алеши состояло въ томъ, чтобы кормить курочекъ, которыя жили около забора въ нарочно для нихъ выстроенномъ домикѣ, и цѣлый день играли и бѣгали на дворѣ. Алеша очень коротко съ ними познакомился, всѣхъ зналъ по имени, разнималъ ихъ драки, а забіякъ наказывалъ тѣмъ, что

иногда нѣсколько дней сряду не давалъ имъ ничего отъ крошекъ, которыя всегда послѣ обѣда и ужина онъ собиралъ со скатерти. — Между курами, онъ особенно любилъ одну черную хохлатую, названную *Чернушкою*. — Чернушка была къ нему ласковѣе другихъ; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алеша лучшіе кусочки приносилъ ей. Она была нрава тихаго; рѣдко прохаживалась съ другими, и казалось, любила Алешу болѣе, нежели подругъ своихъ.

Однажды (это было во время ваканцій между Новымъ годомъ и Крещеньемъ — день былъ прекрасный и необыкновенно теплый, не болѣе трехъ или четырехъ градусовъ морозу), — Алешѣ позволили поиграть на дворѣ. Въ тотъ день учитель и жена его въ большихъ были хлопотахъ. Они давали обѣдъ Директору Училищъ, и еще наканунѣ, съ утра до поздняго вечера, вездѣ въ домѣ мыли полы, вытирали пыль и вощили красного дерева столы и комоды. Самъ учитель ѣздилъ закупать провизію для стола: бѣлую Архангельскую телятину, огромный окорокъ и изъ Милютиныхъ лавокъ Кіевское варенье. Але-

ша тоже , по мѣрѣ силъ , способствовалъ приготовленіямъ : его заставили изъ бѣлой бумаги вырѣзывать красивую сѣтку на окорокъ , и украшать бумажною рѣзьбою нарочно купленные шесть восковыхъ свѣчей. Въ назначенный день рано поутру явился парикмахеръ , и показалъ свое искусство надъ буклями , тупеемъ и длинной косой учителя. Потомъ принялся за супругу его , на помадилъ и напудрилъ у ней локоны и шиньонъ , и взгромоздилъ на ея головѣ цѣлую оранжерею разныхъ цвѣтовъ , между которыми блистали искуснымъ образомъ помѣщенные два брилліантовые перстня , когда-то подаренные мужу ея родителями учениковъ. По окончаніи головнаго убора , накинула она на себя старый изношенный салопъ и отправилась хлопотать по хозяйству , наблюдая притомъ строго , чтобъ какъ нибудь не испортилась прическа ; и для того сама она не входила въ кухню , а давала приказанія свои кухаркѣ , стоя въ дверяхъ. Въ необходимыхъ же случаяхъ посылала туда мужа своего , у котораго прическа не такъ была высока.

Въ продолженіе всѣхъ этихъ заботъ , Алешу нашего совсѣмъ забыли , и онъ тѣмъ вос-

пользовался, чтобъ на просторѣ играть на дворѣ. По обыкновенію своему, онъ подошелъ сначала къ досчатому забору, и долго смотрѣлъ въ дырочку; но и въ этотъ день никто почти не проходилъ по переулку, и онъ со вздохомъ обратился къ любезнымъ своимъ курочкамъ. Не успѣлъ онъ присѣсть на бревно, и только что началъ манить ихъ къ себѣ, какъ вдругъ увидѣлъ подлѣ себя кухарку съ большимъ ножомъ. Алешѣ никогда не правилась эта кухарка — сердитая и бранчивая чухонка; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ замѣтилъ, что она-то была причиною, что отъ времени до времени уменьшалось число его курочекъ, онъ еще меньше сталъ ее любить. Когда же, однажды нечаянно увидѣлъ онъ въ кухнѣ, одного хорошенькаго, очень любимаго имъ пѣтушка, повѣшеннаго за ноги съ перерѣзаннымъ горломъ — то возымѣлъ онъ къ ней ужасъ и отвращеніе. Увидѣвъ ее теперь съ ножомъ, онъ тотчасъ догадался, что́ это значитъ, — и чувствуя съ горестію, что онъ не въ силахъ помочь своимъ друзьямъ, вскочилъ и побѣжалъ далеко прочь. «Алеша, Алеша! помоги мнѣ поймать курицу!» кричала кухарка; но Алеша

принялся бѣжать еще пуще, спрятался у забора за курятникомъ, и самъ не замѣчалъ, какъ слезки одна за другою выкатывались изъ его глазъ и упали на землю.

Довольно долго стоялъ онъ у курятника, и сердце въ немъ сильно билось, между тѣмъ, какъ кухарка бѣгала по двору — то манила курочекъ: цыпъ, цыпъ, цыпъ! — то бранила ихъ по-чухонски.

Вдругъ сердце у Алеши еще сильнѣе забилось... ему послышался голосъ любимой его Чернушки! — Она кудахтала самымъ отчаяннымъ образомъ и ему показалось, что она кричитъ :

Кудáхъ, кудáхъ, кудúху

Алеша, спаси чернуху!

Кудúху, кудúху,

Чернуху, чернуху!

Алеша никакъ не могъ долѣе оставаться на своемъ мѣстѣ... онъ громко всхлипывая побѣжалъ къ кухаркѣ, и бросился къ ней на шею въ ту самую минуту, какъ она поймала уже Чернушку за крыло. «Любезная, милая

Тринушка!» вскричалъ онъ обливаясь слезами; «пожалуйста не тронь мою чернуху!»

Алеша такъ неожиданно бросился на шею къ кухаркѣ, что она упустила изъ рукъ Чернушку, которая, воспользовавшись этимъ, отъ страха взлетѣла на кровлю сарая, и тамъ продолжала кудáхтать. — Но Алешѣ теперь слышалось, будто она дразнить кухарку, и кричить:

Кудáхъ, кудáхъ, кудúху

Не поймала ты чернуху!

Кудúху, кудúху,

Чернуху, чернуху!

Между тѣмъ, кухарка внѣ себя была отъ дасады! «Рúммаль пойсь!» кричала она. «Вóтта я падú кассаину и пашалюсь. Шóрна кúрисъ нáда рѣжить.... Онъ лѣннiва... Онъ яiшка не дѣлать, онъ сыплáтка не сiжить.»

Тутъ хотѣла она бѣжать къ учителю, но Алеша не допустилъ ее. Онъ прицѣпился къ поламъ ея платья, и такъ умильно сталъ просить, что она остановилась. «Душенька, Тринушка!» говорилъ онъ: «ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая.... Пожалуйста

оставь мою Чернушку! — Вотъ посмотри, что я тебѣ подарю, если ты будешь добра!»

Алеша вынулъ изъ кармана имперіаль, составлявшій все его имѣніе, который берегъ онъ пуще глаза своего, потому, что это былъ подарокъ доброй его бабушки.... Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взоромъ окошки дома, чтобъ удостовѣриться, что никто ихъ не видитъ, — и протянула руку за имперіаломъ... Алешѣ очень, очень жаль было имперіяла, но онъ вспомнилъ о Чернушкѣ — и съ твердостію отдалъ чухонкѣ драгоцѣнный подарокъ.

Такимъ образомъ Чернушка спасена была отъ жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась въ домъ Чернушка слетѣла съ кровли и подбѣжала къ Алешѣ. Она какъ будто знала, что онъ ея избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселымъ голосомъ. Все утро она ходила за нимъ по двору, какъ собачка, и казалось, будто хочетъ что-то сказать ему, да не можетъ. По крайней мѣрѣ онъ никакъ не могъ разобрать ея кудахтанья.

Часа за два передъ обѣдомъ, начали соби-

раться гости. Алешу позвали вверхъ , надѣли на него рубашку съ круглымъ воротникомъ и батистовыми манжетами съ мелкими складками , бѣлые широварцы и широкій шелковый голубой кушакъ. Длинные русые волосы , висѣвшіе у него почти до пояса , хорошенько расчесали , раздѣлили на двѣ равныя части , и переложили на передъ по обѣ стороны груди. — Такъ наряжали тогда дѣтей. — Потомъ научили , какимъ образомъ онъ долженъ шаркнуть ногой , когда войдетъ въ комнату Директоръ , и что долженъ отвѣчать , если будутъ сдѣланы ему какіе нибудь вопросы. Въ другое время Алеша былъ бы очень радъ пріѣзду Директора , коего давно хотѣлось ему видѣть , потому , что судя по почтенію , съ какимъ отзывались о немъ учитель и учительша , онъ воображалъ , что это долженъ быть какой нибудь знаменитый рыцарь въ блестящихъ латахъ и въ шлемѣ съ большими перьями. Но на тотъ разъ , любопытство это уступило мѣсто мысли , исключительно тогда его занимавшей — о черной курицѣ. Ему все представлялось , какъ кухарка за нею бѣгала съ ножомъ , и какъ Чернушка кудахтала разны-

ми голосами. Притомъ ему очень досадно было, что не могъ онъ разобратъ, что она ему сказать хотѣла, — и его такъ и тянуло къ курятнику... Но дѣлать было нечего: надлежало дожидаться, пока кончится обѣдъ!

Наконецъ пріѣхалъ Директоръ. Пріѣздъ его возвѣстила учительша, давно уже сидѣвшая у окна, пристально смотря въ ту сторону, откуда его ждали. — Все пришло въ движеніе: учитель стремглавъ бросился изъ дверей, чтобъ встрѣтить его внизу у крыльца; гости встали съ мѣстъ своихъ, и даже Алеша на минуту забылъ о своей курочкѣ, и подошелъ къ окну, чтобъ посмотрѣть, какъ рыцарь будетъ слѣзать съ рѣтиваго коня. Но ему не удалось увидѣть его, ибо онъ успѣлъ уже войти въ домъ; — у крыльца же, вмѣсто рѣтиваго коня, стояли обыкновенныя извозничьи сани. Алеша очень этому удивился! Если бы я былъ рыцарь, подумалъ онъ, то никогда бы не ѣздилъ на извозикѣ — а всегда верхомъ!

Между тѣмъ, отворили настежъ всѣ двери, и учительша начала присѣдать, въ ожиданіи столь почтеннаго гостя, который вскорѣ потомъ появился. Сперва нельзя было видѣть

его за толстою учительшею, стоявшею въ самыхъ дверяхъ; но когда она, окончивъ длинное привѣтствіе свое, присѣла ниже обыкновеннаго, Алеша, къ крайнему удивленію, изъ за нее увидѣлъ... не шлемъ пернатый, но просто маленькую лысую головку, набѣло распушенную, единственнымъ украшеніемъ которой, какъ послѣ замѣтилъ Алеша, былъ маленькой пучокъ! Когда вошелъ онъ въ гостинную, Алеша еще болѣе удивился, увидѣвъ, что не смотря на простой сѣрый фракъ, — бывшій на Директорѣ — вмѣсто блестящихъ латъ, всѣ обращались съ нимъ необыкновенно почтительно.

Сколь однако жъ ни казалось все это страннымъ Алешѣ, сколь въ другое время онъ бы ни былъ обрадованъ необыкновеннымъ убранствомъ стола, на которомъ также парадировалъ и украшенный имъ окорокъ, — но въ этотъ день онъ не обращалъ большаго на то вниманія. У него въ головкѣ все бродило утреннее происшествіе съ Чернушкою. Подали десертъ: разнаго рода варенья, яблоки, бергамоты, финики, винныя ягоды и грецкіе орѣхи; но и тутъ онъ ни на одно мгновеніе не

переставалъ помышлять о своей курочкѣ, и только что встали изъ-за стола, какъ онъ, съ трепещущимъ отъ страха и надежды сердцемъ, подошелъ къ учителю, и спросилъ, можно ли итти поиграть на дворѣ. «Подите, отвѣчалъ учитель, только не долго тамъ будьте; ужъ скоро сдѣлается темно.»

Алеша поспѣшно надѣлъ свою красную бекешу на бѣличьемъ мѣху и зеленую бархатную шапочку съ собольимъ околышкомъ, и побѣжалъ къ забору. Когда онъ туда прибылъ, курочки начали уже собираться на ночлегъ, и сонныя не очень обрадовались принесеннымъ крошкамъ. — Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты къ сну: она весело къ нему подбѣжала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать. Алеша долго съ нею игралъ, наконецъ, когда сдѣлалось темно и настала пора итти домой, онъ самъ затворилъ курятникъ, удостовѣрившись напередъ, что любезная его курочка усѣлась на шестѣ. Когда онъ выходилъ изъ курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки свѣтятся въ темнотѣ какъ звѣздочки, и что она тихонько ему говоритъ: Алеша, Алеша! останься со мною!

Алеша возвратился въ домъ и весь вечеръ просидѣлъ одинъ въ классныхъ комнатахъ, между тѣмъ, какъ на другой половинѣ часу до одиннадцатаго пробыли гости, и на нѣсколькихъ столахъ играли въ вистъ. Прежде нежели они разѣхались, Алеша пошелъ въ нижній этажъ въ спальню, раздѣлся, легъ въ постель и потушилъ огонь. Долго не могъ онъ заснуть; наконецъ, сонъ его преодолѣлъ, и онъ только что успѣлъ во снѣ разговориться съ Чернушкою, какъ къ сожалѣнію, пробужденъ былъ шумомъ разѣзжающихся гостей. — Немного погодя, учитель, провожавшій Директора со свѣчкою, вошелъ къ нему въ комнату, посмотрѣлъ, все ли въ порядкѣ, и вышелъ вонъ, замкнувъ дверь ключемъ.

Ночь была мѣсячная, и сквозь ставни, не плотно затворявшіеся, упалъ въ комнату блѣдный лучъ луны. Алеша лежалъ съ открытыми глазами, и долго слушалъ, какъ въ верхнемъ жильѣ, надъ его головою, ходили по комнатамъ, и приводили въ порядокъ стулья и столы. Наконецъ все утихло... Онъ взглянулъ на стоявшую подлѣ него кровать, немного освѣщенную мѣсячнымъ сіяніемъ, и замѣ-

тиль, что бѣлая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Онъ пристальнѣе сталъ всматриваться... ему послышалось, какъ будто что-то подъ кроватью царапается, — и не много погодя, показалось, что кто-то тихимъ голосомъ зоветъ его: Алеша, Алеша!

Алеша испугался!.... Онъ одинъ былъ въ комнатѣ, — и ему тотчасъ пришло на мысль, что подъ кроватью долженъ быть воръ. — Но потомъ, разсудивъ, что воръ не называлъ бы его по имени, онъ нѣсколько ободрился, хотя сердце въ немъ дрожало. Онъ немного приподнялся въ постелѣ, и еще яснѣе увидѣлъ, что простыня шевелится.... еще внятнѣе услышалъ, что кто-то говоритъ: Алеша, Алеша!

Вдругъ бѣлая простыня приподнялась, и изъ подъ нее вышла... черная курица! — «Ахъ! это ты, Чернушка!» — невольно вскричалъ Алеша. «Какъ ты зашла сюда?» — Чернушка хлопала крыльями, взлетѣла къ нему на кровать, и сказала человѣческимъ голосомъ: «Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда ли?»

— Зачѣмъ я тебя буду бояться? — отвѣчалъ онъ: я тебя люблю; только для

меня странно, что ты такъ хорошо говоришь: я совсѣмъ не зналъ, что ты говорить умѣешь! —

«Если ты меня не боишься,» продолжала курица, — «такъ поди за мною; я тебѣ покажу, что нибудь хорошенькое. Одѣвайся скорѣе!»

— «Какая ты, Чернушка, смѣшная!» — сказалъ Алеша — какъ мнѣ можно одѣться въ темнотѣ? Я платья своего теперь не сыщу; я и тебя насилу вижу!

«Постараюсь этому помочь» сказала курочка. Тутъ она закудаhtала страннымъ голосомъ, и вдругъ откуда ни взялись маленькія свѣчки въ серебряныхъ шандалахъ, не больше, какъ съ Алешинъ маленькой пальчикъ. Шандалы эти очутились на полу, на стульяхъ, на окнахъ, даже на рукомойникѣ, и въ комнатѣ сдѣлалось такъ свѣтло, такъ свѣтло, какъ будто днемъ. Алеша началъ одѣваться, а курочка подавала ему платье, и такимъ образомъ онъ вскорѣ совсѣмъ былъ одѣтъ.

Когда Алеша былъ готовъ, Чернушка опять закудаhtала, и всѣ свѣчки исчезли. «Иди за мною,» сказала она ему, — и онъ смѣло по-

слѣдовалъ за нею. Изъ глазъ ея выходили какъ будто лучи, которые освѣщали все вокругъ нихъ, хотя не такъ ярко какъ маленькія свѣчки. Они прошли чрезъ переднюю... «Дверь заперта ключемъ» — сказалъ Алеша; но курочка ему не отвѣчала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась... Потомъ, прошедъ чрезъ сѣни, обратились они къ комнатамъ, гдѣ жили столѣтнія старушки, Голландки. Алеша никогда у нихъ не бывалъ, но слышалъ, что комнаты у нихъ убраны по старинному, что у одной изъ нихъ большой сѣрый попугай, а у другой сѣрая кошка, очень умная, которая умѣетъ прыгать чрезъ обручъ и подавать лапку. Ему давно хотѣлось все это видѣть, и потому онъ очень обрадовался когда курочка опять хлопнула крыльями, и дверь въ старушкины покои отворилась. Алеша въ первой комнатѣ увидѣлъ всякаго рода странныя мебели: рѣзные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была изъ Голландскихъ изразцевъ, на которыхъ нарисованы были синей муравой люди и звѣри. Алеша хотѣлъ было остановиться, чтобъ рассмотреть мебели, а особливо фигуры на ле-

жанкѣ, но Чернушка ему не позволила. Они вошли во вторую комнату — и тутъ-то Алеша обрадовался! Въ прекрасной золотой клѣткѣ сидѣлъ большой сѣрый попугай съ краснымъ хвостомъ. Алеша тотчасъ хотѣлъ подбѣжать къ нему. Чернушка опять его не допустила. «Не трогай здѣсь ничего,» сказала она. «Берегись разбудить старушекъ!»

Тутъ только Алеша замѣтилъ, что подлѣ попугая стояла кровать съ бѣлыми кисейными занавѣсками, сквозь которыя онъ могъ различить старушку, лежащую съ закрытыми глазами: она показалась ему, какъ будто восковая. Въ другомъ углу стояла такая же точно кровать, гдѣ спала другая старушка, а подлѣ нея сидѣла сѣрая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо ея, Алеша не могъ утерпѣть, чтобъ не попросить у ней лапки.... Вдругъ она громко замяукала, попугай нахохлился и началъ громко кричать: дурракъ! дурракъ! — Въ то самое время видно было сквозь кисейныя занавѣски, что старушки приподнялись въ постелѣ!.... Чернушка поспѣшно удалилась, — Алеша побѣжалъ за нею, — дверь въ слѣдъ за ними сильно за-

хлопнулась... и еще долго слышно было, какъ попугай кричалъ: дурракъ! дурракъ!

«Какъ тебѣ не стыдно!» сказала Чернушка, когда они удалились отъ комнатъ старушекъ. «Ты вѣрно, разбудилъ рыцарей....» — Какихъ рыцарей? — спросилъ Алеша. «Ты увидишь,» отвѣчала курочка. «Не бойся однако жъ ничего; иди за мною смѣло.»

Они спустились внизъ по лѣстницѣ, какъ будто въ погребъ, и долго, долго шли по разнымъ переходамъ и коридорамъ, которыхъ прежде Алеша никогда не видывалъ. Иногда коридоры эти такъ были низки и узки, что Алеша принужденъ былъ нагибаться. Вдругъ вошли они въ залу, освѣщенную тремя большими хрустальными люстрами. Зала была безъ окошекъ, и по обѣимъ сторонамъ висѣли на стѣнахъ рыцари въ блестящихъ латахъ, съ большими перьями на шлемахъ, съ копьями и щитами въ желѣзныхъ рукахъ. Чернушка шла впередъ на цыпочкахъ, и Алешѣ велѣла слѣдовать за собою тихонько, тихонько.... Въ концѣ залы была большая дверь изъ свѣтлой желтой мѣди. Лишь только они подошли къ ней, какъ соскочили со стѣнъ два рыцаря, уда-

рили копьями объ щиты, и бросились на черную курицу. — Чернушка подняла хохолъ, распустила крылья.... Вдругъ сдѣлалась большая, большая, выше рыцарей — и начала съ ними сражаться! Рыцари сильно на нее наступали, а она защищалась крыльями и носомъ: Алешѣ сдѣлалось страшно, сердце въ немъ сильно затрепетало — и онъ упалъ въ обморокъ.

Когда пришелъ онъ опять въ себя, солнце сквозь ставни освѣщало комнату, и онъ лежалъ въ своей постелѣ: не видно было ни Чернушки, ни рыцарей. Алеша долго не могъ опомниться. Онъ не понималъ, что съ нимъ было ночью: во снѣ ли все то видѣлъ, или въ самомъ дѣлѣ это происходило? Онъ одѣлся и пошелъ вверхъ; но у него не выходило изъ головы видѣнное имъ въ прошлую ночь. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ минуты, когда можно ему будетъ итти играть на дворъ, но весь тотъ день, какъ нарочно, шелъ сильный снѣгъ, и нельзя было и подумать чтобъ выйти изъ дому.

За обѣдомъ учительша, между прочими разговорами, объявила мужу, что черная курица

непонятно куда спряталась. «Впрочемъ» прибавила она — «бѣда не велика, если бы она и пропала; она давно назначена была на кухню. Вообрази себѣ, душенька, что съ тѣхъ поръ, какъ она у насъ въ домѣ, она не снесла ни одного яичка.» — Алеша чуть чуть не заплакалъ, хотя и пришло ему на мысль, что лучше, чтобъ ее нигдѣ не находили, нежели, чтобъ попала она на кухню.

Послѣ обѣда, Алеша остался опять одинъ въ классныхъ комнатахъ. Онъ безпрестанно думалъ о томъ, что происходило въ прошедшую ночь, и не могъ никакъ утѣшиться о потерѣ любезной Чернушки. Иногда ему казалось, что онъ непременно долженъ ее увидѣть въ слѣдующую ночь, не смотря на то, что она пропала изъ курятника; но потомъ ему казалось, что это дѣло несбыточное, и онъ опять погружался въ печаль.

Настало время ложиться спать, и Алеша съ нетерпѣніемъ раздѣлся и легъ въ постель. Не успѣлъ онъ взглянуть на сосѣдную кровать, опять освѣщенную тихимъ луннымъ сіяніемъ, какъ зашевелилась бѣлая простыня — точно такъ, какъ наканунѣ.... Опять слышался ему

голосъ, его зовущій: Алеша, Алеша! и, немного погодя, вышла изъ подъ кровати Чернушка и взлетѣла къ нему на постель.

Ахъ! здравствуй Чернушка! — вскричалъ онъ внѣ себя отъ радости. — Я боялся, что никогда тебя не увижу; здорова ли ты? —

«Здорова,» отвѣчала курочка — «но чуть было не занемогла по твоей милости.»

Какъ это, Чернушка? — спросилъ Алеша испугавшись. «Ты добрый мальчикъ,» продолжала курочка — «но притомъ ты вѣтренъ и никогда не слушаешься съ перваго слова, а это не хорошо! Вчера я говорила тебѣ, чтобъ ты ничего не трогалъ въ комнатахъ старушекъ, не смотря на то, ты не могъ утерпѣть, чтобъ не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушекъ, старушки рыцарей — и я на силу съ ними сладила!» —

Виновать, любезная Чернушка; впередъ не буду! пожалуйста поведи меня сего дня опять туда; ты увидишь, что я буду послушенъ. —

«Хорошо,» сказала курочка: «увидимъ!» — Курочка, закудаhtала, какъ наканунѣ, и тѣ же маленькія свѣчки явились въ тѣхъ же сере-

бряныхъ шандалахъ. Алеша опять одѣлся и пошелъ за курицею. Опять вошли они въ покои старушекъ; но въ этотъ разъ, онъ ужъ ни до чего не дотрогивался. Когда они проходили чрезъ первую комнату, то ему показалось, что люди и звѣри, нарисованные на лежанкѣ, дѣлаютъ разныя смѣшныя гримасы и манятъ его къ себѣ; но онъ нарочно отъ нихъ отвернулся. Во второй комнатѣ, старушки Голландки, такъ же, какъ наканунѣ, лежали въ постеляхъ, будто восковыя; попугай смотрѣлъ на Алешу и хлопалъ глазами, сѣрая кошка опять умывалась лапками. На уборномъ столѣ передъ зеркаломъ, Алеша увидѣлъ двѣ фарфоровыя Китайскія куклы, которыхъ вчера онъ не замѣтилъ. Онѣ кивали ему головою; но онъ помнилъ приказаніе Чернушки — и прошелъ не останавливаясь, однако не могъ утерпѣть, чтобъ мимоходомъ имъ не поклониться. Куколки тотчасъ соскочили со стола и побѣжали за нимъ, все кивая головою. Чуть, чуть онъ не остановился, — такъ онѣ показались ему забавными; но Чернушка оглянулась на него съ сердитымъ видомъ, и онъ опомнился. Куколки проводили ихъ до дверей, и видя, что Алеша

на нихъ не смотритъ, возвратились на свои мѣста.

Опять спустились они съ лѣстницы, ходили по переходамъ и коридорамъ, и пришли въ ту же залу, освѣщенную тремя хрустальными люстрами. Тѣ же рыцари висѣли на стѣнахъ, и опять — когда приблизились они къ двери изъ желтой мѣди — два рыцаря сошли со стѣны и заступили имъ дорогу. Казалось однако, что они не такъ сердиты были, какъ наканунѣ; они едва тащили ноги, какъ осеннія мухи, и видно было, что они чрезъ силу держали свои копья.... Чернушка сдѣлалась большая и нахохлилась; но только, что ударила ихъ крыльями, какъ они рассыпались на части, — и Алеша увидѣлъ, что то были пустыя латы! Мѣдная дверь сама собою отворилась и они пошли далѣе. Немного погодя вошли они въ другую залу, пространную, но не высокую, такъ, что Алеша могъ достать рукою до потолка. Зала эта освѣщена была такими же маленькими свѣчками, какія онъ видѣлъ въ своей комнатѣ; но шандалы были не серебряные, а золотые. — Тутъ Чернушка оставила Алешу. «Побудь здѣсь не много,» сказала она ему —

«я скоро приду назадъ. Сего дня былъ ты уменъ, хотя неосторожно поступилъ, поклонясь фарфоровымъ кукламъ. Если бъ ты имъ не поклонился, то рыцари остались бы на стѣнѣ. Впрочемъ ты сего дня не разбудилъ старушекъ, и отъ того рыцари не имѣли никакой силы.» Послѣ сего Чернушка вышла изъ залы.

Оставшись одинъ, Алеша со вниманіемъ сталъ разсматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стѣны сдѣланы изъ лабрадора, какой онъ видѣлъ въ минеральномъ кабинетѣ, имѣющемся въ пенсіонѣ; панели и двери были изъ чистаго золота. Въ концѣ залы, подъ зеленымъ балдахиномъ, на возвышенномъ мѣстѣ, стояли кресла изъ золота. — Алеша очень любовался этимъ убранствомъ, но страннымъ показалось ему, что все было въ самомъ маленькомъ видѣ, какъ будто для небольшихъ куколъ.

Между тѣмъ, какъ онъ съ любопытствомъ все разсматривалъ, отворилась боковая дверь, прежде имъ незамѣченная, и вошло множество маленькихъ людей, ростомъ не болѣе, какъ съ полъ-аршина, въ нарядныхъ разноцвѣт-

ныхъ платьяхъ. — Видъ ихъ былъ важенъ: иные по одѣянiю казались военными, другіе гражданскими чиновниками. На всѣхъ были круглыя съ перьями шляпы, на подобіе Испанскихъ. Они не замѣчали Алеши, прохаживались чинно по комнатамъ и громко между собою говорили, но онъ не могъ понять, что они говорили. Долго смотрѣлъ онъ на нихъ молча, и только что хотѣлъ подойти къ одному изъ нихъ съ вопросомъ, какъ отворилась большая дверь въ концѣ залы.... всѣ замолкли, стали къ стѣнамъ въ два ряда и сняли шляпы. Въ одно мгновеніе комната сдѣлалась еще свѣтлѣе; всѣ маленькія свѣчки еще ярче загорѣли — и Алеша увидѣлъ двадцать маленькихъ рыцарей, въ золотыхъ латахъ, съ пунцовыми на шлемахъ перьями, которые попарно входили тихимъ маршемъ. Потомъ въ глубокомъ молчаніи стали они по обѣимъ сторонамъ креселъ. Немного погодя вошелъ въ залу человекъ съ величественною осанкою, на головѣ съ вѣнцомъ, блестящимъ драгоценными камнями. На немъ была свѣтлозеленая мантия, подбитая мышьямъ мѣхомъ, съ длиннымъ шлейфомъ, который несли двадцать ма-

ленькихъ пажей, въ пунцовыхъ платьяхъ. — Алеша тотчасъ догадался, что это долженъ быть Король. Онъ низко ему поклонился; Король отвѣчалъ на поклонъ его весьма ласково, и сѣлъ въ золотыя кресла. Потомъ, что-то приказалъ одному изъ стоявшихъ подлѣ него рыцарей, который, подошедъ къ Алешѣ, объявилъ ему, чтобъ онъ приблизился къ кресламъ. Алеша повиновался.

«Мнѣ давно было извѣстно,» сказалъ Король — «что ты добрый мальчикъ; но третьяго дня, ты оказалъ великую услугу моему народу, и за то заслуживаешь награду. Мой главный Министръ донесъ мнѣ, что ты спасъ его отъ неизбѣжной и жестокой смерти.

— Когда? — спросилъ Алеша съ удивленіемъ.

«Третьяго дня на дворѣ,» отвѣчалъ Король. «Вотъ тотъ, который обязанъ тебѣ жизнью.»

Алеша взглянулъ на того, на котораго указывалъ Король, и тутъ только замѣтилъ, что между придворными стоялъ маленькой чело-вѣкъ, одѣтый весь въ черное. На головѣ у него была особеннаго рода шапка малиноваго цвѣта, на верху съ зубчиками, надѣтая немно-

го на бокъ; а на шеѣ бѣлый платокъ, очень накрахмаленный, отъ чего казался онъ немного синеватымъ. Онъ умильно улыбался, глядя на Алешу, которому лице его показалось знакомымъ, хотя не могъ онъ вспомнить, гдѣ его видалъ.

Сколь для Алеши ни было лестно, что приписывали ему такой благородный поступокъ, но онъ любилъ правду, и потому, сдѣлавъ низкій поклонъ, сказалъ: — «Г. Король! я не могу принять на свой счетъ того, чего никогда не дѣлалъ. Третьяго дня, я имѣлъ счастье избавить отъ смерти не Министра вашего, а черную нашу курицу, которую не любила кухарка, за то, что не снесла она ни одного яйца....»

«Что ты говоришь?» — прервалъ его съ гнѣвомъ Король. — «Мой Министръ — не курица, а заслуженный чиновникъ!»

Тутъ подошелъ Министръ ближе, и Алеша увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ, это была его любезная Чернушка. Онъ очень обрадовался и попросилъ у Короля извиненія, хотя никакъ не могъ понять, что это значитъ.

«Скажи мнѣ, чего ты желаешь?» — про-

должалъ Король. «Если я въ силахъ, то непременно исполню твое требованіе.» —

Говори смѣло, Алеша! — шепнулъ ему на ухо Министръ.

Алеша задумался и не зналъ чего пожелать. — Если бъ дали ему болѣе времени; то онъ, можетъ быть, и придумалъ бы что нибудь хорошенькое; но такъ, какъ ему казалось неучтивымъ заставить дожидаться Короля, то онъ поспѣшилъ отвѣтомъ.

— Я бы желалъ, сказалъ онъ, чтобы не учившись, я всегда зналъ урокъ свой, какой мнѣ ни задали. —

«Не думалъ я, что ты такой лѣнивецъ,» отвѣчалъ Король, покачавъ головою. «Но дѣлать нечего: я долженъ исполнить свое обѣщаніе.»

Онъ махнулъ рукою, и Пажъ поднесъ золотое блюдо на которомъ лежало одно конопляное сѣмечко.

«Возьми это сѣмечко,» сказалъ Король. «Пока оно будетъ у тебя, ты всегда знать будешь урокъ свой, какой бы тебѣ ни задали, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ ты ни подъ какимъ предлогомъ никому не сказывалъ ни одного

слова о томъ, что ты здѣсь видѣлъ или впредь увидишь. Малѣйшая нескромность лишитъ тебя навсегда нашихъ милостей, а намъ надѣлаетъ множество хлопотъ и непріятностей.»

Алеша взялъ конопляное зерно, завернулъ въ бумажку и положилъ въ карманъ, обѣщаясь быть молчаливымъ и скромнымъ. Король послѣ того всталъ съ креселъ, и тѣмъ же порядкомъ вышелъ изъ залы, приказавъ прежде Министру угостить Алешу какъ можно лучше.

Лишь только Король удалился, какъ окружили Алешу всѣ придворные, и начали его всячески ласкать, изъявляя признательность свою за то, что онъ избавилъ Министра. Они всѣ предлагали ему свои услуги: одни спрашивали, не хочетъ ли онъ погулять въ саду или посмотрѣть Королевскій звѣринецъ; другіе приглашали его на охоту. Алеша не зналъ, на что рѣшиться; наконецъ Министръ объявилъ, что самъ будетъ показывать подземныя рѣдкости дорогому гостю.

Сначала повелъ онъ его въ садъ, устроенный въ Англійскомъ вкусѣ. Дорожки усѣяны

были крупными разноцвѣтными камышками, отражавшими свѣтъ отъ безчисленныхъ маленькихъ лампъ, которыми увѣшаны были деревья. Этотъ блескъ чрезвычайно понравился Алешѣ. «Камни эти,» сказалъ Министръ у васъ называются драгоценными. Это все бриліанты, яхонты, изумруды и аметисты.» — Ахъ когда бы у насъ этимъ усыпаны были дорожки! вскричалъ Алеша.

«Тогда и у васъ бы они также были драгоценны, какъ здѣсь,» отвѣчалъ Министръ.

Деревья также показались Алешѣ отмѣнно красивыми, хотя притомъ очень странными. Онѣ были разнаго цвѣта: красныя, зеленыя, коричневыя, бѣлыя, голубыя и лиловыя. Когда посмотрѣлъ онъ на нихъ со вниманіемъ, то увидѣлъ, что это не что иное, какъ разнаго рода мохъ, только выше и толще обыкновеннаго. Министръ рассказалъ ему, что мохъ этотъ выписанъ Королемъ за большія деньги изъ дальнихъ странъ и изъ самой глубины земнаго шара.

Изъ сада пошли они въ звѣринецъ. Тамъ показали Алешѣ дикихъ звѣрей, которые привязаны были на золотыхъ цѣпяхъ. Всматри-

ваясь внимательнѣе, онъ, къ удивленію своему, увидѣлъ, что дикіе эти звѣри были не что иное, какъ большія крысы, кроты, хорьки и подобные имъ звѣри, живущіе въ землѣ и подъ полами. — Ему это очень показалось смѣшно; но онъ изъ учтивости не сказалъ ни слова.

Возвратившись въ комнаты послѣ прогулки, Алеша въ большой залѣ нашелъ накрытый столъ, на которомъ разставлены были разнаго рода конфекты, пироги, паштеты и фрукты. Блюда всѣ были изъ чистаго золота, а бутылки и стаканы выточенные изъ цѣльныхъ бриліантовъ, яхонтовъ и изумрудовъ.

«Кушай, что угодно,» сказалъ Министръ: «съ собою же брать ничего не позволяется.»

Алеша въ тотъ день очень хорошо поужиналъ, и потому ему вовсе не хотѣлось кушать. — Вы обѣщались взять меня съ собою на охоту — сказалъ онъ. «Очень хорошо,» отвѣчалъ Министръ. «Я думаю, что лошади уже осѣдланы.» Тутъ онъ свиснулъ, и вошли конюхи, ведущіе въ поводахъ — палочки, у которыхъ набалдашники были рѣзной работы и представляли лошадиныя головы. Ми-

нистръ съ большою ловкостью вскочилъ на свою лошадь; Алешѣ подвели палку гораздо болѣе другихъ. «Берегись,» сказалъ Министръ — «чтобъ лошадь тебя не сбросила; она не изъ самыхъ смирныхъ.» Алеша внутренно смѣялся этому, но когда онъ взялъ палку между ногъ, то увидѣлъ, что совѣтъ Министра былъ не бесполезенъ. Палка начала подъ нимъ увертываться и манежиться, какъ настоящая лошадь, и онъ насилу могъ усидѣть.

Между тѣмъ затрубили въ рога, и охотники пустились скакать во всю прыть по разнымъ переходамъ и корридорамъ. Долго они такъ скакали, и Алеша отъ нихъ не отставалъ, хотя съ трудомъ могъ сдерживать бѣшеную палку свою.... Вдругъ изъ одного боковаго коридора выскочило нѣсколько крысъ, такихъ большихъ, какихъ Алеша никогда не видывалъ: онѣ хотѣли пробѣжать мимо; но когда Министръ приказалъ ихъ окружить, то онѣ остановились и начали защищаться храбро. Не смотря однако на то, онѣ были побѣждены мужествомъ и искусствомъ охотниковъ. Восемь крысъ легли на мѣстѣ, три обратились въ бѣгство, а одну, довольно тяжело ра-

неную, Министръ велѣлъ вылечить и отвести въ звѣринецъ.

По окончаніи охоты, Алеша такъ усталъ, что глазки его невольно закрывались... при всемъ томъ, ему хотѣлось обо многомъ поговорить съ Чернушкою, и онъ попросилъ позволенія возвратиться въ залу, изъ которой они выѣхали на охоту. Министръ на то согласился; большою рысью поѣхали они назадъ, и по прибытіи въ залу, отдали лошадей конюхамъ, раскланялись съ придворными и охотниками, и сѣли другъ подлѣ друга на принесенные имъ стулья. — Скажи пожалуйста — началъ Алеша, зачѣмъ вы убили бѣдныхъ крысъ, которыя васъ не беспокоятъ и живутъ такъ далеко отъ вашего жилища? —

«Если бъ мы ихъ не истребляли,» сказалъ Министръ — «то онѣ вскорѣ бы насъ выгнали изъ комнатъ нашихъ и истребили бы всѣ наши, съѣстные припасы. Къ тому же мыши и крысы мѣха у насъ въ высокой цѣнѣ, по причинѣ ихъ легкости и мягкости. Однимъ знатнымъ особамъ позволено ихъ у насъ употреблять.» — Да расскажи мнѣ пожалуй, кто вы таковы? — продолжалъ Алеша.

«Неужели ты никогда не слыхалъ, что подъ землею живетъ народъ нашъ?» отвѣчалъ Министръ : «правда, не многимъ удастся насъ видѣть, однако бывали примѣры — особливо въ старину, что мы выходили на свѣтъ и показывались людямъ. Теперь это рѣдко случается, потому, что люди сдѣлались очень нескромны; а у насъ существуетъ законъ, что если тотъ, кому мы показались, не сохранить этого въ тайнѣ, то мы принуждены бываемъ немедленно оставить мѣстопробываніе наше и итти — далеко, далеко въ другія страны. Ты легко представить себѣ можешь, что Королю нашему не весело было бы оставить всѣ здѣшнія заведенія и съ цѣлымъ народомъ переселиться въ неизвѣстныя земли. И потому убѣдительно тебя прошу, быть какъ можно скромнѣе; ибо въ противномъ случаѣ ты насъ всѣхъ сдѣлаешь несчастными, а особливо меня. Изъ благодарности, я упросилъ Короля призвать тебя сюда; но онъ никогда мнѣ не проститъ, если по твоей нескромности мы принуждены будемъ оставить этотъ край...»

— Я даю тебѣ честное слово, что никогда не

буду ни съ кѣмъ объ васъ говорить, — прервалъ его Алеша.

— Я теперь вспомнилъ, что читалъ въ одной книжкѣ о Гномахъ, которые живутъ подъ землею. Пишутъ, что въ нѣкоторомъ городѣ очень разбогатѣлъ одинъ сапожникъ въ самое короткое время, такъ, что никто не понималъ, откуда взялось его богатство. Наконецъ, какъ-то узнали, что онъ шилъ сапоги и башмаки на Гномовъ, платившихъ ему за то очень дорого. — «Быть можетъ, что это правда» — отвѣчалъ Министръ. — Но, сказалъ ему Алеша, объясни мнѣ, любезная Чернушка, отъ чего ты, будучи Министромъ, являешься въ свѣтъ въ видѣ курицы, и какую связь имѣете вы съ старушками Голландками? —

Чернушка, желая удовлетворить его любопытству, начала было рассказывать ему подробно о многомъ; но при самомъ началѣ ея разсказа, глаза Алешины закрылись, и онъ крѣпко заснулъ. Проснувшись на другое утро, онъ лежалъ въ своей постелѣ.

Долго не могъ онъ опомниться и не зналъ, что ему думать... Чернушка и Министръ, Король и рыцари, Голландки и крысы — все

это смѣшалось въ его головѣ, и онъ насилу мысленно привелъ въ порядокъ все, видѣнное имъ въ прошлую ночь. Вспомнивъ, что Король ему подарилъ конопляное зерно, онъ поспѣшно бросился къ своему платю, и дѣйствительно нашелъ въ карманѣ бумажку, въ которой завернуто было конопляное сѣмечко. Увидимъ, подумалъ онъ, сдержать ли слово свое Король! Завтра начнутся классы, а я еще не успѣлъ выучить всѣхъ своихъ уроковъ.

Историческій урокъ особенно его беспокоилъ: ему задано было выучить наизусть нѣсколько страницъ изъ Шрековой Всемирной Исторіи, и онъ не зналъ еще ни одного слова! Насталъ Понедѣльникъ, съѣхались пансіонеры и начались классы. Отъ десяти часовъ до двѣнадцати преподавалъ Исторію самъ содержатель пенсіона. У Алеши сильно билось сердце... Пока дошла до него очередь, онъ нѣсколько разъ ощупывалъ лежащую въ карманѣ бумажку съ коноплянымъ зернышкомъ.... Наконецъ, его вызвали. Съ трепетомъ подошелъ онъ къ учителю, открылъ ротъ, самъ еще не зная, что сказать, и — безошибочно,

не останавливаясь, проговорилъ заданное. Учитель очень его хвалилъ; однако Алеша не принималъ его хвалу съ тѣмъ удовольствіемъ, которое прежде чувствовалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. Внутренній голосъ ему говорилъ, что онъ не заслуживаетъ этой похвалы, потому, что урокъ этотъ не стоилъ ему никакого труда.

Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, учителя не могли нахвалиться Алешею. Всѣ уроки безъ исключенія зналъ онъ совершенно, всѣ переводы съ одного языка на другой были безъ ошибокъ, такъ, что не могли надивиться чрезвычайнымъ его успѣхамъ. Алеша внутренно стыдился этимъ похваламъ: ему совѣстно было, что поставляли его въ примѣръ товарищамъ тогда, какъ онъ вовсе того не заслуживалъ.

Въ теченіе этого времени, Чернушка къ нему не являлась, не смотря на то, что Алеша, особливо въ первыя недѣли послѣ полученія коноплянаго зернышка, не пропускалъ почти ни одного дня безъ того; чтобы ее не звать, когда ложился спать. Сначала онъ очень о томъ горевалъ, но потомъ успокоился мыслію,

что она вѣроятно занята важными дѣлами по своему званію. Въ послѣдствіи же, похвалы, которыми всѣ его осыпали, такъ его заняли, что онъ довольно рѣдко о ней вспоминалъ.

Между тѣмъ слухъ о необыкновенныхъ его способностяхъ разнесся вскорѣ по цѣлому Петербургу. Самъ Директоръ училищъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ пансіонъ и любовался Алешею. Учитель носилъ его на рукахъ, ибо чрезъ него пансіонъ вошелъ въ славу. Со всѣхъ концовъ города съѣзжались родители и приставали къ нему, чтобъ онъ дѣтей ихъ принялъ къ себѣ, въ надеждѣ, что и они такіе же будутъ ученые, какъ Алеша. Вскорѣ пансіонъ такъ наполнился, что не было уже мѣста для новыхъ пансіонеровъ, и учитель съ учительшею начали помышлять о томъ, чтобъ нанять домъ, гораздо просторнѣйшій того, въ которомъ они жили.

Алеша, какъ сказалъ я уже выше—сначала стыдился похвалъ, чувствуя, что вовсе ихъ не заслуживаетъ, но мало по малу онъ сталъ къ нимъ привыкать и — наконецъ самолюбіе его дошло до того, что онъ принималъ, не крас-

нѣясь, похвалы, которыми его осыпали. Онъ много сталъ о себѣ думать, важничалъ передъ другими мальчиками, и вообразилъ себѣ, что онъ гораздо лучше и умнѣе всѣхъ ихъ. Нравъ Алешинъ отъ этого совсѣмъ испортился: изъ добраго, милаго и скромнаго мальчика, сдѣлался гордый и непослушный. Совѣсть часто его въ томъ упрекала, и внутренній голосъ ему говорилъ: Алеша, не гордись! не приписывай самому себѣ того, что не тебѣ принадлежитъ; благодари судьбу за то, что она тебѣ доставила выгоды противъ другихъ дѣтей, но не думай, что ты лучше ихъ. Если ты не исправишься, то никто тебя любить не будетъ, и тогда ты, при всей своей учености, будешь самое несчастное дитя!

Иногда онъ и принималъ намѣреніе исправиться; но къ несчастію, самолюбіе такъ въ немъ было сильно, что заглушало голосъ совѣсти, и онъ день отъ дня становился хуже, и день отъ дня товарищи менѣе его любили.

Притомъ Алеша сдѣлался страшный шалунъ. Не имѣя нужды твердить уроковъ, которые ему задавали, онъ въ то время, когда другія дѣти готовились къ классамъ, занималъ

ся шалостями, и эта праздность еще болѣе портила его нравъ. Наконецъ, онъ такъ надоѣлъ всѣмъ дурнымъ своимъ нравомъ, что учитель серьезно началъ думать о средствахъ къ исправленію такого дурнаго мальчика — и для того задавалъ ему уроки вдвое и втрое болѣе, нежели другимъ; но и это ни сколько не помогало. Алеша вовсе не учился, а все-таки зналъ урокъ, съ начала до конца, безъ малѣйшей ошибки.

Однажды учитель, не зная, что съ нимъ дѣлать, задалъ ему выучить наизусть страницъ двадцать къ другому утру, и надѣялся, что онъ по крайней мѣрѣ въ этотъ день будетъ смирнѣе. Куды! нашъ Алеша и не думалъ объ урокѣ! Въ этотъ день онъ нарочно шалилъ болѣе обыкновеннаго, и учитель тщетно грозилъ ему наказаніемъ, если на другое утро не будетъ онъ знать урока. Алеша внутренно смѣялся этимъ угрозамъ, будучи увѣренъ, что конопляное сѣмечко поможетъ ему непременно. На слѣдующій день, въ назначенный часъ, учитель взялъ въ руки книжку, изъ которой заданъ былъ урокъ Алешѣ, подозвалъ его къ себѣ и велѣлъ проговорить заданное. Всѣ дѣ-

ти съ любопытствомъ обратили на Алешу вниманіе, и самъ учитель не зналъ, что подумать, когда Алеша, не смотря на то, что вовсе накануне не твердилъ урока, смѣло всталъ съ скамейки и подошелъ къ нему. Алеша ни мало не сомнѣвался въ томъ, что и этотъ разъ ему удастся показать свою необыкновенную способность; онъ разинулъ ротъ.... и не могъ выговорить ни слова!

«Что жъ вы молчите?» сказалъ ему учитель: «говорите урокъ.»

Алеша покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, опять покраснѣлъ началъ мять свои руки, слезы у него отъ страха навернулись на глазахъ.... все тщетно! онъ не могъ выговорить ни одного слова, потому, что надѣясь на конопляное зерно, онъ даже и не заглядывалъ въ книгу.

«Что это значитъ, Алеша?» закричалъ учитель. «Зачѣмъ вы не хотите говорить?»

Алеша самъ не зналъ, чему приписать такую странность, всунулъ руку въ карманъ, чтобъ ощупать сѣмечко.... но, какъ описать его отчаяніе, когда онъ его не нашелъ! Слезы градомъ полились изъ глазъ его.... онъ горько плакалъ, и все таки не могъ сказать ни слова.

Между тѣмъ учитель терялъ терпѣніе. Привыкнувъ къ тому, что Алеша всегда отвѣчалъ безошибочно и не запинаясь, ему казалось невозможнымъ, чтобъ онъ не зналъ по крайней мѣрѣ начала урока, и потому приписывалъ молчаніе его упрямству. «Подите въ спальню,» сказалъ онъ — «и оставайтесь тамъ, пока совершенно будете знать урокъ.» Алешу отвели въ нижній этажъ, дали ему книгу, и заперли дверь ключемъ.

Лишь только онъ остался одинъ, какъ началъ вездѣ искать коноплянаго зернышка. Онъ долго шарилъ у себя въ карманахъ, ползалъ по полу, смотрѣлъ подъ кроватью, перебиралъ одѣяло, подушки, простыню — все напрасно! нигдѣ не было и слѣдовъ любезнаго зернышка! Онъ старался вспомнить, гдѣ онъ могъ его потерять, и наконецъ увѣрился, что выронилъ его какъ нибудь наканунѣ, играя на дворѣ. Но какимъ образомъ найти его? Онъ запертъ былъ въ комнатѣ, а если бъ и позволили выйти на дворъ, такъ и это вѣроятно ни къ чему бы не послужило; ибо онъ зналъ, что курочки лакомы на конопляхъ, и зернышко его, вѣрно, которая нибудь изъ нихъ успѣла склевать!

Отчаявшись отыскать его, онъ вздумалъ призвать къ себѣ на помощь Чернушку. «Милая Чернушка!» говорилъ онъ: «Любезный Министръ! пожалуйста явись мнѣ, и дай другое зернышко! я право впередъ буду осторожнѣе.... но никто не отвѣчалъ на его просьбы, и онъ наконецъ сѣлъ на стулъ и опять принялся горько плакать.

Между тѣмъ настала пора обѣдать; дверь отворилась, и вошелъ учитель. «Знаете ли вы теперь урокъ?» спросилъ онъ у Алеши.

Алеша, громко всхлипывая, принужденъ былъ сказать, что не знаетъ. «Ну! такъ оставайтесь здѣсь пока выучите!» сказалъ учитель, велѣлъ подать ему стаканъ воды и кусокъ ржаного хлѣба, и оставилъ его опять одного.

Алеша сталъ твердить наизусть, но ничего не входило ему въ голову. Онъ давно отвыкъ отъ занятій, да и какъ вытвердить двадцать печатныхъ страницъ! Сколько онъ ни трудился, сколько ни напрягалъ свою память, но когда насталъ вечеръ, онъ не зналъ болѣе двухъ или трехъ страницъ, да и то плохо. Когда пришло время другимъ дѣтямъ ложиться спать, всѣ товарищи его разомъ нагрянули въ комна-

ту, и съ ними пришелъ опять учитель. «Алеша! знаете ли вы урокъ?» спросилъ онъ, — и бѣдный Алеша сквозь слезы отвѣчалъ: знаю только двѣ страницы. — «Такъ видно и завтра придется вамъ просидѣть здѣсь на хлѣбѣ и на водѣ,» сказалъ учитель, пожелалъ другимъ дѣтямъ покойнаго сна, и удалился.

Алеша остался съ товарищами. Тогда, когда онъ былъ доброе и скромное дитя, всѣ его любили, и если бывало, подвергался онъ наказанію, то всѣ о немъ жалѣли, и это ему служило утѣшеніемъ; но теперь никто не обращалъ на него вниманія: всѣ съ презрѣніемъ на него смотрѣли и не говорили съ нимъ ни слова. Онъ рѣшился самъ начать разговоръ съ однимъ мальчикомъ, съ которымъ въ прежнее время былъ очень друженъ, но тотъ отъ него отворотился, не отвѣчая. Алеша обратился къ другому; но и тотъ говорить съ нимъ не хотѣлъ и даже оттолкнулъ его отъ себя, когда онъ опять съ нимъ заговорилъ. Тутъ несчастный Алеша почувствовалъ, что онъ заслуживаетъ такое съ нимъ обхожденіе товарищей. Обливаясь слезами, легъ онъ въ свою постель, но никакъ не могъ заснуть.

Долго лежалъ онъ такимъ образомъ, и съ горестію вспоминалъ о минувшихъ счастливыхъ дняхъ. Всѣ дѣти уже наслаждались сладкимъ сномъ, одинъ только очъ заснуть не могъ! И Чернушка меня оставила, подумалъ Алеша — и слезы вновь полились у него изъ глазъ.

Вдругъ.... простыня у сосѣдней кровати зашевелилась, подобно, какъ въ первый тотъ день, когда къ нему явилась черная курица. Сердце въ немъ стало биться сильнѣе.... онъ желалъ, чтобъ Чернушка вышла опять изъ подъ кровати; но не смѣлъ надѣяться, что желаніе его исполнится. «Чернушка, Чернушка!» сказалъ онъ наконецъ въ полголоса... Простыня приподнялась, и къ нему на постель взлетѣла черная курица.

«Ахъ, Чернушка!» сказалъ Алеша, внѣ себя отъ радости; «я не смѣлъ надѣяться, что съ тобою увижусь! ты меня не забыла?»

— Нѣтъ, отвѣчала она: я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тотъ Алеша, который спасъ меня отъ смерти, вовсе не похожъ на того, котораго теперь передъ собою вижу. Ты тогда былъ добрый мальчикъ, скром-

ный и учтивый, и всѣ тебя любили, а теперь... я не узнаю тебя! —

Алеша горько заплакалъ, а Чернушка продолжала давать ему наставленія. Долго она съ нимъ разговаривала, и со слезами упрашивала его исправиться. Наконецъ, когда уже начиналъ показываться дневный свѣтъ, курочка ему сказала: «Теперь я должна тебя оставить, Алеша! Вотъ конопляное зерно, которое выронилъ ты на дворѣ. Напрасно ты думалъ, что потерялъ его невозвратно. Король нашъ слишкомъ великодушенъ, чтобъ лишить тебя онаго за твою неосторожность. Помни однако, что ты далъ честное слово сохранять въ тайнѣ все, что тебѣ о насъ извѣстно.... Алеша! къ теперешнимъ худымъ свойствамъ твоимъ не прибавь еще худшаго — неблагодарности!» —

— Алеша съ восхищеніемъ взялъ любезное свое сѣмечко изъ лапокъ курицы, и обѣщался употребить всѣ силы свои, чтобъ исправиться! «Ты увидишь, милая Чернушка» сказалъ онъ — «что я сегодня же совсѣмъ другой буду....»

— Не полагай, отвѣчала Чернушка, что такъ легко исправиться отъ пороковъ, когда они уже взяли надъ нами верхъ. Пороки обык-

новенно входятъ въ дверь, а выходятъ въ щелочку, и потому, если хочешь исправиться, то долженъ безпрестанно и строго смотрѣть за собою. Но прощай! пора намъ разстаться!

Алеша, оставшись одинъ, началъ разсматривать свое зернышко, и не могъ имъ налюбоваться. Теперь-то онъ совершенно спокоенъ былъ на счетъ урока, и вчерашнее горе не оставило въ немъ никакихъ слѣдовъ. Онъ съ радостію думалъ о томъ, какъ будутъ всѣ удивляться, когда онъ безошибочно проговоритъ двадцать страницъ — и мысль, что онъ опять возьметъ верхъ надъ товарищами, которые не хотѣли съ нимъ говорить, ласкала его самолюбіе. Объ исправленіи самого себя, онъ хотя и не забылъ, но думалъ, что это не можетъ быть такъ трудно, какъ говорила Чернушка. — Будто не отъ меня зависитъ исправиться! мыслилъ онъ. Стоитъ только захотѣть, и всѣ опять меня любить будутъ....

Увы! бѣдный Алеша не зналъ, что для исправленія самого себя необходимо должно начать тѣмъ, чтобъ откинуть самолюбіе и излишнюю самонадѣянность.

Когда поутру собрались дѣти въ классы, Алешу позвали вверхъ. Онъ вошелъ съ веселымъ и торжествующимъ видомъ. «Знаете ли вы урокъ вашъ?» спросилъ учитель, взглянувъ на него строго.

— Знаю — отвѣчалъ Алеша смѣло.

Онъ началъ говорить, и проговорилъ всѣ двадцать страницъ безъ малѣйшей ошибки и остановки. Учитель внѣ себя былъ отъ удивленія, — а Алеша гордо посматривалъ на своихъ товарищей!

Отъ глазъ учителя не скрылся гордый видъ Алешинъ. «Вы знаете урокъ свой;» сказалъ онъ ему — «это правда; но за чѣмъ вы вчера не хотѣли его сказать?» — Вчера я не зналъ его — отвѣчалъ Алеша.

«Быть не можетъ! прервалъ его учитель. «Вчера ввечеру вы мнѣ сказали, что знаете только двѣ страницы, да и то плохо, а теперь безъ ошибки проговорили всѣ двадцать! Когда же вы его выучили?»

Алеша замолчалъ. Наконецъ дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ: я выучилъ его сегодня поутру! —

Но тутъ вдругъ всѣ дѣти, огорченные его

надменностію, закричали въ одинъ голосъ: онъ не правду говоритъ; онъ и книги въ руки не бралъ сегодня поутру!

Алеша вздрогнулъ, потупилъ глаза въ землю и не сказалъ ни слова.

«Отвѣчайте же!» продолжалъ учитель: «когда выучили вы урокъ?» но Алеша не прерывалъ молчанія: онъ такъ пораженъ былъ симъ неожиданнымъ вопросомъ и недоброжелательствомъ, которое оказывали ему всѣ его товарищи, что не могъ опомниться.

Между тѣмъ учитель полагая, что онъ накануне не хотѣлъ сказывать урока изъ упрямства, счелъ за нужное строго наказать его.

«Чѣмъ болѣе вы отъ природы имѣете способностей и дарованій» — сказалъ онъ Алешѣ — «тѣмъ скромнѣе и послушнѣе вы должны быть. Не для того Богъ далъ вамъ умъ, чтобъ вы во зло его употребляли. Вы заслуживаете наказаніе за вчерашнее упрямство, а сегодня вы еще увеличили вину вашу тѣмъ, что солгали. «Господа!» продолжалъ учитель, обратясь къ пансіонерамъ — «запрещаю всѣмъ вамъ говорить съ Алешею до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно исправится; а такъ какъ, вѣ-

роятно, для него это не большое наказаніе, то велите подать розги.»

Принесли розги.... Алеша былъ въ отчаяніи! Въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ существовалъ пансіонъ, наказывали розгами, и кого же — Алешу, который такъ много о себѣ думалъ, который считалъ себя лучше и умнѣе всѣхъ! какой стыдъ!...

Онъ, рыдая, бросился къ учителю, и обѣщался совершенно исправиться.... «Надобно было думать объ этомъ прежде» былъ ему отвѣтъ. — Слезы и раскаяніе Алеши тронули товарищей, и они начали просить за него; а Алеша, чувствуя, что не заслужилъ ихъ состраданія, еще горьче сталъ плакать! Наконецъ, учитель приведенъ былъ въ жалость: «хорошо!» сказалъ онъ — «я прощу васъ ради просьбы товарищей вашихъ, но съ тѣмъ, чтобъ вы предъ всѣми признались въ вашей винѣ, и объявили, когда вы выучили заданный урокъ?»

Алеша совершенно потерялъ голову.... онъ забылъ обѣщаніе, данное подземельному Королю и его Министру, и началъ рассказывать о черной курицѣ, о рыцаряхъ, о маленькихъ людяхъ....

Учитель не далъ ему договорить.... «Какъ! вскричалъ онъ съ гнѣвомъ. «Вмѣсто того, чтобы раскаяться въ дурномъ поведеніи вашемъ, вы меня еще вздумали дурачить, рассказывая сказку о черной курицѣ?... Этого слишкомъ уже много. Нѣтъ, дѣти! вы видите сами, что его не лзя не наказать!»

И бѣднаго Алешу высѣкли!!

Съ поникшею головою, съ растерзаннымъ сердцемъ Алеша пошелъ въ нижній этажъ, въ спальныя комнаты. Онъ былъ какъ убитый.... стыдъ и раскаяніе наполняли его душу! Когда чрезъ нѣсколько часовъ, онъ немного успокоился и положилъ руку въ карманъ.... коноплянаго зернышка въ немъ не было! Алеша горько заплакалъ, чувствуя, что потерялъ его навсегда!

Ввечеру, когда другія дѣти пришли спать, онъ также легъ въ постель; но заснуть никакъ не могъ! Какъ раскаявался онъ въ дурномъ поведеніи своемъ! онъ рѣшительно принялъ намѣреніе исправиться, хотя чувствовалъ, что конопляное зернышко возвратитъ невозможно!

Около полуночи пошевелилась опять простыня у сосѣдней кровати.... Алеша, который

наканунѣ этому радовался, — теперь закрылъ глаза.... онъ боялся увидѣть Чернушку! — Совѣсть его мучила. — Онъ вспомнилъ, что еще вчера ввечеру такъ увѣрительно говорилъ Чернушкѣ, что непременно исправится, — и вмѣсто того.... что онъ ей теперь скажетъ?

Нѣсколько времени лежалъ онъ съ закрытыми глазами. Ему слышался шорохъ отъ поднимающейся простыни.... Кто-то подошелъ къ его кровати — и голосъ, знакомый голосъ, назвалъ его по имени: Алеша, Алеша! — Но онъ стыдился открыть глаза, а между тѣмъ слезы изъ нихъ выкатывались и текли по его щекамъ....

Вдругъ кто-то дернулъ за одѣяло.... Алеша невольно проглянулъ, и передъ нимъ стояла Чернушка — не въ видѣ курицы, а въ черномъ платьѣ, въ малиновой шапочкѣ съ зубчиками, и въ бѣломъ накрахмаленномъ шейномъ платкѣ, точно какъ онъ видѣлъ ее въ подземной залѣ. «Алеша!» сказалъ Министръ — «я вижу что ты не спишь.... прощай! я пришелъ съ тобою проститься, болѣе мы не увидимся!...»

Алеша громко зарыдалъ. — Прощай! — вос-

кликнулъ онъ: прощай! И, если можешь, прости меня! я знаю, что виноватъ передъ тобою; но я жестоко за то наказанъ! — «Алеша!» сказалъ сквозь слезы Министръ: — «я тебя прощаю; не могу забыть, что ты спасъ жизнь мою, и все тебя люблю, хотя ты сдѣлалъ меня несчастнымъ, можетъ быть навѣки!... Прощай! мнѣ позволено видѣться съ тобою на самое короткое время. Еще въ теченіе нынѣшней ночи, Король съ цѣлымъ народомъ своимъ долженъ переселиться далеко, далеко отъ здѣшнихъ мѣстъ! Всѣ въ отчаяніи, всѣ проливаютъ слезы. Мы нѣсколько столѣтій жили здѣсь такъ счастливо, такъ покойно!...»

Алеша бросился цѣловать маленькія ручки Министра. Схвативъ его за руку, онъ увидѣлъ на ней что-то блестящее, и въ то же самое время какой-то необыкновенный звукъ поразилъ его слухъ....

— Что это такое? спросилъ онъ, съ изумленіемъ. — Министръ поднялъ обѣ руки къ верху, и Алеша увидѣлъ, что онѣ были скованы золотою цѣпью.... Онъ ужаснулся!... «Твоя нескромность причиною, что я осужденъ носить эти цѣпи» сказалъ Министръ съ глубокимъ

вздохомъ: «но не плачь, Алеша! твои слезы помочь мнѣ не могутъ. Однимъ, только, ты можешь меня утѣшить въ моемъ несчастіи: старайся исправиться, и будь опять такимъ же добрымъ мальчикомъ, какъ былъ прежде. Прощай въ послѣдній разъ!»

Министръ пожалъ Алешѣ руку, и скрылся подъ сосѣднюю кровать. «Чернушка, Чернушка!» кричалъ ему въ слѣдъ Алеша, но Чернушка не отвѣчала.

Во всю ночь не могъ онъ сомкнуть глазъ ни на минуту. За часъ передъ разсвѣтомъ послышалось ему, что подъ поломъ что-то шумитъ. Онъ всталъ съ постели, приложилъ къ полу ухо, и долго слышалъ стукъ маленькихъ колесъ и шумъ, какъ будто множество маленькихъ людей проходило. Между шумомъ этимъ слышенъ былъ также плачь женщинъ и дѣтей, и голосъ Министра-Чернушки, который кричалъ ему: «прощай, Алеша! прощай навѣки!...»

На другой день поутру дѣти, проснувшись, увидѣли Алешу, лежащаго на полу безъ памяти. Его подняли, положили въ постель, и

послали за Докторомъ, который объявилъ, что у него сильная горячка.

Недѣль черезъ шесть Алеша, съ помощію Божіею, выздоровѣлъ, и все происходившее съ нимъ передъ болѣзнію, казалось ему тяжелымъ сномъ. Ни учитель, ни товарищи не напоминали ему ни слова ни о черной курицѣ, ни о наказаніи, которому онъ подвергся. Алеша же самъ стыдился объ этомъ говорить, и старался быть послушнымъ, добрымъ, скромнымъ и прилежнымъ. Всѣ его снова полюбили и стали ласкать, и онъ сдѣлался примѣромъ для своихъ товарищей, хотя уже и не могъ выучить наизусть двадцать печатныхъ страницъ вдругъ — которыхъ впрочемъ ему и не задавали.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА:

Монастырка.

ВТОРАГО ТОМА:

	СТРАН.
I. Двóйникъ, или Мои вечера въ Малороссіи.....	3
II. Магнетизёръ, отрывокъ изъ новаго романа.....	299
III. Новая тяжба о буквѣ Ъ. Письмо къ барону Гум- больдту.....	317
IV. Черная Курица, или Подземные жители. Волшеб- ная повѣсть.....	347

Pogorel'skij, Antonij,

Sočinenija Antonija Pogorel'skago

Bd.: 2

Sanktpeterburg 1853

Bamberg, Staatsbibliothek -- L.russ.o.56(2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11731110-8